

Max Weber
Die Stadt

1921

Макс Вебер
Город

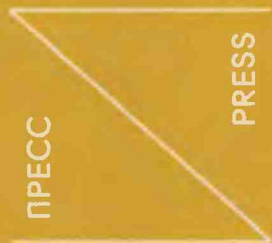
STRELKA PRESS

Великий немецкий социолог Макс Вебер одним из первых попытался понять, каким образом на пересечении политических, экономических и военных функций человеческого поселения возникает город как социальный институт. Исторический очерк Вебера позволяет не только узнать, из какого разнообразия социальных форм сложился тот город, в котором мы живем сегодня, но и научиться видеть это разнообразие в современной эпохе.

ISBN 978-5-906264-64-0

9 785906 264640

Макс Вебер

Город

УДК 316.334.56

ББК 60.54

В26

Перевод с немецкого Маргарита Левина
Научный редактор Кирилл Левинсон
Дизайн Дарья Яржамбек, Юрий Остроменцкий
Леттеринг на обложке Юрий Остроменцкий
(CSTM Fonts)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Гете-Института в Москве

В26

Вебер М.

Город

М.: Strelka Press, 2017. — 252 с.

ISBN 978-5-906264-64-0

Великий немецкий социолог Макс Вебер одним из первых попытался понять, каким образом на пересечении политических, экономических и военных функций человеческого поселения возникает город как социальный институт. Исторический очерк Вебера позволяет не только узнать, из какого разнообразия социальных форм сложился тот город, в котором мы живем сегодня, но и научиться видеть это разнообразие в современной эпохе.

УДК 316.334.56

ББК 60.54

ISBN 978-5-906264-64-0

© Институт медиа, архитектуры и дизайна
«Стрелка», 2017

Оглавление

§ 1. Понятие и категории города

- 9 1. Экономическое понятие города:
рыночное поселение
- 14 2. Три типа городов: город потребителей,
город производителей, торговый город
- 18 3. Отношение городов к сельскому хозяйству
- 20 4. «Городское хозяйство» как стадия
экономического развития
- 23 5. Политико-административное понятие города
- 26 6. Крепость и гарнизон
- 29 7. Город как сплав крепости и рынка
- 34 8. Община и бюргер: обзор

§ 2. Западный город

- 48 1. Характер городской земельной собственности
и правовой статус жителей
- 56 2. Расцвет города как братства
- 60 3. Предпосылки возникновения братства:
распад родовых связей
- 62 4. Не-городские ассоциации античного
и средневекового города
- 68 5. Братство, скрепленное присягой, на Западе:
правовые и политические последствия
- 73 6. *Conjuraciones* в Италии
- 82 7. Братства германского севера
- 89 8. Значение военной самостоятельности
городов Запады

§ 3. Город под властью родовой знати в Средние века и в Античности

- 93 1. Истоки прав знати
- 96 2. Монополизация власти знатными родами
в Венеции
- 104 3. Власть патрициата в других итальянских
коммунах: отсутствие замкнутости и институт *podestà*
- 109 4. Олигархия английского города и давление
на нее королевской власти

- 117 5. Развитие власти в Северной Европе: патрициат в советах и цехи ремесленников
- 120 6. Харизматически-родовая царская власть в эпоху Античности
- 125 7. Античный город с родовым строем как приморское поселение воинов
- 133 8. Родовые города Античности и Средневековья: сходства и различия
- 136 9. Экономическая структура родовых городов Античности и Средневековья

§ 4. Плебейский город

- 145 1. Роль цеховых братств, скрепленных присягой, в падении господства родовой знати
- 146 2. *Popolo* как иллегитимный революционный политический союз
- 149 3. Распределение власти в средневековом итальянском городе
- 156 4. Античные параллели: трибуны и плебс в Риме
- 159 5. Античные параллели: демос и эфоры в Спарте
- 161 6. Этапы демократического развития в Греции и его результаты
- 168 7. Иллегитимное правление: античная тирания
- 171 8. Иллегитимное правление: средневековая синьория
- 174 9. Замирение бюргеров и легитимизация синьории
- 179 10. Независимость городов, капитализм и патримониальная бюрократия: заключение

§ 5. Античная и средневековая демократия

- 203 1. Происхождение низших сословий в Античности: должники и рабы
- 207 2. Конститутивные элементы города: территориальные образования vs. ремесленные ассоциации
- 215 3. Экскурс: сравнение афинских и римских конститутивных элементов города
- 218 4. Экономическая политика и военные интересы
- 225 5. Зависимые, клиенты, вольноотпущенники и их политическая и экономическая роль

- 234 6. Полис как цех воинов *vs.* средневековый
торговый континентальный город
- 240 7. Античные города-государства и препятствия
для возникновения имперских образований
- 249 От научного редактора

§ 1. Понятие и категории города

1. Экономическое понятие города: рыночное поселение

Определения «города» могут быть самыми различными по своему характеру. Общее для них всех только одно: то, что город представляет собой замкнутое (во всяком случае, относительно) поселение, «населенный пункт», а не одно или несколько отдельно расположенных жилищ. В городах (впрочем, не только в городах) дома особенно тесно — а сегодня, как правило, стена к стене — примыкают друг к другу. Обычно под словом «город» имеют в виду, помимо названного, еще и чисто количественные признаки: город — это большое поселение. Сам по себе этот признак нельзя считать неточным. С социологической точки зрения этот признак города характеризует его как населенный пункт, следовательно, поселение в тесно соприкасающихся друг с другом домах, которое настолько велико, что в нем отсутствует специфическое для общества соседей личное знакомство друг с другом. При таком определении городами можно было бы считать лишь достаточно большие поселения; а при какой величине поселения этот признак можно считать определяющим, зависело бы от общих культурных условий. В прошлом населенные пункты, представлявшие собой города в правовом отношении, далеко не всегда обладали этим признаком. Да и в нынешней России есть «деревни» со многими тысячами жителей, которые значительно больше иных «городов» прошлого (например, в области поселения поляков на востоке нашей страны), население которых едва составляло несколько сотен человек. Величи-

на как таковая не может быть решающей в определении города.

Если попробовать определить город с чисто экономической точки зрения, то это поселение, жители которого в преобладающей своей части живут на доходы не от сельского хозяйства, а от ремесла и торговли. Но и называть все поселения такого рода «городами» также нецелесообразно, ведь не хотим же мы подводить под понятие «город» поселения, жители которых образуют родовые союзы и занимаются одним, фактически унаследованным промыслом, — «промысловые деревни» Азии и России.

Еще одним признаком можно считать известное «многообразие» занятий. Но и оно само по себе не способно служить решающим признаком, ибо может быть, в сущности, основано на двух факторах: либо на наличии господского, прежде всего княжеского, двора в качестве центра, для удовлетворения экономических и политических потребностей которого специализируется производство, производятся продукты и ведется торговля. «Городом» обычно не называют и ойкос* аристократа-землевладельца (Grundherr) или князя (Fürst), даже насчитывающий большое число несущих трудовые повинности и платящих подати ремесленников и мелких торговцев, хотя исторически очень большая часть важнейших «городов» возникла из таких поселений, и производство продуктов для княжеского двора составляло для жителей очень многих из них весьма важный, часто преимущественный, источник доходов («княжеские города»).

* Хозяйство (греч.) с замкнутым производством и потреблением. (Здесь и далее примеч. ред.)

Еще одним необходимым признаком «города» следует считать «рынок»: осуществление не спорадического, а регулярного товарообмена на территории поселения в качестве существенной составной части дохода и удовлетворения потребностей населения. Однако «рынок» не всегда еще превращает место, где он функционирует, в «город». Периодические ярмарки и рынки, на которых продаются предметы дальней торговли, на которые в установленное время (обычно раз в год) съезжаются торговцы, чтобы сбывать оптом или в розницу друг другу или потребителям свои товары, действовали часто в таких местах, которые мы называем «деревнями». О «городе» в экономическом смысле можно говорить лишь там, где местное население удовлетворяет экономически существенную часть своих повседневных потребностей на местном рынке, причем в значительной части продуктами, произведенными или каким-либо образом приобретенными местным населением и населением ближайшей округи для сбыта на рынке. Каждый город в указанном здесь смысле есть «рыночное поселение», то есть имеет в качестве экономического центра поселения местный рынок, на котором вследствие существующей специализации производства продуктов свои потребности в ремесленных изделиях и различных предметах торговли удовлетворяет также и негородское население и на котором, конечно, сами горожане совершают обмен произведенными продуктами и удовлетворяют свои хозяйственные потребности.

Изначально было в порядке вещей, что город — там, где он вообще существует как отличное от сельского поселения образование, — является и местопребыванием аристократа-зем-

левладельца или князя, и местом, где существует рынок, и располагает экономическими центрами обоих типов — ойкосом и рынком, причем наряду с постоянно действующим местным рынком часто служит местом для периодически проводимых ярмарок, на которые съезжаются купцы издалека. Итак, город в понимаемом нами смысле есть поселение, в котором действует рынок.

Существование рынка часто основано на привилегиях и защите, предоставляемых аристократом-землевладельцем или князем, которые заинтересованы в постоянном притоке товаров и ремесленных изделий на рынок из-за рубежа, а также в пошлинах, различных платежах за предоставляемую защиту, рыночных сборах, процессуальных платежах, связанных с рынком, но, кроме того, заинтересованы и в поселении тут же способных платить налоги ремесленников и торговцев, а как только рядом с рынком возникнет поселение — они могут рассчитывать и на доход от сдачи в аренду земель; все это шансы, имеющие для господина земли тем большее значение, что речь здесь идет о доходах в форме денег, увеличивающих его запас благородных металлов.

Город может быть и никак не связан, в том числе территориально, с двором, — он может возникнуть как чисто рыночное поселение либо в удобном перевалочном пункте на основании привилегии, дарованной неместными аристократами-землевладельцами или князьями, либо в результате захвата этого места заинтересованными лицами. Случалось так, что привилегия основать рынок и привлечь поселенцев давалась предпринимателю. Наиболее часто это происходило в Средние века, особенно в восточных, се-

верных и центральноевропейских областях возникновения городов, но вообще бывало во всем мире на протяжении всей истории. Город мог возникнуть и не примыкая к княжескому двору, и без монарших привилегий — как объединение чуждых данной местности пришельцев, воинов-мореплавателей, торговцев-поселенцев и, наконец, местных жителей, заинтересованных в посреднической торговле; именно это случалось довольно часто в ранней Античности и порой в раннем Средневековье на берегах Средиземного моря. Такой город мог быть чисто рыночным поселением, но чаще имело место сосуществование крупных княжеских или землевладельческих патримониальных хозяйств с рынком. Хозяйство правителя могло в качестве одной из опор города удовлетворять свои потребности либо натурально-хозяйственным путем — посредством барщины, повинностей и оброка с зависимых от него местных ремесленников и торговцев, либо в той или иной степени посредством обмена, выступая на городском рынке как потребитель, обладающий наибольшей покупательной силой. Чем в большей степени проявлялось последнее обстоятельство, тем в большей степени на первый план выходила рыночная основа города: город переставал быть просто придатком к ойкосу, находящимся близ него рыночным поселением и становился, несмотря на связь с крупными хозяйствами, рыночным городом. Как правило, рост первоначально княжеских городов и их экономическое значение были прямо связаны с ростом удовлетворения рынком потребностей княжеского двора и крупных городских хозяйств, примыкающих к нему, — дворов его вассалов или должностных лиц.

2. Три типа городов: город потребителей, город производителей, торговый город

К типу княжеского города, то есть такого, в котором шансы жителей на получение дохода прямо или косвенно зависят от покупательной способности княжеских или других крупных хозяйств, близки те города, где шансы на прибыль местных ремесленников и купцов в решающей степени определяются покупательной способностью других крупных потребителей, а именно — получателей рент. Эти крупные потребители могут быть очень различны по своему типу в зависимости от характера и происхождения их доходов. Они могут быть: 1) должностными лицами, обладающими законными или незаконными доходами, или 2) аристократами-землевладельцами и носителями политической власти, расходующими в городе ренту с внегородских земель или иные обусловленные их политическим положением доходы. В обоих случаях такой город очень близок к типу княжеского города; он базируется на патримониальных и политических доходах как основе покупательной способности крупных потребителей (примером чиновничьего города может служить Пекин; города аристократов, живущих на ренту со своих имений, — Москва до отмены крепостного права). От городов этого типа следует строго отличать на первый взгляд как будто подобный им тип городов, где городская земельная рента, обусловленная монопольным «положением на торговых путях» земельных участков в городе и, следовательно, косвенно имеющая своим источником именно городское ремесло и торговлю, стекается в руки городской аристократии (это было распространенным случаем во все времена, особенно в Античности,

от ранних времен до Византии, а также в Средние века). Такой город экономически является не городом землевладельцев, живущих на ренту с имений, а городом торговым или ремесленным, в зависимости от преобладающего характера занятий его жителей, а рента с городских земельных участков — это подать, выплачиваемая городскими предпринимателями за владение домами. Понятное отличие города такого типа от города, где рента складывается не из подати с городских доходов, а из доходов от аренды земли вне города, не означает, что реально в прошлом они часто не переходили друг в друга. Крупные потребители могут быть также получателями ренты, которые проживают в городе доходы со своих деловых предприятий, в наше время прежде всего проценты с ценных бумаг и дивиденды, или тантьемы*. Тогда покупательная способность обусловлена главным образом денежно-хозяйственными источниками ренты, преимущественно капиталистического характера (пример: Арнгейм), или основана на казенных пенсиях или иных государственных рентах (например, «Пенсионополис» типа Висбадена). Во всех этих и многочисленных подобных случаях город является в большей или меньшей степени городом потребителей, ибо шансы на доходы его предпринимателей, ремесленников и торговцев в решающей степени зависят от наличия среди населения различных по своему экономическому положению крупных потребителей.

Возможно и прямо противоположное: город является городом производителей, следовательно, рост его населения и увеличение его покупатель-

* Вознаграждение служащему в виде процента от прибыли.

ной способности основаны, как, например, в Эссене и Бохуме, на том, что в них имеются фабрики, мануфактуры и предприятия домашней промышленности, посылающие свои товары в другие области (современный тип городов), или существуют ремесленные мастерские, товары которых вывозятся за пределы города, — азиатский, античный и средневековый город. Потребителями на местном рынке являются отчасти — в качестве крупных потребителей — предприниматели, если они, что не обязательно, местные жители, отчасти же и в первую очередь в качестве массового потребителя — рабочие и ремесленники, а также косвенно обязанные им своими доходами торговцы и владельцы земельной ренты. Городу потребителей противоположен как ремесленно-промысловый (*gewerblich*), так и торговый город, то есть город, покупательная способность крупных потребителей которого основана на том, что они либо выгодно продают в розницу иногородние товары на местном рынке (как торговцы сукном в Средние века), либо (как ганзейские купцы, торговавшие сельдью) прибыльно сбывают товары местных производителей вне города, либо приобретают иногородние товары и сами вывозят их, пользуясь иногда складами в данном городе (города посреднической торговли). Или, что очень часто бывает, образуется комбинация всего этого: *commenda* и *societas maris** Средиземноморья большей частью означают, что *tractator* (разъезжающий по разным местам купец) на деньги, полностью или частично предоставленные ему местны-

* Комменда и морское товарищество (*лат.*) — виды коммандитного товарищества, предпринимательской организации, один из членов которой (*tractator*) ведет дела, а другой вносит деньги или товары.

ми капиталистами, закупает производимые в его городе или купленные на городском рынке товары и везет их в Левант (видимо, достаточно часто туда он ехал порожняком и только назад с товаром), там продает и, закупив на вырученные деньги восточные товары, сбывает их на рынке своего города; барыши купец делит с владельцем капитала в соответствии с условиями договора. Следовательно, покупательная способность и налогоплатежность торгового города, как и города производителей, в отличие от города потребителей, основывается на местных ремесленно-промышленных предприятиях. К торговым предприятиям примыкают предприятия по экспедиции, транспорту, а также многочисленные крупные и мелкие побочные виды коммерческой деятельности. Однако конституирующая эти предприятия деятельность, ориентированная на прибыль, осуществляется целиком на местном рынке лишь в случае розничной торговли; в иногородней же торговле, напротив, в значительной или большей степени вне его. Нечто в принципе сходное представляет собой современный город (Лондон, Париж, Берлин), который является центром национальных или интернациональных кредиторов и крупных банков или (как Дюссельдорф) центром крупных акционерных обществ и картелей. Сегодня ведь более, чем когда-либо, преобладающая часть доходов предприятий уходит вообще в другие места, а не остается там же, где находится предприятие, которое их производит. С другой стороны, все большая часть этих доходов потребляется их обладателями не в больших городах, где находятся их деловые центры, а вне их, в виллах предместий, еще чаще в загородных местах отдыха, в отелях за границей и т.д. В связи с этим возникают со-

стоящие только — или почти только — из зданий фирм «города-сити» или (и большей частью) отдельные районы городов. Наша цель не в том, чтобы останавливаться здесь на дальнейшей специализации и казуистике, как было бы уместно в строгой экономической теории города. Едва ли стоит указывать на то, что в действительности города почти всегда представляют собой смешанные типы и классифицировать их можно только по их преобладающему экономическому компоненту.

3. Отношение городов к сельскому хозяйству

Отношение городов к сельскому хозяйству отнюдь не было однозначным. Существовали и существуют города сельскохозяйственного типа (Ackerbürgerstädte), которые, будучи местонахождением торговли и типичного городского ремесла, очень далеки от деревень, однако широкий слой их жителей удовлетворяет свою потребность в продуктах питания тем, что производит в собственном хозяйстве, и даже производит продукцию на продажу. Конечно, обычно жители городов обладают тем меньшим земельным участком, чем больше город, и такой участок не может производить достаточное количество продуктов питания, чтобы удовлетворить их потребности; большей частью они также не располагают, в отличие от «деревень», и значительным правом пользования пастбищем и лесом. Так, например, у самого большого средневекового города Германии — Кёльна — почти совсем не было, и, по-видимому, с самого начала, альменды*, которой обладала ка-

* Неподделенные земли, в основном угодья, принадлежащие сельской или городской общине.

ждая немецкая деревня того времени. Однако ряд средневековых городов Германии и других стран имели хотя бы значительные пастбищные и лесные угодья, которыми пользовались их граждане (Bürger). А в прошлом чем дальше мы продвигаемся к югу и в глубь Античности, тем чаще обнаруживаем обширные пахотные земли как принадлежность облика городов.

Если в наше время мы с полным правом считаем «горожанином» того, кто удовлетворяет свою потребность в продуктах питания не тем, что произведено на его собственной пашне, то для подавляющего большинства античных городов (Poleis) изначально было верно обратное. Мы увидим, что полноправный гражданин античного полиса, в отличие от средневекового, характеризовался исходно именно тем, что имел в собственности полный земельный надел (kleros, fundus, в Израиле chelek), который его кормил: полноправный гражданин в Античности был горожанином-земледельцем (Ackerbürger).

Особенно часто сельскохозяйственные владения принадлежали крупным городским корпорациям, как в Средние века — тоже в большей мере на юге, чем на севере, — так и в древности. Земельная собственность, порой гигантских размеров, встречается нам во многих средневековых или античных городах-государствах. Ею политически распоряжались или владели на правах наследуемой собственности властители могущественных городов, а порой землевладельцами выступали отдельные знатные граждане города. Примером могут служить владения Мильтиада в Херсонесе или земли знатных фамилий средневековых городов — скажем, генуэзских Гримальди в Провансе и за морем. Между тем эти межрегиональные вла-

дения и господские права отдельных граждан города не были, как правило, предметом хозяйственной политики городов, хотя своеобразное смешение отношений и возникает повсюду, где такое владение, в сущности, гарантируется отдельным лицам городом, к знатнейшим родам которого они принадлежат, где это владение приобреталось или утверждалось косвенно с помощью городских властей, где властитель города участвует в экономическом и политическом использовании этого владения, — как часто бывало в прошлом.

4. «Городское хозяйство» как стадия экономического развития

Отношение города как средоточия ремесел и промыслов (*Gewerbe*) и торговли к селу как поставщику продуктов питания составляет лишь часть комплекса явлений, который называют «городским хозяйством» и противопоставляют как особую «стадию хозяйства» «собственному» хозяйству, с одной стороны, «народному» — с другой (или множеству подобным же образом выделяемых ступеней). В этом понятии, однако, хозяйственно-политические мероприятия мыслятся в совокупности с чисто хозяйственными категориями. Причина этого состоит в том, что один только факт тесного соседства торговцев и ремесленников и регулярного удовлетворения повседневных потребностей на рынке сам по себе еще не исчерпывает понятия «город». Там, где существует только такой признак, то есть где в рамках замкнутых поселений различия конституируются лишь степенью удовлетворения собственных потребностей в сельскохозяйственных продуктах, или — что не то же самое — соотношением сельскохозяй-

ственной продукции и несельскохозяйственного производства товаров, или наличием и отсутствием рынка, мы будем говорить о поселениях ремесленников и торговцев или «рыночном местечке», но не о «городе». То, что город является не только скоплением жилищ, но и хозяйственной корпорацией с собственным земельным владением, с приходо-расходными операциями, также еще не составляет его отличие от деревни, которой при всем качественном различии присущи те же свойства. И наконец, специфическим признаком города не может считаться и то, что он — по крайней мере в прошлом — был не только хозяйственной корпорацией, но и корпорацией, регулирующей хозяйственные операции. Ведь и в деревне существует принудительный севооборот, регулируемое пользование пастбищами, запрет вывоза леса и соломы, а также ряд других хозяйственных установлений, то есть хозяйственная политика союза сельских жителей как таковая. Своеобразие городов прошлого заключалось только в способе и прежде всего в предметах этого хозяйственного регулирования, осуществлявшегося союзом горожан, а также в объеме характерных для этого регулирования мер принуждения. Эта «хозяйственная политика города» в значительной части своих мероприятий принимала во внимание тот факт, что в существовавших условиях передвижения снабжение продуктами большинства внутренних городов — к приморским городам это не относится, о чем свидетельствует зерновая политика в Афинах и Риме, — зависело от сельского хозяйства округа, что именно она является естественным местом сбыта для большинства, хотя и не для всех, товаров городских ремесел и что местом для происходящего таким образом процесса обмен-

на является — не исключительно, но обыкновенно — городской рынок, поскольку в первую очередь речь идет о продуктах питания. Хозяйственная политика городов исходила также из того, что изготовление непродовольственных товаров по большей части представляло собой в техническом отношении ремесленное производство, в организационном отношении — специализированное малое предприятие с небольшим капиталом или вообще без него при ограниченном числе проходящих долгое обучение подмастерьев, наконец, в экономическом отношении — либо работой на давальческом сырье, либо единичным производством на заказ из собственного сырья производителя, и что сбыт товаров местными розничными торговцами тоже в значительной мере заключался в продажах постоянным покупателям. Так называемая городская хозяйственная политика в специфическом смысле характеризовалась главным образом тем, что для гарантирования постоянства и дешевизны продуктов питания для массы населения и стабильности шансов ремесленников и торговцев на получение дохода она стремилась фиксировать в значительной степени определявшиеся тогда природой условия городского хозяйства посредством их регулирования. Однако, как мы вскоре увидим, это регулирование хозяйства не составляло единственный предмет и смысл хозяйственной политики города, а там, где мы его обнаруживаем в истории, оно не может рассматриваться как существовавшее во все времена: во всяком случае, в своем полном выражении оно существовало лишь в определенные эпохи — когда цехи обладали политической властью; и наконец, нет свидетельств, что оно было всеобщей стадией в истории всех городов. Во всяком случае, не эта

хозяйственная политика представляет собой универсальную стадию в развитии хозяйства. Можно сказать только одно: городской локальный рынок с происходящим на нем обменом между сельскохозяйственными и несельскохозяйственными производителями и местными торговцами, основанный на прочных связях продавца с покупателем и на лишенном капитала специализированном мелком производстве, представляет собой с точки зрения экономики обмена своего рода противоположность зависимым хозяйствам, ориентированным на планомерно отправляемые трудовые, денежные и натуральные повинности и в соединении с основанным на кумуляции и кооперации труда в господской усадьбе — ойкосе, внутри которого отсутствует обмен. Регулирование же отношений в области обмена и производства в городе является противоположностью организации производства в объединенных в ойкос хозяйствах.

5. Политико-административное понятие города

Из того, что мы в нашем исследовании данного вопроса должны были говорить о «хозяйственной политике города», о «городской округе», «городских властях», уже видно, что понятие «город» может и должно быть введено не только в ряд рассмотренных до сих пор экономических категорий, но и в ряд категорий политических. Осуществлять хозяйственную политику города может и князь, к сфере политического господства которого относится в качестве объекта город с его жителями. Тогда хозяйственная политика города, если она вообще имеет место, проводится только для города и его жителей, но не самим городом. Так бывает не всегда. Но даже в такой ситуации город оста-

ется в той или иной степени автономным союзом, «общинной» с особыми политическими и административными институтами. Во всяком случае, мы можем констатировать, что необходимо строго отличать разобранное выше экономическое понятие города от его политико-административного понятия. Только в последнем смысле городу принадлежит особая территория. В политико-административном смысле городом может считаться и такой населенный пункт, который по своему экономическому характеру не мог бы претендовать на такое наименование. В Средние века существовали «города» в правовом смысле, девять десятых или более жителей которых — по крайней мере значительно больше, чем среди жителей очень многих населенных пунктов, считавшихся в правовом смысле «деревнями», — обеспечивали себе пропитание исключительно продуктами своего сельскохозяйственного производства. Переход от такого «города сельскохозяйственного типа» к городу потребителей, городу производителей или торговому городу был, конечно, текучим (*flüssig*). Однако каждое отличающееся в административном отношении от деревни и рассматриваемое как «город» поселение характеризуется обычно особым способом регулирования отношений владения землей, непохожим на поземельные отношения в деревне. В городах в экономическом смысле слова это обусловлено специфической основой рентабельности владения городской землей: это владение домом, к которому остальная земля лишь прилагается. В административном же отношении особый характер городского землевладения связан прежде всего с иными принципами налогообложения и одновременно в большинстве случаев с решающим для политико-административного

понятия города признаком, выходящим за рамки чисто экономического анализа: с тем, что в прошлом, в Античности и Средние века, в Европе и за ее пределами город был своего рода крепостью и местом пребывания гарнизона. В настоящее время этот признак города полностью исчез. Впрочем, и в прошлом он существовал не повсюду. Так, он обычно отсутствовал в Японии. Поэтому можно вслед за Ратгеном сомневаться в том, существовали ли там вообще «города» в административном понимании*. В Китае же, напротив, каждый город был окружен огромными кольцами стен. Впрочем, там, по-видимому, и очень многие в экономическом отношении чисто сельские населенные пункты, которые и в административном смысле не были городами, то есть (как будет показано ниже) не служили местопребыванием государственных учреждений, издавна были окружены стенами. В ряде областей Средиземноморья, например на Сицилии, человек, живущий вне городских стен, следовательно и житель деревни, земледелец, был почти неизвестен — следствие многовекового отсутствия безопасности. В Древней Греции, напротив, полис Спарта гордился отсутствием стен; однако другой признак города — местопребывание гарнизона — был для Спарты в специфическом смысле характерен: именно потому, что она была постоянным открытым военным лагерем спартанцев, она и пренебрегала стенами. Все еще продолжают споры о том, сколько времени в Афинах не было стен, но в них, как и во всех эллинских городах, кроме Спарты, существовала крепость на скале — Акрополь; Экбатана

* Карл Ратген, «Экономика и государственный бюджет Японии» (1891).

и Персеполис также были царскими крепостями, к которым примыкали поселения. Во всяком случае, как правило, восточный и античный средиземноморский, а также средневековый город подразумевал крепость или стены.

6. Крепость и гарнизон

Город был не единственной и не древнейшей крепостью. В пограничных местах, обладание которыми оспаривалось, или при постоянных военных столкновениях укреплялась каждая деревня. Так, славянские поселения, национальной формой которых издавна были, по-видимому, ряды дворов, вытянувшиеся вдоль улиц, явно под угрозой постоянной военной опасности в бассейнах Эльбы и Одера приняли форму огороженного плетнем кругового расположения дворов с единственным запирающимся входом, через который на ночь сгонялся в середину деревни скот. Распространены были также — например, в израильских поселениях к востоку от Иордана, в Германии, да и вообще во всем мире — высокие круговые валы, внутри которых скрывались безоружные жители и скот. Так называемые города Генриха I на германском востоке были просто систематически возводимыми укреплениями такого рода. В Англии в англосаксонский период в каждом графстве был «бург» (borough), по которому оно получало свое наименование, и определенные лица или владельцы определенных земельных участков несли в качестве древнейшей специфически «бюргерской» повинности сторожевую и гарнизонную службу. В том случае, если эти бурги не были в мирное время совершенно пусты и в них пребывали в качестве постоянного гарни-

зона за плату или за земельные участки стража или жители, скользящие переходы вели от этого состояния к англосаксонскому бургу, к «гарнизонному городу» в духе теории Мейтленда*. Жители их назывались *burgenses* — это наименование повсюду происходит от того, что их политическое правовое положение, так же как и связанная с этим правовая природа их специфически гражданского по своему характеру владения землей и домом детерминировались обязательством сохранять и сторожить крепость. Однако исторически важнейшими предшественниками городского укрепления становились не огороженные деревни или вызванные необходимостью укрепления, а нечто другое: это был господский бург, крепость, где жил сеньор с подчиненными ему как должностному лицу или лично в качестве его дружины воинами вместе с его и их семьями и челядью.

Военное строительство бургов возникло, несомненно, раньше, чем применение на войне колесниц и лошадей. Так же как повсюду — в Древнем Китае времени классических песен, в Индии ведической эпохи, в Египте и Месопотамии, в Ханаане, в Израиле времени песни Деворы, в Греции периода эпосов Гомера, у этрусков, кельтов и ирландцев — было известно применение на войне колесниц, определявшее развитие военного искусства рыцарских и царских войск, повсюду было распространено и строительство бургов как военных сооружений и как обиталищ знати. В древнеегипетских источниках говорится о крепостях и военачальниках, управляющих ими, и можно с уверенностью утверждать, что числу крепо-

* Английский историк и правовед Фредерик Уильям Мейтленд считал военные и оборонительные задачи главным фактором происхождения городов.

стей соответствовало число мелких властителей. В Месопотамии, судя по древнейшим источникам, образованию территориальных царств предшествовала власть сидящих в крепостях князей, существовавшая и в Западной Индии в период Вед, и, вероятно, в Иране времен древнейших Гат, и явно господствовавшая повсеместно в Северной Индии, на Ганге, во времена политической раздробленности; древний кшатрий, который выступает в источниках как своеобразная промежуточная фигура между царем и знатью, — несомненно, владетель такой крепости. Подобное явление существовало в России в эпоху принятия христианства, в Сирии при династии Тутмосов, в Израиле в эпоху союза (Авимелех); данные древнекитайской литературы также позволяют с высокой степенью уверенности предполагать его существование в начальный период. В Греции и Малой Азии приморские крепости, несомненно, существовали повсюду, где возникала опасность пиратских нападений. Возникновение на Крите на месте прежних крепостей неукрепленных дворцов свидетельствует о промежуточном периоде особенно прочного мира. Такие крепости, как, например, сыгравшая важную роль в Пелопоннесской войне Декелея, были некогда крепостями знатных родов. Точно так же возникновение политически независимого слоя знати в Средние века начинается в Италии с *castelli* (замков), самостоятельность вассалов в Северной Европе — с массового строительства бургов, громадное значение которых подтверждается указанием Г. фон Белова* на то, что еще в Новое время право человека на место в со-

* В работе «Городское устройство и городская жизнь средневековой Германии» (1914).

словно-представительных органах Германии зависело от того, обладал ли его род бургом, будь он даже в жалких развалинах. Обладание бургом означало военное господство над округом, и вопрос сводился лишь к тому, владел ли им единолично господин бурга, конфедерация рыцарей или вассал, который мог доверять сидящему в бурге вассалу, министериалу или военачальнику.

7. Город как сплав крепости и рынка

На ранней стадии своего превращения в особое политическое образование город-крепость был либо бургом, либо заключал в себе бург, либо примыкал к бургу, к крепости короля, знатного господина или союза господ, которые там жили или держали гарнизон из наемников, вассалов или служилых людей. В Англии англосаксонского периода право иметь укрепленный дом (*haw*) в бурге (*burgh*) жаловалось определенным землевладельцам округа; в Античности и средневековой Италии городской дом знатного человека находился рядом с его сельским бургом. Обитатели бурга или примыкающих к нему домов — все или определенные их слои — были в качестве *burgenses* обязаны военному начальнику города определенными служебными повинностями — в первую очередь это была обязанность участвовать в постройке и починке стен, в сторожевой службе, в защите, а также выполнять иногда другие важные в военном отношении обязанности (например, служить гонцами) или поставлять продовольствие и другие необходимые припасы. Человек является членом сословия бюргеров (то есть полноправных граждан города) на том основании и в той мере, в какой он участвует в коллективной

обороне города. Особенно отчетливо это показано в работах Мейтленда* применительно к Англии: домами в «бурге» — и этим бург отличается от деревни — владеют люди, главная обязанность которых состоит в сохранении укрепления. Наряду с гарантированным королем или господином запретом на вооруженные стычки между частными лицами на рынке в городе (Marktfrieden) существовал гарантируемый военным предводителем запрет на такие междоусобные столкновения внутри и в окрестностях бурга (Burgfrieden). Бург, в котором был предписан мир, и военно-политический рынок — место военного обучения и собрания городского войска, а поэтому и собрания горожан, с одной стороны, и замиренный городской экономический рынок — с другой, часто сосуществуют в пластическом дуализме. И не везде они разграничены территориально. Так, аттический Пникс** возник значительно позже Агоры, которая первоначально служила как для экономической деятельности, так и для политических и религиозных актов. Но в Риме *comitium**** и *campus Martium***** издавна находились рядом с экономическим по своему характеру *fora******; в Средние века в Сиене пьядца дель Кампо — площадь, где проводились турниры и по сей день проводятся состязания между городскими кварталами, — рас-

* «Книга Страшного суда и то, что вне ее» (1897), «Сельская община и город» (1898).

** Холм к западу от афинского Акрополя, где проходили народные собрания; иногда метонимическое обозначение самого собрания.

*** Часть римского форума, где проходили народные собрания (комиции) и вершился суд (лат.).

**** Марсово поле, место народных и военных собраний в древнем Риме (лат.).

***** Рыночная площадь (лат.); здесь — римский форум.

положена перед муниципальным дворцом, а рынок (*mercato*) — за ним. Подобно этому, в исламских городах *kasbeh*, территориально обособленный укрепленный военный лагерь, расположен рядом с базаром, а в Южной Индии (политический) город знати — рядом с экономическим городом. Вопрос о взаимоотношениях между гарнизоном, жителями укрепленного бурга, выполнявшими политические функции, с одной стороны, и занимающимся городской экономической деятельностью населением — с другой, является часто очень сложным, но всегда решающим основным вопросом истории городского строя. Совершенно ясно, что в местности, где есть бург, по своей воле или по предписанию селятся ремесленники для удовлетворения потребностей господского хозяйства и воинства, что потребительская способность военизированного хозяйства, а также предоставляемая бургом защита привлекают торговцев и что, с другой стороны, властитель бурга заинтересован в привлечении этих классов общества, ибо они обеспечат ему денежные доходы — либо посредством обложения налогами торговли и ремесла, либо участием в операциях посредством предоставления кредита, либо самостоятельным ведением торговли или даже ее монополизации. Ясно также, что владелец бурга на морском берегу может в качестве судовладельца или хозяина гавани иметь долю дохода, полученного от мирных или насильственных действий на море. Такими же преимуществами могут пользоваться его живущие в данной местности вассалы или дружинники, если сеньор предоставляет им эти права добровольно или, поскольку он зависит от их расположения, вынужденно. В древнегреческих городах, например в Кирене, мы обнаружи-

ваем на вазах изображения царя, присутствующего при взвешивании товаров (*silphion*); в Египте в самых ранних исторических источниках говорится о торговом флоте фараона Нижнего Египта. Широко был распространен, преимущественно в прибрежных поселениях, где особенно легко можно было установить контроль над посреднической торговлей, хотя и не исключительно там (и не только в «городах»), следующий процесс: наряду с монополией военачальника или владельца бурга рос интерес к торговым доходам со стороны живущих в данной местности семейств воинов и увеличивалась их способность обеспечить свою долю прибыли, лишая правителя его монополии (если он вообще ею обладал). При таком развитии событий правитель быстро становился лишь *primus inter pares** и в конце концов полностью входил в качестве равноправного члена в круг местных землевладельческих городских родов, которые участвовали либо деньгами (в Средние века обычно в виде комменды) в мирной торговле, либо лично в морском разбое и войне. Часто такой правитель лишь избирался на короткое время, во всяком случае, власть его становилась гораздо более ограниченной. Этот процесс происходил и в прибрежных городах Античности со времен Гомера, где выражался в постепенном переходе к ежегодным выборам городских магистратов; он много где происходил точно так же и в раннем Средневековье, в частности в Венеции, о чем свидетельствует меняющееся положение дожа, а также в ряде других типичных торговых городов; разница была лишь в том, против кого эта борьба была направлена — против поставленного королем графа, ви-

це-графа (виконта) или епископа — в зависимости от того, кто был господином города. При этом необходимо принципиально различать заинтересованных в капиталистической торговле горожан, тех, кто кредитовал торговлю, типичных представителей знатных родов города в ранней Античности и Средневековье, с одной стороны, и местных или переселившихся в данную местность представителей торговых «предприятий», подлинных торговцев — с другой, хотя эти два слоя, конечно, часто переходили друг в друга. Однако этим мы уже предвосхищаем дальнейшее изложение.

Внутри страны подобный ход развития мог происходить в начале, в конце или в месте пересечения речных или караванных путей (как, например, в Вавилоне). При этом конкурентом светского господина бурга или города иногда становился главный священнослужитель храма или правитель города, являющийся духовным лицом, ибо территории вокруг храмов богов, пользовавшихся широкой известностью, предоставляли межэтнической, а следовательно, политически незащищенной торговле сакральную защиту, и на нее могло опираться поселение городского типа, которое экономически поддерживалось храмовыми доходами, так же как княжеские города — данью, уплачиваемой князю.

В каждом отдельном случае интересы князя могли быть весьма различны: он мог быть более заинтересован в получении доходов от предоставления привилегий ремесленникам и торговцам, занимавшимся независимым от господского двора делом и выплачивавшим господину налоги, или, наоборот, его интерес мог состоять в том, чтобы удовлетворять свои потребности по возможности силами собственных работников и монополизи-

ровать торговлю. В первом случае опять же привилегии могли быть разными: привлекая с их помощью предпринимателей из других мест, господин в зависимости от местных условий в очень различной степени и в различном смысле вынужден был считаться с интересами политически и юридически зависимых от него местных жителей и учитывать необходимость сохранения экономически важной для него их способности нести повинности. Ко всем этим вариантам возможного развития добавляется еще очень различная военно-политическая структура того потестарного образования, внутри которого происходило основание или развитие города. На проистекающих из этого важнейших контрастах в развитии городов следует остановиться.

8. Община и бюргер: обзор

1. Черты городской общины на Западе

Не каждый «город» в экономическом смысле и не каждая крепость, где в политико-административном смысле действовало особое право жителей, были общиной. Как массовое явление городская община в полном смысле этого слова известна только Западу и части стран Передней Азии (Сирии, Финикии, быть может Месопотамии), причем там лишь время от времени наблюдались начатки такого развития. Ибо для этого необходимы были поселения, имеющие хотя бы относительно ярко выраженный торговый и ремесленно-промысловый характер, обладающие следующими признаками: наличием 1) укрепления, 2) рынка, 3) своего суда и хотя бы какого-то собственного права, 4) корпоративности и связанной с ней 5) хотя бы некоторой автономии и ав-

токефалии, то есть управления посредством учреждений, в создании которых так или иначе участвовали горожане. В прошлом такие права, как правило, принимали форму сословных привилегий. Поэтому для города в политическом смысле характерным признаком было наличие обособленного сословия бюргеров в качестве обладателей этих привилегий.

2. Отсутствие черт общины у городов Востока

Настоящими «городскими общинами», если в полной мере исходить из этого критерия, были лишь некоторые города средневекового Запада, а в XVIII веке лишь очень незначительная их часть. А города Азии, насколько это в настоящее время известно, если оставить в стороне отдельные возможные исключения, вообще не были таковыми или обладали лишь ростками такого развития. Правда, рынки в них повсюду были, и крепостями они также являлись. Крупные ремесленно-промысловые и торговые центры в Китае, в отличие от японских, всегда имели укрепления, мелкие центры — большей частью. Также египетские, переднеазиатские, индийские центры ремесла и торговли. Нередко места сосредоточения торговли, промыслов и ремесел были в этих странах и отдельными судебными округами. В Китае, Египте, Передней Азии, Индии в них же всегда находились и органы власти крупных политических объединений, тогда как именно это не было характерно для раннесредневековых городов Европы, особенно Северной. В азиатских городах не существовало особого имущественного или процессуального права, которым располагали горожане как таковые, равно как и автономно установленных ими судов. Там подобное право

было известно лишь постольку, поскольку гильдии и (в Индии) касты, которые действительно существовали преимущественно или только в городах, обладали особыми правами и судами. Но в правовом смысле пребывание этих объединений в городах было случайным. Им было неизвестно — или известно лишь в зачаточных формах — автономное управление, а прежде всего — и это наиболее важно — корпоративный характер города, а также понятие гражданина города в отличие от жителя села. Это отличие существовало тоже лишь в зачаточных формах. В Китае житель города был в правовом отношении частью своего рода, а через него — своей родной деревни; в ней находился храм предков, связь с нею он тщательно поддерживал. Точно так же и русский житель деревни, занимавшийся отхожими промыслами в городе, оставался в правовом отношении «крестьянином», а житель индийского города относился, кроме того, к определенной касте. Городские жители были эвентуально, как правило, и членами местных профессиональных объединений, гильдий и цехов, специфически городских по своей природе. Наконец, они принадлежали к административным округам: кварталам города, улицам и другим территориальным единицам, на которые полиция делила город, и имели в этих округах определенные обязанности, а иногда и полномочия. На район, квартал или улицу могла быть возложена коллективная ответственность за гарантию безопасности тех или иных лиц путем внесения залога в обеспечение этой гарантии, а также за выполнение других полицейских мер. На этом основании они могли объединяться в общины с выборными должностными лицами или наследственными старейшинами, как, например, в Япо-

нии, где над общинами улиц с их самоуправлением в качестве высшей инстанции стояли один или несколько органов гражданского управления (Mashi-Bugyo). Но в Японии не существовало права городского гражданства в античном или средневековом смысле и корпоративный характер города как таковой был неизвестен. Город в целом был, правда, отдельным административным округом, так же как в Меровингском и Каролингском королевствах. Однако, в отличие от Античности и Средневековья в Европе, на Дальнем Востоке автономия и участие жителей в делах местного управления в городе, то есть сравнительно крупном торговом и ремесленно-промысловом населенном пункте, отнюдь не были развиты больше, чем в сельских местностях, — скорее чаще бывало наоборот. В китайской деревне, например, союз старейшин был во многих вопросах едва ли не всемогущ и таотаю* приходилось фактически сотрудничать с ними, хотя в праве это отражено не было. Сельская община Индии и русский мир имели очень далеко идущие полномочия, которые они фактически автономно и осуществляли вплоть до последнего времени, в России — до бюрократизации при Александре III. Во всем переднеазиатском мире старейшины (в Израиле *sekenim*), вначале старейшины рода, позже — главы аристократических родов, были представителями и администраторами населенных пунктов и местного суда. В азиатском городе, служившем обычно резиденцией высших должностных лиц или правителя страны, об этом не могло быть и речи: город находился под непосредственным наблюдением его личной охраны. Но город был

* Администратор, управляющий провинцией.

крепостью правителя и управлялся поэтому его должностными лицами (в Израиле *sarim*) и офицерами, обладавшими также судебной властью. В Израиле в царский период можно отчетливо проследить дуализм должностных лиц и старейшин. В бюрократических монархиях повсюду победу одержал коронный чиновник. Конечно, он не был всемогущ. Ему приходилось, часто в удивительной степени, считаться с настроением населения. Китайский чиновник обычно оказывался совершенно бессильным, если по какому-то конкретному поводу местные роды и профессиональные ассоциации (*Berufsverbände*) объединялись, и при любом серьезном совместном их противодействии он терял свою должность. Обструкция, бойкот, закрытие лавок и прекращение ремесленной и торговой деятельности в случае какого-либо конкретного притеснения были повседневным явлением, ограничивавшим власть чиновников. Однако эти границы носили совершенно неопределенный характер. Вместе с тем в Китае и Индии обнаруживаются компетенции гильдий или других профессиональных ассоциаций или, во всяком случае, фактическая необходимость для чиновников заключать с ними соглашения. Случалось, что главы этих ассоциаций осуществляли принудительные меры и в отношении третьих лиц. Однако во всех этих случаях речь шла, как правило, только о правах или фактической власти отдельных определенных ассоциаций в определенных вопросах, затрагивавших конкретные интересы данной группы. Но, как правило, там не существовало какого-то общего объединения, сопряженного с представительством граждан города как таковых; такого понятия вообще не было. Прежде всего, отсутствовали специфические свойства го-

рожан как сословия. В Китае, Японии, Индии нет никаких следов этого, и только в Передней Азии обнаруживаются некоторые начатки.

В Японии сословное деление было чисто феодальным. Самураи (конные) и кази (пешие) министерялы противостояли крестьянам (но) и частично объединенным в профессиональные ассоциации купцам и ремесленникам. Но понятия «граждане города» не было, так же как понятия «городская община». В Китае в период феодализма положение было аналогичным, но со времен установления господства бюрократии сдавшие экзамен образованные чиновники различных степеней противостояли необразованным; наряду с этим мы наблюдаем там также обладающие экономическими привилегиями гильдии купцов и профессиональные ассоциации ремесленников. Но понятие городской общины и коллектива граждан города как целого отсутствует и там. «Самоуправлением» в Китае и в Японии обладали ассоциации, но не города — и в этом было их резкое отличие от деревень. В Китае город был крепостью и резиденцией императорских органов власти, а в Японии «городов» в таком смысле вообще не было. В Индии город был резиденцией царя или местопребыванием правительственных учреждений, крепостью и рынком. Также мы наблюдаем в нем гильдии купцов, а кроме того — в значительной степени совпадающие с профессиональными ассоциациями касты; те и другие обладали весьма значительной автономией, и прежде всего собственным правом и юстицией. Но расчленение индийского общества на наследственные касты и ритуальное обособление профессий исключают возможность возникновения «сословия бюргеров», равно как и возникнове-

ние «городской общины». Там существовало и существует несколько каст торговцев и очень много каст ремесленников с множеством подкаст. Но никакое количество их, взятое в совокупности, не может быть отождествлено с сословием бюргеров Запада, и они не могли объединиться, создав нечто подобное средневековому цеховому городу, поскольку взаимная отчужденность каст препятствовала любому братскому объединению. Правда, в период великих религий спасения во многих городах гильдии во главе с их наследственными старейшинами (schreschths) объединялись в ассоциацию (Verband), и еще теперь в некоторых городах (например, в Аллахабаде) в качестве пережитка прошлого сохраняется должность общего городского шрешта, соответствующая бургомистру западных городов. В период, предшествующий великим бюрократическим царствам, существовало несколько городов, обладавших политической автономией и управляемых патрициатом, который рекрутировался из родов, поставлявших слонов войску. Но впоследствии это совершенно исчезло. Победа ритуального отчуждения каст разрушила ассоциацию гильдий, а королевская бюрократия в союзе с брахманами полностью уничтожила его ростки, за исключением вышеупомянутых остатков в Северо-Западной Индии.

В переднеазиатско-египетской древности города были крепостями и резиденциями царей или местопребыванием правительственных ведомств с рыночными привилегиями, полученными от царей. Однако во время господства великих царств города не имели ни автономии, ни общинного строя, ни привилегированного сословия горожан. В Египте в Среднем царстве сложился должностной феодализм, в Новом царстве было бюрократи-

ческое управление писцов. «Городские привилегии» представляли собой пожалования феодальным или приходским носителям должностной власти в определенных местностях, напомиравшие старые привилегии епископам в Германии, а не привилегии автономному сословию горожан. До сих пор, во всяком случае, там не обнаружены даже следы «городского патрициата». Напротив, в Месопотамии и Сирии, особенно же в Финикии, в раннюю эпоху в торговых центрах на морских и караванных путях обнаруживается типичный «город-государство» то духовного, то (большей частью) светского характера, а потом столь же типичная растущая власть патрицианских родов в «городском доме» (*bitu* в табличках Тель-эль-Амарны) в эпоху боев на колесницах. Союз хананских городов был объединением сражавшихся на колесницах городских рыцарей, клиента которых состояла, как это было в ранний период греческого полиса, из обращенных в рабство крестьян-должников. Аналогичным было, по-видимому, положение и в Месопотамии, где «патриций», то есть полноправный житель города, имевший земельные владения и экономически способный нести военную службу, отличался от крестьянина; главные города получали от царя иммунитетные грамоты и свободы. Но с ростом власти военного царства все это исчезло и здесь. Позже в Месопотамии уже нет ни политически автономных городов, ни сословия горожан, подобного западному, ни особого городского права наряду с законами царя. Лишь в Финикии сохранились город-государство и господство городского патрициата, представители которого обладали земельными владениями и вкладывали свой капитал в торговые операции. Монеты с надписями *sat Zor* и *sat*

*Karthechdeschoth** вряд ли свидетельствуют о господстве «демоса» в Тире и Карфагене, а если это и так, то только в случае поздних монет. В Израиле Иудея стала городом-государством, однако старейшины (*sekenim*), которые в ранний период управляли городами в качестве глав патрицианских родов, в период царей утратили свое значение; стали царскими приближенными и солдатами конники (*gibborim*), и именно в больших городах управление находилось, в отличие от сельских местностей, в руках должностных лиц царя (*sarim*). Только после пленения возникает «община» (*kahal*) или «товарищество» (*heber*) на конфессиональной почве как институт, но под господством священнических родов.

3. Предшественники общин — патрицианские города: Мекка

Тем не менее здесь, на побережье Средиземного моря и на берегах Евфрата, впервые обнаруживаются действительные аналогии античному полису, примерно на той его стадии, на которой Рим находился в период правления *gens Claudia*** . В городах господствует местный патрициат, власть которого основана в первую очередь на денежных капиталах, приобретенных сначала в торговле и вложенных затем в земельную собственность и в порабощенных должников, а также рабов; в военном отношении власть патрициев держалась на воинских упражнениях и борьбе; часто враждуя друг с другом, они сохраняли межрегиональные связи и ассоциации во главе с царем как *primus inter pares* или с судьями (*schofeten*) либо ста-

* «Народ Тира» и «Народ Карфагена» (финикийский).

** Род Клавдиев (*лат.*).

рейшинами (sekenim), подобно римской знати во главе с консулами, при постоянной угрозе тирании со стороны харизматических военных героев, опиравшихся на наемную охрану (Авимелех, Иеффай, Давид). До эпохи эллинизма эта стадия нигде не была пройдена, по крайней мере окончательно.

На этой стадии находились, очевидно, и города арабского побережья во время Мухаммеда и продолжали оставаться исламские города — там, где не были совершенно уничтожены автономия городов и их патрициат, как это произошло в подлинно крупных государствах. Однако часто антично-восточная стадия сохраняется, по-видимому, и под владычеством ислама. Тогда устанавливаются отношения лабильной автономии городских родов по отношению к чиновникам монарха. При этом основой могущественного положения знатных родов было богатство, приобретенное за счет использования тех шансов на извлечение дохода, которые предоставляет город, и вложенное главным образом в земельные владения и рабов; правители и их должностные лица вынуждены были считаться с ними при проведении своих постановлений, даже при отсутствии формально-правового признания, так же как китайскому таотаю приходилось считаться с возможной обструкцией старейшин крестьянских родов, корпораций купцов и других профессиональных ассоциаций городов, однако при этом «город» совсем не обязательно представлял собой самостоятельное объединение в каком-нибудь смысле. Часто бывало наоборот. Скажем, арабские города, например Мекка, остаются в Средние века и вплоть до начала нашего времени типичными родовыми поселениями. Город Мекка был, как это наглядно

изобразил Снук Хюргронье*, окружен *bilad'*ами, господскими землями, занятыми крестьянами, клиентами и находящимися под патронатом бедуинами отдельных *dewis*, ведущих свое происхождение от Али** хасанидских и других знатных родов. *Bilad* лежали чересполосно. *Dewi* был каждый род, предок которого когда-то был «шарифом»***. С 1200 года шарифы всегда принадлежали к идущему от Али роду Катадаха; по официальному праву он должен был назначаться наместником халифа (который часто был несвободным, при Гарун-ар-Рашиде однажды эту должность занимал бербер-раб), в действительности же избирался из местных знатных фамилий живущими в Мекке главами *dewi*. По этой причине, а также потому, что жительство в Мекке позволяло участвовать в эксплуатации паломников, главы родов (эмиры) жили в городе. Между ними существовали «связи», то есть соглашения о сохранении мира и о пропорции, в которой разделялись между ними шансы на получение доходов. Однако эти связи могли быть в любой момент расторгнуты, что вело к междоусобице как вне города, так и внутри его, в которой эмиры использовали свои боевые отряды из рабов. Победенным приходилось уходить из города и больше не показываться в нем; но у враждующих родов все равно сохранялись общие интересы по отношению к чужеземцам, поэтому под угрозой всеобщего возмущения, даже со стороны своих, поддерживалось требование благородства — щадить имущество и жизнь

* В книге «Мекка» (1888).

** Али ибн Абу Талиб, зять и двоюродный брат Мухаммеда, четвертый праведный халиф.

*** Наследственный титул мусульман — потомков Мухаммеда; с X века также правитель Хиджаза и Мекки.

членов семей и клиентов изгнанников. В городе Мекке в Новое время в качестве официальной власти действовали: 1) введенный турками, но существующий только на бумаге орган коллегиального управления (меджлис); 2) в качестве эффективной власти — турецкий губернатор, который теперь занял место «патрона» (раньше им был большей частью властелин Египта); 3) четыре кади, блюдущие ортодоксальные обряды; ими всегда были знатные жители Мекки, самого знатного из которых (шафиитского) в течение столетий назначал или предлагал назначить шарифом патрон; 4) шариф, являющийся одновременно главой корпорации городской знати; 5) цехи, прежде всего гидов, а также мясников, продавцов зерна и другие; 6) городские кварталы с их старейшинами. Эти органы власти во многом соперничали друг с другом, не обладая четко очерченными компетенциями. Партия истца, выступающая в судебном процессе, выбирала тот орган власти, который казался ей наиболее благосклонным к ней и способным наиболее эффективно воздействовать на ответчика. Наместник не мог препятствовать тому, чтобы люди обращались к кади, конкурирующему с ним в делах, связанных с вопросами религиозного права. Шариф представлялся местным жителям настоящей властью; от его доброй воли полностью зависел губернатор, особенно во всем, что касалось бедуинов и караванов паломников; корпорация знати оказывала определяющее влияние на решение всех вопросов в Мекке, как и во всех арабских областях, особенно в городах. Развитие, напоминая отношения на Западе, проявилось в том, что в IX веке, во время борьбы Тулунидов и Саффаридов в Мекке, решающей оказалась позиция наиболее богатых цехов — мясников

и продавцов зерна, тогда как во время Мухаммеда в военном и политическом отношении была бы принята во внимание только позиция знатных корейшитских родов. Но цехи так и не стали официально господствовать в городах; решающее влияние городских знатных родов, видимо, постоянно гарантировалось отрядами рабов, которым передавалась часть доходов. Точно так же на Западе в итальянских городах в Средние века фактическая власть то и дело переходила к знатым рыцарским родам, носителям военной власти. В Мекке отсутствовала какая-либо ассоциация, способная превратить город в единую корпорацию, — именно в этом и состоит ее характерное отличие как от синойкосного* полиса Античности, так и от итальянской «коммуны» даже в раннее Средневековье. Однако в остальном у нас есть все основания рассматривать эти условия в арабских городах — если отвлечься от упомянутых выше специфически исламских черт или транспонировать их в христианские — как типичные для других городов, особенно для западных приморских торговых городов до возникновения городских общин.

В той мере, в какой мы обладаем надежным знанием истории азиатских и восточных поселений, имевших по своему экономическому типу характер города, обычно присущие им свойства заключались в следующем: субъектами корпоративной деятельности были не коллективы горожан как таковые, а только знатные роды и иногда также профессиональные ассоциации. Конечно, переходы и здесь текучи. Но это явление наблюдается именно в самых больших населенных пун-

ктах со сотысячным, а иногда даже миллионным населением. В византийском Константинополе в Средние века во главе партий стояли представители городских кварталов, которые одновременно финансировали цирковые представления (как в Сиене — скачки): восстание Ника при Юстиниане возникло как следствие локального разделения в городе. В средневековом Константинополе времени исламского господства, то есть вплоть до XIX века, наряду с чисто военными объединениями янычар и сипотов и религиозными организациями улемов и дервишей в качестве представителей интересов горожан выступали только купеческие гильдии и цехи, но не было представительства города как такового. Нечто подобное было уже в поздневизантийской Александрии, где наряду с конкурировавшими властями — властью патриарха, опирающегося на очень влиятельных монахов, и властью поддерживаемого маленьким гарнизоном наместника — существовали, по-видимому, только ополчения отдельных городских кварталов, внутри которых действовали в качестве ведущих организаций соперничавшие друг с другом цирковые партии «зеленых» и «голубых»*.

* Объединения зрителей цирка, самого популярного городского зрелища в Константинополе, названные по цветам одежды цирковых возниц, к VI веку переросли в религиозно-политические «партии».

§ 2. Западный город

1. Характер городской земельной собственности и правовой статус жителей

Полную противоположность азиатскому городу являет собой средневековый город Запада, и прежде всего город области к северу от Альп, где его развитие носит идеально типический характер во всей его чистоте. Западный город, подобно азиатскому и восточному, был местонахождением рынка, торговым и ремесленным центром, а также крепостью. Купеческие гильдии и цехи ремесленников обнаруживаются как здесь, так и там, и автономные правила поведения, устанавливавшиеся ими для своих членов, были в той или иной степени известны во всем мире. Античный, равно как и средневековый город Запада — применительно к последнему в дальнейшем будут сделаны некоторые оговорки, — включал в себя господские усадьбы и резиденции знатных родов, обладавших как землей вне города, так часто и значительными земельными владениями в городе, которые увеличивались благодаря доходам от участия знатных родов в деловых операциях, возможность для которых давал город. В средневековом городе Запада также было множество патронов и чиновников политического властителя, обладавших в его стенах различными по своему объему полномочиями.

Здесь, так же как почти во всем мире, право, действовавшее на домовых земельных участках, так или иначе отличалось от права, господствовавшего в сельском хозяйстве. Но практически везде — если отвлечься от переходных стадий — существовало и было важнейшим отличитель-

ным признаком западного средневекового города установленное земельным правом различие между принципиально свободно отчуждаемой, совершенно свободной от повинностей или обложенной лишь твердо установленной арендной платой, передаваемой по наследству земельной собственностью в городе — и крестьянской землей за его границами, принадлежащей помещику или переданной им в пользование на разнообразных условиях сельской или рыночной общине и связанной повинностями по отношению к ним. В Азии и в Античности эти условия не встречались с такой регулярностью. Этой все-таки только относительной противоположности в области земельного права соответствовала абсолютная противоположность в личном правовом статусе бюргеров и крестьян.

В раннем Средневековье и в Античности в Передней Азии и на Дальнем Востоке город был всегда совместным поселением, которое возникало благодаря притоку извне и при плохих санитарных условиях жизни низших слоев сохранялось только благодаря постоянно продолжающемуся притоку жителей из деревни. Поэтому в нем обнаруживается деление на самые различные по своему положению слои: прошедшие экзамен должностные лица и мандарины наряду с презираемым безграмотным простонародьем и (немногочисленными) людьми нечистых профессий в Восточной Азии; разного рода касты в Индии; члены различных родовых организаций наряду с безземельными ремесленниками в Передней Азии и в Античности; вольноотпущенники, зависимые люди и рабы наряду со знатными землевладельцами, их придворными должностными лицами и служилыми людьми, министриалы, наем-

ники, священники и монахи в городе раннего Средневековья. Усадьбы правителей разного рода могли находиться в городе, а могла и вся область города как некое целое входить в состав земель одного аристократа-землевладельца; починка и охрана городских стен часто поручалась бургманнам или другим слоям, обладавшим привилегиями, связанными с бурговыми ленами или иными правами. Наиболее острые сословные различия существовали среди обитателей средиземноморских городов Античности, в небольшой степени также среди населения городов раннего Средневековья, а в России такие различия сохранились едва ли не до начала нашего времени и обнаруживаются даже после отмены крепостного права. Так, переселившись в город, бывший крестьянин остается прикреплен к земле в своей деревне, и мир может, отобрав у него паспорт, принудить его вернуться. Правда, сословное расслоение городских жителей, имеющее внегородское происхождение, в разных странах имеет известные отличия. В Индии, например, образование каст было прямым следствием возникновения определенных специфически городских занятий, и касты, следовательно, если не юридически, то фактически были чисто городским явлением. В Передней Азии в Античности и в раннее Средневековье, а также в России до отмены крепостного права дело обстоит обычно таким образом: широкие слои живущих в городе крепостных или зависимых фактически, хотя и не с самого начала юридически, были обязаны лишь платить господину оброк, в остальном же, в сущности, составляли экономически самостоятельный класс мелкого бюргерства или образовывали его вместе с юридически свободными мелкими бюргерами. То об-

стоятельство, что город был местонахождением рынка, который предоставлял сравнительно постоянную возможность заработка посредством торговли или ремесла, заставляло многих владельцев рабов и зависимых людей не использовать их как рабочую силу у себя в доме или на предприятии, а, обучив их ремеслу или навыкам мелочной торговли, а иногда и снабдив средствами производства (так было в Античности), отпускать их в город на заработки, получая с них оброк. Поэтому при возведении публичных зданий в Афинах мы обнаруживаем рабов и свободных в одной группе на условиях сдельной оплаты труда. В Риме свободные и несвободные занимались ремеслом и мелочной торговлей как доверенные лица господина или на основе *merx peculiaris**, фактически в качестве совершенно самостоятельно действующих мелких бюргеров, причем свободные и несвободные входили в одни и те же ритуальные объединения. Шанс уплатить выкуп и стать свободным стимулировал экономическую активность в особенности лично несвободных мелких бюргеров, и поэтому неслучайно в Античности и в России именно в руках вольноотпущенников сконцентрировалась значительная доля первых капиталов, приобретенных длительной рациональной деятельностью в области торговли и ремесла. Таким образом, западный город как в древности, так и в России был местом перехода из несвободного состояния в свободное благодаря возможности дохода, предоставляемой денежным хозяйством. В еще большей степени это относится

* Торговое имущество (*лат.*) — один из видов пекулия, имущества, предоставляемого отцом семейства рабам или младшим членам семьи для самостоятельного ведения хозяйства.

к средневековому городу, особенно расположенному не у моря, а внутри страны, и чем длительнее была эта деятельность, тем несомненное совершался этот переход. Ибо в данном случае в отличие почти от всех остальных известных нам процессов развития бюргерство города проводило, как правило совершенно сознательно, направленную на это сословную политику. На ранней стадии развития этих городов при широких возможностях для заработка в них существовала общая заинтересованность всех жителей в использовании таких возможностей для увеличения шансов на сбыт и доходов каждого горожанина с помощью облегчения притока извне, поэтому все были солидарно заинтересованы в том, чтобы господин не мог отозвать каждого разбогатевшего в городе крепостного — как это практиковалось дворянами Силезии в XVIII веке, а помещиками России еще и в XIX веке — для работы в доме или на конюшне, пусть даже это было лишь средством заставить его уплатить выкуп за освобождение от крепостной зависимости. Поэтому бюргерство явочным порядком аннулировало такие права господина — и это было великим, в сущности революционным новшеством, введенным западноевропейским городом, в отличие от всех остальных городов. В городах Северной и Центральной Европы возник известный принцип «городской воздух делает свободным»; другими словами, по истечении разного, но всегда достаточно короткого срока хозяин раба или зависимого терял право притязать на него как на подчиненного своей власти. Эта норма действовала в очень различной степени. Очень часто городам приходилось давать обещания не принимать зависимых людей, а по мере сужения возможностей для заработка на жизнь

(die ökonomisch Abkömmlichen) это ограничение их иногда даже устраивало. Однако в качестве правила этот принцип все же возобладал. Следовательно, в городе сословные различия исчезали, во всяком случае в той мере, в какой они означали отличие свободных (в традиционном смысле) от несвободных. С другой стороны, на севере Европы внутри многих городов, основанных первоначально на политическом равноправии жителей и на свободных выборах должностных лиц, часто формировался слой городской аристократии, образовывалась сословная дифференциация — знатные роды, которые вследствие своей экономической независимости и своего могущества монополизировали места в городском совете, противостояли остальным гражданам города. Далее, во многих, преимущественно в южных, но и в богатых северных городах (в том числе немецких) мы с самого начала находим, как в древности, сосуществование *constaffeln*, «всадников», людей, имеющих конюшни (теперь мы сказали бы «беговые конюшни», ибо они предназначались для турниров) и образовывавших специфически городскую знать, и простых бюргеров, то есть сословную дифференциацию. Но этому противостоит и другая тенденция: укрепление сословного единства граждан города (будь то знатных или незнатных) перед лицом знати вне города. К концу Средних веков, во всяком случае в Северной Европе, сельская рыцарская знать не признавала подлинно аристократическим городской патрициат вследствие его участия в приносящей доход торговой и ремесленно-промышленной деятельности и — что особенно подчеркивалось — вследствие его участия вместе с представителями цехов в заседаниях городских органов управления; за патрициа-

том не признавалось право участвовать в турнирах, основывать монастыри, вступать в брак с представителями рыцарских сословий и получать лен (в Германии последнее не распространялось иногда только на привилегированных бюргеров имперских городов). Из двух действовавших в городе тенденций — к относительному сословному нивелированию и обратной, к росту дифференциации, — в целом победила вторая. В конце Средневековья и в начале Нового времени почти во всех городах, итальянских, английских и французских, так же как в немецких, — если они не превратились, подобно некоторым городам Италии, в монархические города-государства, — господствовали или патрициат, заседавший в городском совете, или корпорация бюргеров, исключавшая проникновение в нее извне, представлявшая собой внутри города господство аристократических фамилий, причем даже там, где для их представителей еще со времени господства цехов сохранялось требование формально входить в какой-либо цех.

Разрыв сословной связи с внегородской знатью достаточно полно произошел лишь в городских корпорациях Северной Европы, на юге же, особенно в Италии, наоборот, с ростом могущества городов туда переместилась почти вся знать; это наблюдалось, причем в значительно большем масштабе, и в древности, когда города возникали именно как резиденции знати. Античные и в меньшей степени средневековые города Южной Европы образуют, следовательно, в известной степени переходную стадию от азиатского к северо-европейскому городу.

К этим различиям присоединяется в качестве решающего признака как античного, так и ти-

пичного средневекового города то, что эти города представляли собой институционализированную общественную ассоциацию, обладающую особыми и характерными органами, союз «бюргеров», подчиненных в качестве таковых общему для всех них и только для них существующему праву, то есть образующих в сословном плане «правовое сообщество». Такой характер города как сословно обособленного «полиса» или «коммуны» существовал за пределами средиземноморского и западного правового пространства, насколько известно, лишь в начатках. Быть может, в некоторой степени в Месопотамии, Финикии и в Палестине во время борьбы общин израильтян с ханаанской городской знатью и, пожалуй, в некоторых приморских городах других регионов и времен. Так, в городах негров-фанты Золотого Берега, описанных Крукшенком*, а после него Постом**, существовал «совет» во главе с царьком города в качестве *primus inter pares*; членами этого совета были: 1) кабофиры — главы родов, выдающихся своим богатством и соответствующим им как сословию образом жизни (гостеприимством и демонстративными расходами); 2) выборные начальники городских кварталов, организованных как военные ассоциации, совершенно независимых друг от друга и часто враждовавших друг с другом; кроме выборных начальников, они имели также старейшин; 3) наследственные полицейские (пинины) городских кварталов; и этот совет осуществлял управление и вершил суд. Вероятно, в Азии и Африке можно было бы найти и другие города с подобным строем, представляющим собой сту-

* В записках «Восемнадцать лет на Золотом Береге Африки» (1853).

** В работе «Африканское право» (1887).

пень на пути к полису или к коммуне. Но о наличии там сословного «права городского бюргерства» нет никаких сведений.

2. Расцвет города как братства

Напротив, развитой античный и средневековый город был прежде всего ассоциацией, конституированной или интерпретируемой как братство, поэтому у нее всегда имеется и соответствующий религиозный символ: культ ассоциации бюргеров как таковой, то есть бог города или городской святой, существующий для нужд граждан города. Его мы обнаруживаем, правда, также и в Китае (часто это обожествленный мандарин). Однако там он имел характер функционального божества в пантеоне. Городская община на Западе обладала и имуществом, которым распоряжались органы городского управления. Напротив, если знаменитый спор Алидов с общиной о «садах Фадака»* — первый повод экономического характера к отпадению шиитов — и был спором о родовой или общинной собственности, то «общиной», от имени которой представители халифов притязали на эту земельную собственность, было религиозное сообщество ислама, а не политическая «община» Мекки, ибо ее вообще не было. Альменды существовали, вероятно, в неевропейских городских поселениях, так же как в деревенских общинах. Были также специфически городские источники налогов, взимаемых князьями. Но о существовании за пределами Европы финансового

* Первый праведный халиф Абу-Бакр ас-Сиддик отказался передавать уголья в Хиджазе дочери Мухаммеда и жене Али Фатиме, которая претендовала на них на правах наследства.

хозяйства городской общины, какое существовало на Западе в Античности или Средневековье, ничего не известно; разве что существовали где-то некоторые зачатки этого.

Основной общей особенностью средиземноморских городов, в отличие от азиатских, было прежде всего отсутствие магически-анимистической связанности свободных горожан с кастами и родами с их табуированием. В Китае объединению горожан в бюргерское общество на основе общего сакрального и правового равенства, браков, совместных трапез и солидарности вовсе не препятствовал экзогамный и эндофратрийный род*; в Индии со времен победы патримониальных правителей и брахманов эндогамная и табуистически замкнутая каста. В Индии это проявляется еще сильнее, чем в Китае, и вследствие этой же причины 90% населения Индии по своему правовому положению составляют сельские жители, тогда как в Китае города имеют гораздо большее значение. Жители индийского города как таковые не могут совершать совместные культовые трапезы, китайские же вследствие существующей у них родовой организации и обладающего приоритетом перед всем культа предков не имеют для этого повода. До того чтобы полностью исключить и частную совместную трапезу, доходят, правда, лишь табуистически связанные народы, такие как индийцы и (в очень ограниченном объеме) евреи. Индийцы считают осквернением даже взгляд, брошенный в кухню человеком другой касты. Впрочем, еще в Античности сакральные действия рода были также недоступны тем,

* То есть запрещающий брак внутри рода, но предписывающий его внутри строго ограниченной группы родов (фратрии).

кто не являлся членом рода, как культ предков в Китае. Напротив, уже в античном полисе компонентом акта (реального или фиктивного) «совместного жительства» (синойкизма) была замена отдельных пританеев, служащих для культовых трапез связанных клятвой ассоциаций, необходимым изначально для каждого полиса пританеем города — символом совместной трапезы городских родов как следствием их братства. Правда, в основе античного полиса официально лежало деление на роды и стоящие над ними чисто личные и часто основанные на единстве происхождения (хотя бы фиктивном) сообщества, образующие каждое свою, строго эксклюзивную культовую ассоциацию. Античные города были, в соответствии с представлениями их жителей (а эти представления имели на практике важное значение), прежде всего добровольными объединениями и конфедерациями, составленными из ассоциаций лиц отчасти преимущественно родового характера, а отчасти (как это было, вероятно, с фратриями) преимущественно военного. Потом, при позднейшем делении городов, они были подведены под определенную схему исходя из административных потребностей. Поэтому города Античности были сакрально замкнуты не только вовне, но и внутри города — по отношению к каждому человеку, не принадлежавшему к какому-либо роду конфедерации, — к плебам; и именно по этой же причине они оставались и внутренне разделенными на замкнутые культовые ассоциации. По своему характеру аристократических родовых конфедераций с античными городами были в значительной степени сходны южноевропейские города раннего Средневековья, особенно приморские (но не только

они). Каждый знатный род имел в пределах городских стен собственную крепость, которой владел он один или сообща с другими родами; во втором случае (как, например, в Сиене) пользование ею тщательно регулировалось. Усобицы между родами бушевали в городе, во всяком случае не менее сильно, чем вне его, и ряд старинных делений города (например, на *alberghi**) был, по-видимому, делением на зоны власти феодалов. Но здесь, что чрезвычайно важно, не было никаких следов существовавшей еще в Античности сакральной замкнутости родов по отношению друг к другу и вовне: это следствие исторически важного события в Антиохии, совершенно правильно выдвинутого апостолом Павлом на первый план в его Послании к галатам, где речь идет об участии апостола Петра в (ритуальной) трапезе вместе с необрезанными братьями**. Ритуальная замкнутость ослабевала уже в античных городах и была близка к исчезновению. Безродный плебс в принципе добился равного положения в ритуальных церемониях. В средневековых городах, особенно в городах Центральной и Северной Европы, это ослабление происходило с самого начала, и роды очень скоро утратили свое значение конституирующего город элемента. Город стал конфедерацией отдельных бюргеров (отцов семейств), так что и принадлежность горожанина к внегородским сообществам практически потеряла всякое значение по сравнению с городской общиной. Уже античный полис

* Семейные объединения, основанные на родстве или общих интересах и, как правило, живущие по соседству.

** Апостол Петр перестал участвовать в трапезах с необрезанными (язычниками), опасаясь нареканий со стороны иудеев; апостол Павел обвинил его в лицемерии (Гал 2: 11-14).

становился в представлении своих граждан все больше общиной как учреждением. Окончательно понятие «общины» сложилось в Античности в противоположность «государству» только при включении ее в эллинистическое или римское большое территориальное государство, которое, с другой стороны, лишило полис политической самостоятельности. Напротив, средневековый город был «коммуной» с момента своего возникновения, независимо от того, в какой степени ясно осознавалось правовое понятие «корпорации» как таковое.

3. Предпосылки возникновения братства: распад родовых связей

На Западе не было табуированных границ индийско-экваториального региона, а также различных тотемических, связанных с культом предков, и кастовых магических ограничений родовых союзов, которые в Азии препятствовали объединению жителей города в гомогенное братство. Последовательный тотемизм и казуистическое проведение родовой экзогамии возникли — причем, несомненно, в виде довольно позднего продукта — именно там, где развитие никогда не приводило к образованию больших военно-политических и прежде всего городских союзов. Античным религиям известны лишь следы таких образований, будь то в виде «остатков» или в виде погибших «ростков». О причинах этого, поскольку они не носили внутрирелигиозного характера, можно высказать лишь неопределенные предположения. Наемная военная служба в заморских странах и пиратская жизнь раннего времени, военные авантюры и массовые основания колоний внутри

собственного континента и за морем неизбежно создавали тесные и долговременные ассоциации людей, происходивших из разных племен или родов, и, очевидно, так же неизбежно нарушали прочность эксклюзивных родовых и магических уз. И пусть в античных городах повсюду делались попытки искусственно восстановить эти узлы за счет того, что новооснованные общины по традиции делили на родовые союзы и фратрии, все же основополагающей единицей в полисе был уже не родовой, а военный союз. Многовековые странствия завоевателей-воинов, объединенных в ассоциации, у германцев до и во время Великого переселения народов, их наем на военную службу к чужим правителям и боевые походы во главе с выборными вождями также препятствовали возникновению табуистических и тотемических связей. И даже если они пытались, как сообщается, селиться по реальным или фиктивным родам, важнейшими объединениями оставались сотня как судебная и военная ассоциация, система земельных наделов как основа обложения повинностями, а позже связь с князем — членство в дружине и вассалитет; быть может, именно эти обстоятельства привели к тому, что магические родовые связи не получили своего развития. Христианство же, ставшее религией этих глубоко потрясенных в своих традициях народов, смогло стать таковой, наверное, именно вследствие слабости или отсутствия у них магических и табуистических ограничений. Оно окончательно обесценило и уничтожило все и всякие родовые связи в их религиозном значении. Часто весьма значительная роль, которую церковная община играла в организации управления средневековых городов, — лишь один из многих симптомов сильно-

го влияния этих свойств христианской религии, разрывающей родовые узы и тем самым обладающей конститутивным значением для образования средневекового города. В отличие от христианства ислам, как показывает вся история внутренних конфликтов старого халифата, на самом деле не преодолел земляческую солидарность арабских племен и родовые узы, так как в первое время был религией войска завоевателей, разделенного на племена и роды.

4. Не-городские ассоциации античного и средневекового города

Поясним еще раз практические различия между городами того и другого типа. С одной стороны, повсюду в мире город в большой степени был совместным поселением людей, прибывших из других мест. Китайский, месопотамский, египетский, а часто даже и эллинский правитель-военачальник основывает или перемещает город, заселяет его не только теми, кто добровольно готов стать его жителями, но в случае необходимости и возможности принудительно сгоняет туда человеческий материал, добытый посредством разбойничьих набегов. Чаще всего так происходило в Месопотамии, где насильственно приведенные на место будущего города жители должны были сначала вырыть канал, который давал возможность основать город в пустыне. Поскольку правитель-военачальник со своим аппаратом управления и чиновниками оставался абсолютным господином города, в нем община как ассоциация бюргеров не возникала вовсе или возникали лишь ее жалкие зачатки. Люди, поселенные рядом, часто оставались отдельными племенами, не всту-

павшими друг с другом в браки, или, где этого не произошло, новые поселенцы сохраняли положение членов своих прежних местных и родовых ассоциаций. Не только житель китайского города оставался обычно привязан к своей сельской общине, это относится и к широким слоям негреческого населения эллинистического Востока. Ведь и в новозаветной легенде рождение Назарянина в Вифлееме объясняется тем, что род его отца имел там свой *Hantgemal*^{*}, как это сказано в немецком переводе «Хелианда»^{**}, и, следовательно, там должен был быть внесен в перепись. До недавнего времени связь со своей родной деревней сохраняли и проживающие в городах русские крестьяне: они не теряли права на землю и по требованию деревенской общины были обязаны принимать участие в уплате повинностей помещику. Следовательно, в этих условиях возникало не право городского бюргерства, а только ассоциация живущих в данный момент в городе людей, объединенных общими повинностями и привилегиями.

На родовых связях основывался и эллинский синойкизм. По преданию, восстановление полиса Иерусалима Ездрой и Неемией также совершалось по родовому принципу — посредством совместного поселения представителей от каждого политически полноправного сельского рода. По месту жительства делился только безродный и политически бесправный плебс. И в античном полисе каждый индивид был гражданином, но первоначально всегда только как член своего рода. В ранний период греческий и римский синойкизм и ко-

^{*} Родовое владение (нем.).

^{**} Древнесаксонская эпическая поэма IX века, пересказывающая евангельский сюжет.

лониальные завоевания всегда осуществлялись (или, по крайней мере, так сочинялось их описание) подобно восстановлению Иерусалима; даже демократия была вначале не способна поколебать схему образования коллектива граждан города из родов (*gentes*), составленных из них фратрий и образованных ими фил, то есть из чисто личных культовых ассоциаций, и вынуждена была пытаться политически обезопасить эти находящиеся во власти родовой знати ассоциации только с помощью косвенных средств.

В Афинах каждый, кто хотел иметь право занимать легитимную должность, должен был указать культовый центр своего рода (*Ζεὺς Εριαιος*). Римская традиция также хорошо знает, что города возникают как совместные поселения местных жителей и представителей чуждых племен; посредством ритуальных актов они объединялись в братскую религиозную общину с собственным общинным очагом и богом как святым покровителем общины в крепости, но при этом делились на роды, курии и трибы (два позднейших эквивалента греческим фратриям и филам). Это деление, считавшееся вначале само собой разумеющимся в каждом античном городе, уже очень рано стало вводиться искусственно (на это указывает постоянное число частей — обычно 3, 30 или 12) для удобства налогообложения. Но принадлежность к родовому союзу оставалась необходимым признаком полноправного гражданина для участия в культовых обрядах и занятия всех должностей, требовавших общения с богами (в Риме это были *auspicia**). Она была ритуально необходи-

* Птицегадание (*лат.*), бывшее в Древнем Риме государственной процедурой.

мой, ибо легитимная ассоциация должна была покоиться на ритуальной основе традиционных ритуально ориентированных форм ассоциации — рода, военного союза (фратрии), политического племенного союза (филы) — или хотя бы создавать видимость этого.

При основании средневековых городов, особенно на Севере, дело обстояло совершенно иначе. Бюргер, по крайней мере при образовании новых городов, вступал в городскую корпорацию как отдельное лицо и в качестве такового приносил присягу гражданина города. Его личное правовое положение как бюргера гарантировала ему его личная принадлежность к городской ассоциации, а не род или племя. При основании городов и здесь в число жителей часто включались и торговцы не только из других мест, но и из чужих племен. Так происходило, во всяком случае, при образовании новых городов путем пожалования привилегий тем, кто в них переселялся; в меньшей степени, естественно, при преобразовании старых поселений в городские общины — тогда в сообщество людей, приносивших присягу, которое было создано именно местными имущими слоями, не вступали (как описано в истории Кёльна, например) купцы со всей Европы, от Рима до Польши. Но и такие случаи приема в городское гражданство людей совершенно чужих тоже встречались. Принципиально обособленное положение в средневековых европейских городах, соответствующее положению иноплеменных гостей в Азии, занимали только евреи, и это в высшей степени характерно. Ибо, хотя в верхнерейнских грамотах, например, епископ указывает, что он призвал евреев «ради большего блеска города», и хотя евреи упоминаются

в поземельных кадастрах Кёльна как землевладельцы наряду с христианами, братскому единению их препятствовали чуждый Западу ритуальный запрет для евреев вступать в браки с неевреями, фактическая неосуществимость совместной трапезы и, главное, отсутствие евхаристической общности.

Средневековый город тоже был объединением культового характера. Городская церковь, городской святой, участие граждан города в таинстве причастия, официальные общегородские церковные празднества были само собой разумеющимися. Но христианство лишило род всякого ритуального значения. Христианская община была по своей глубочайшей сущности конфессиональной ассоциацией верующих индивидов, а не ритуальной ассоциацией родов. Поэтому евреи с самого начала остались вне ассоциации горожан.

Если средневековый город и нуждался в культовых узах и одними из его конститутивных элементов были часто (быть может, всегда) церковные приходы, он тем не менее был, как и античный город, светским образованием. Приходы выступали не в качестве церковных ассоциаций и не через представлявших их служителей церкви: светские главы церковных приходских общин принимали наряду с шеффенами*, представителями светской городской власти, а иногда с гильдиями купцов, главные формально-правовые акты от лица граждан города. Полноправность в качестве члена церковной общины, а не ритуальная полноправность рода, как в Античности, была необходимым условием, чтобы считаться полноправным бюргером. Вначале различие между го-

родами Запада и городами Азии не было принципиальным. Местный бог, соответствующий святому средневековых городов, и ритуальная общность полноправных бюргеров были необходимой составной частью и всех переднеазиатских городов Античности. Однако политика переселений людей, совершаемых в ходе завоеваний великими царями, явно изменила это, превратив город в чисто административный округ, в котором все жители без исключения, независимо от их принадлежности к племенной или ритуальной общности, имели одинаковые шансы на существование. Это очевидно и по судьбам евреев времен пленения: для них, как представляется, были закрыты только те государственные должности, которые требовали книжной образованности и, по-видимому, также квалификации в сфере ритуалов. В городах, очевидно, не было «должностных лиц общин». Отдельные представители чужих племен имели, как и плененные евреи, своих старейшин и священнослужителей и были, следовательно, «пришлыми племенами». До пленения в Израиле метеки (*gerim*) не входили в ритуальное сообщество (они не были обрезаны), а к ним относились едва ли не все ремесленники. Следовательно, они были здесь «пришлыми племенами», как и в Индии, где ритуальное братство городских жителей было исключено кастовым табу. В Китае в каждом городе был свой бог (им часто был почитаемый в культе прежний мандарин города). Община же отсутствовала во всех азиатских, в том числе и переднеазиатских городах или только намечалась как ассоциация родов, выходящая за границы города. Еврейская конфессиональная община управлялась после пленения чисто теократически.

5. Братство, скрепленное присягой, на Западе: правовые и политические последствия

Западный город, более точно — средневековый город, которым мы сначала займемся, — был не только центром торговли и ремесла с экономической точки зрения, крепостью (обычно) и местонахождением гарнизона (часто) — с политической и судебным округом — с административной, он был также скрепленным общей присягой братством. В древности его символом были общие выборы пританов*. В Средние века город был скрепленной присягой «коммуной» и считался в правовом смысле «корпорацией». Впрочем, все это произошло не сразу. Еще в 1313 году, как указывает Хачек**, английские города не могли получить *franchise****, потому что они, говоря современным языком, не были «юридическим лицом», и лишь при Эдуарде I города начинают выступать как корпорации. Политическая власть, городские сеньоры — повсюду, а не только в Англии — видели в бюргерстве возникающих городов в правовом смысле пассивную податную целевую ассоциацию, члены которой, ставшие таковыми на основании владения частью городской земли, несли особые повинности, выполняли определенные обязанности и обладали специфическими привилегиями: рыночной монополией, складочным правом, правом заниматься и контролировать занятия определенными профессиями, участием в городском суде, особым военным и налоговым положением. Кроме того, экономически наибо-

* Члены государственного совета в древних Афинах.

** В работе «Английская конституционная история» (1913).

*** Привилегия (англ.).

лее важная часть всех этих привилегий изначально, как правило, была в формально-правовом отношении достижением совсем не бюргерской ассоциации, а политического правителя города или владельца той территории, на которой город был расположен. Он, а не бюргер, формально получал все те важные права, которые непосредственно шли экономически на пользу горожанам, а косвенно, в финансовом отношении, в виде налогов бюргеров — ему, сеньору города. Эти привилегии были на самой ранней стадии, например в Германии, королевскими привилегиями епископа, на основании которых он, в свою очередь, мог видеть и видел в своих городских подданных обладателей привилегий. Иногда, в частности в Англии в англосаксонский период, допуск к поселению у рынка считался исключительной привилегией, предоставляемой соседними сеньорами своим — и только своим — зависимым людям, доходы которых они облагали налогом. Городской суд был либо королевским, либо сеньориальным судом; шеффены и другие функционеры не были представителями бюргеров даже в тех случаях, когда те их выбирали, а оставались должностными лицами господина; городское право, которым руководствовались функционеры суда, — установленным им статутом.

*Universitas civium**, о которой всюду вскоре начнут говорить, была, следовательно, сначала гетерономной и гетерокефальной и входила в другие политические, а также (часто) в сеньориальные ассоциации. Однако потом это изменилось. Город превратился, хотя и в различной степени, в автономное и автокефальное институциональное об-

* Городская община (лат.).

щественное образование, в активную «местную корпорацию», а должностные лица города стали полностью или частично органами этого учреждения. Для такого развития средневекового города было важно, чтобы привилегированное положение его граждан с самого начала рассматривалось как право каждого из них в отношениях с третьими сторонами. Это было следствием не только изначально свойственного как Античности, так и Средневековью лично-правового понимания подчинения общему «объективному» праву как праву «субъективному», следовательно как выражению сословного статуса лица, но и, особенно в Средние века, по правильному указанию Бейерле*, также следствием еще не исчезнувшего в германском судопроизводстве отношения к каждому субъекту права как к «участнику судебного собрания», а это значит — как к активному члену судебной общины, где самостоятельно действует принадлежащее бюргеру объективное право вынесения приговора в суде, — это институт, о котором и о следствиях которого для формирования права мы говорили выше. Это право отсутствовало у участников судопроизводства в подавляющем большинстве городов всего мира. (Следы его мы находим только в Израиле. Мы вскоре увидим, чем было вызвано это особое положение.) Решающим для превращения средневекового города в ассоциацию было то, что в то время, когда экономические интересы бюргеров подталкивали их к созданию институциональной корпорации, они, с одной стороны, не встречали препятствий в виде магических или религиозных ограничений, а с другой — над ними не стояло рациональное управление по-

литической ассоциации. Там, где присутствовал хоть один из этих факторов, — как, например, в Азии, — даже очень сильные экономические интересы объединяли жителей города лишь на время. Возникновение в Средние века автономной и автокефальной корпорации под управлением городского совета, возглавляемой «консулом», «майером» или «бургомистром», — явление, существенно отличающееся от всех не только азиатских, но и античных городов. В античном полисе, особенно там, где появились его наиболее характерные черты, специфически городское устройство сначала представляло собой, как ниже будет показано, продукт преобразования власти как городского правителя, так и родовых старейшин в господство аристократических «родов», способных нести полноценную военную службу. Напротив, именно в тех городах Средневековья, которые являли собой специфический тип данного времени, дело обстояло совершенно иначе.

При анализе этого процесса необходимо строго различать его формально-правовую, социологическую и политическую стороны, что не всегда делалось в споре различных теорий «городского строя». В формально-правовом отношении корпорация бюргеров как таковая и ее учреждения «легитимно» конституировались посредством (действительных или фиктивных) привилегий, данных политической, а иногда и сеньориальной властью. Отчасти ход событий действительно соответствовал этой формально-правовой схеме. Но часто, причем именно в важнейших случаях, речь шла совершенно о другом: о революционной узурпации, если рассматривать происходящее с формально-правовой точки зрения. Правда, не повсеместно. Можно делать различие между исконным

и производным возникновением средневековой городской общины. При исконном возникновении ассоциация бюргеров была результатом политического объединения бюргеров в корпорацию, невзирая на «легитимные» власти и вопреки им, вернее была результатом целой серии подобных актов. Решающее формально-правовое подтверждение этого состояния легитимными властями происходило позже — и, кстати, даже не всегда. Производным путем ассоциация бюргеров возникала посредством предоставленного городу по договору или пожалованного ему его основателем либо преемниками последнего статута, закреплявшего более или менее полное или ограниченное право города на автономию и автокефалию; особенно часто это имело место при основании города для новых поселенцев и их правопреемников.

Исконная узурпация посредством моментального акта объединения в корпорацию, образования братства бюргеров, скрепленного присягой (*conjuratio*), происходила преимущественно в больших и древних городах, таких как Генуя и Кёльн. В целом, как правило, наблюдается комбинация того и другого. Но документальные источники по истории городов, которые, естественно, представляют легитимную последовательность развития более распространенной, чем это было в действительности, как правило, вообще не упоминают об этих узурпаторских братствах: во всяком случае, сообщение о них в источниках может быть только случайным, вследствие чего данные об их возникновении, в особенности когда речь идет об уже существующих городах, представляются в сравнении с их действительным возникновением слишком общими. О кёльнской *conjuratio* 1112 года есть только одно лаконич-

ное упоминание. Чисто формально в Кёльне при составлении актов могли присутствовать шеффены старого города и представители приходов, в частности пригорода святого Мартина как нового поселка торговцев (*mercatores*), и только они, ибо они были признаны «легитимными» властями. Их противники, городские сеньоры, указывали, конечно, при разногласиях на несоблюдение формальных законных требований, например (в Кёльне) на то, что некоторые шеффены не принесли клятву и т.п., ибо в такого рода упущениях и проявлялись формально узурпаторские нововведения. Указы императоров династии Штауфенов, направленные против автономии городов, звучат иначе: они запрещают не только те или иные формально-правовые упущения, но и *conjuratio-nes* как таковые. О фактически движущих силах при таких преобразованиях в достаточной мере свидетельствует то, что в Кёльне даже значительно позже *Richerzeche* (гильдия богатых) — с точки зрения легитимности чисто приватный клуб особо состоятельных бюргеров — успешно претендовала не только на право принимать новых членов, что было вполне естественно, но и на компетенцию предоставлять жителям города совершенно не связанные с членством в клубе права городского гражданства. Большинство крупных французских городов также получило самостоятельное городское устройство в принципе сходным путем, посредством скрепленного присягой братства бюргеров.

6. *Conjuraciones* в Италии

Но подлинной родиной *conjuraciones* была, очевидно, Италия, где в подавляющем большинстве

случаев городское устройство возникало исконно посредством *conjuratio*. Поэтому здесь и легче всего, несмотря на неясность источников, понять социологическую сторону городского объединения. Общей предпосылкой была характерная для Запада апроприация прав феодальными и приходскими властями. Положение в городах до *conjuratio* — правда, в деталях очень различное — в целом следует представлять себе сходным со своеобразной анархией в Мекке, которая поэтому была описана выше несколько подробнее. Многочисленные силы, притязающие на господство, противостоят, перекрещиваясь, друг другу: политическая и сеньориальная власть епископа, апропрированная власть вице-графа и других должностных лиц, основанная отчасти на привилегиях, отчасти на узурпации, крупные городские владельцы ленов или освобожденные министериалы короля или епископов (*capitani*), сельские или городские субвассалы (*valvasalles*), владельцы родовых аллодов различного происхождения, множество владельцев бургов от своего и от чужого имени в качестве привилегированных сословий с сильной клиентелой, состоящей из зависимых и свободных под их патронатом, профессиональные объединения городских ремесленно-промысловых классов, судебные власти, основанные на сеньориальном, ленном земельном и церковном праве. Временные договоры, полностью сходные со «связями» между родами в Мекке, приостанавливали усобицы между различными вооруженными группами как внутри, так и вне городских стен. Официальным легитимным господином города был либо обладатель императорского лена, либо чаще всего епископ, который, владея светскими и духовными средствами воз-

действия, имел наибольшие шансы на действительное господство.

Для конкретной цели и большей частью на определенный срок либо до объявления о прекращении ее действия заключалась и такая *conjuratio*, которая в качестве *compragne communitis* (или под сходным названием) служила предпосылкой политической ассоциации будущего «города». Сначала в стенах города существует несколько *conjuraciones*, но непреходящего значения достигает лишь ассоциация, в которой объединена присягой «вся» община, то есть все те силы, которые в данный момент обладают в городе военной властью или претендуют на нее и способны доказать ее действительность. В Генуе такая ассоциация возобновлялась сначала каждые четыре года. Направлена она бывала против самых различных врагов. В Милане в 980 году способные носить оружие горожане заключили союз против епископа; в Генуе в эти ассоциации входили вначале епископ и семьи вице-графов, у которых были узурпированные светские господские права, впоследствии превратившиеся в простые притязания на земельную ренту, а позже *compragne communitis* здесь и в других местах выступала против притязаний епископа и вице-графов.

Позитивной целью клятвенных братств было прежде всего объединение местных землевладельцев для обороны и наступления, для мирного улаживания споров меж собой и утверждения соответствующего интересам городских жителей судопроизводства, затем монополизация всех экономических возможностей, предоставляемых городом своим жителям: только член такой ассоциации допускался к торговым операциям бюргеров — например, в Генуе к инвестициям капитала

в форме комменды в заморскую торговлю. Еще одной целью создания ассоциации была фиксация повинностей города, уплачиваемых сеньору, в виде твердой общей суммы или высоких процентов вместо произвольного налогообложения; и наконец, они служили для создания военных организаций ради расширения политической и экономической сферы власти коммуну вовне. Поэтому, едва только возникали такие братства соприсяжников, начинались и войны между коммунами, к началу XI века ставшие уже постоянным явлением. Внутри города клятвенные братства добивались вступления масс бюргеров в свои ряды: жившие в городе знатные и патрицианские фамилии, основавшие братство, принимали присягу у всех землевладельцев города; тот, кто не приносил клятву, должен был покинуть город. Формальное изменение в существующем управлении городом происходило в ранний период вовсе не всегда; епископ или светский сеньор часто сохранял свое положение во главе городского округа и по-прежнему управлял им с помощью своих министериалов; ощутимо это великое преобразование выразилось только в наличии собрания бюргеров. Однако это не осталось без изменения. В последние десятилетия XI века повсюду появляются консулы (*consules*), ежегодно официально выбираемые всеми полноправными гражданами города или избранной ими коллегией знатных лиц, которая в действительности, вероятно, всегда узурпировала это избирательное право и состав которой утверждался только выражением одобрения; в городе бывало несколько, иногда до двенадцати, таких консулов. Эти консулы — чиновники, получавшие жалованье и имевшие право взимать плату за осуществление административных дей-

ствий, — завершали узурпацию, прибирая к рукам все судопроизводство или основную его часть, а также высшее командование во время войны, и начинали управлять всеми делами коммуны. В первое время, по всей видимости, они происходили преимущественно или очень часто из среды знатных судейских должностных лиц епископской или сеньориальной курии; разница была только в том, что теперь они выбирались объединенным бюргерством или его представителями, а не назначались, как раньше, сеньором города. Они находились под строгим контролем коллегии *sapientes**, часто называемой *credenza*, состоящей частично из прежних шеффенов, частично из знатных бюргеров, которые определялись на эту должность самими консулами или по решению выборной коллегии. Фактически же просто главы наиболее могущественных в политическом и экономическом отношении семейств распределяли между собой эти должности. В начале образования клятвенного братства еще сохранялось сословное деление на различные категории *capitani* (главных вассалов), субвассалов, министерялов, владельцев бургов (*castellani*) и *cives meliores***, то есть граждан, способных по своему экономическому положению носить оружие; должности и места в совете пропорционально распределялись между ними. Очень скоро, однако, обнаружилось, что движение направлено против ленных отношений. Консулам было запрещено принимать лены от сеньоров и коммендироваться им в качестве вассалов. Одним из первых политических завоеваний, достигнутых иногда путем наси-

* Мудрых (лат.).

** Лучших граждан (лат.).

лия, иногда посредством вынужденно предоставленных или купленных привилегий императора и епископов, был снос императорских, епископских и сеньориальных бургов в черте города, перемещение их за городские стены (это закреплено особенно часто в привилегиях императоров Салической династии) и проведение принципа, согласно которому в пределах определенной зоны вокруг города запрещалось строить бурги, а император и другие сеньоры города лишались права жить в нем.

Достижением в области судопроизводства было создание особой городской процедуры, исключавшей иррациональные доказательства вроде судебных поединков (об этом говорится в многочисленных привилегиях XI века), то есть то же, что предпринимала, идя навстречу интересам бюргеров, королевская власть Англии и Франции; затем запрет привлекать граждан данного города к суду где-либо, кроме него, и кодификация особого рационального права для граждан города, которым должны были пользоваться консулы при рассмотрении дел в своем суде. Так из заключаемых от случая к случаю или на короткий срок чисто личных, скрепленных клятвой ассоциаций возникало прочное политическое объединение, члены которого подлежали действию особого сословного права, существовавшего для граждан данного города. Формально это право означало уничтожение старого принципа, согласно которому юридические нормы действовали не в отношении территорий, а в отношении лиц, независимо от их местонахождения; в материальном отношении это новое право означало разрушение ленных связей и сословного патримониализма, правда, еще не в пользу подлинного территориально-корпо-

ративного принципа «учреждений». Право бюргерства было сословным правом членов образовавшегося посредством принесения клятвы объединения бюргеров. Ему были подвластны те, кто относился к сословию бюргеров или к зависимым от них людям. Еще в XVI веке там, где в городах сохранилось господство знатных родов, например в большинстве нидерландских общин, представительство в провинциальных и генеральных штатах было не представительством города как такового, а представительством городской знати; это очевидно из того, что наряду с представителями знатных родов очень часто в этих штатах присутствовали и представители цехов и других незнатных сословий того же города; они голосовали отдельно и отнюдь не объединялись с представителями знатных родов в общее представительство от своего города. В Италии это явление отсутствовало. Но в принципе положение было зачастую сходно. Хотя городская знать должна была находиться вне ленных отношений (что далеко не всегда действительно имело место), наряду с городскими домами у нее были бурги и земельные владения вне города, вследствие чего она входила не только в ассоциацию коммун, но — в качестве сеньора или члена — и в другие политические объединения. На ранней стадии существования итальянских коммун управление городом принадлежало рыцарским по своему образу жизни родам, независимо от того, предполагалось ли корпорацией нечто иное и удавалось ли иногда рядовым бюргерам добиваться преходящего участия в органах управления. Военное значение рыцарской знати брало верх.

На севере, особенно в Германии, старые семьи шеффенов играли еще бóльшую роль, чем на юге;

в первое время они часто и формально сохраняли право управлять городом или, во всяком случае, осуществляли его в нераздельной личной унии. В зависимости от соотношения сил участия в управлении городом добивались иногда и прежние должностные лица сеньориальной, в частности епископальной, власти — министерялы. Особенно там, где узурпация власти у городского сеньора была осуществлена не полностью, — а так бывало в большинстве случаев, — он (обычно это был епископ) добивался участия своих министерялов в сословном городском совете. В больших городах, таких как Кёльн и Магдебург, епископ полностью или частично осуществлял управление посредством шеффенов, которые были свободными и полноправными гражданами города и постепенно превращались из присяжных должностных лиц епископа в присяжных представителей коммун; они всегда привлекали к участию в управлении представителей *conjuratio* или делили с ним свои функции. В XIII веке во фландрских, брабантских и нидерландских городах наряду с назначенными графом шеффенами функции управления начинают осуществлять члены совета или «присяжные» — *jurati* (само наименование свидетельствует об их возникновении посредством узурпации из рядов *conjuratio*), или «бургомистры» из числа бюргеров; большей частью они образуют отдельные коллегии, но иногда заседают вместе с шеффенами. Они были представителями объединенных в корпорацию бюргеров и впоследствии сохранились в Голландии как корпорация *vroedschap**. В первое время отношения следует повсюду представлять себе очень колеблющими-

ся, причем как раз самые важные пункты фактического распределения власти были формально почти не регламентированы. Решающими были личные отношения и влияние, а также личная уния при осуществлении различных функций управления. Формального обособления «городского управления» в современном смысле, особых бюро и ратуш, не было. В Риме, как и во всех городах Италии, собрания бюргеров заседали в кафедральном соборе, а руководящие комитеты, иногда также и отдельные группы бюргеров, вероятно, сначала в частных домах или клубах. В Риме это, несомненно, происходило именно таким образом. В Кёльне времен узурпации прав горожанами «дом богатых» (*domus divitum*) также находился в «локальной унии», то есть в одном помещении с «домом бюргеров» (*domus civium*), то есть с местонахождением управления, и главы клуба «цеха богатых», по несомненно правильному указанию Бейерле, почти всегда в порядке личной унии совмещали должности шеффенов с другими важными постами. Городского рыцарства, значение которого было бы схоже с итальянским, здесь не было.

В Англии и во Франции ведущую роль играли гильдии купцов. В Париже главы гильдии по снабжению водой были и формально признанными представителями бюргерства. Но и во Франции возникновение городских корпораций в большинстве крупных и древних городов, как правило, происходило, вероятно, посредством узурпации ассоциациями бюргеров, купцов и городских получателей ренты и объединения их либо с живущими в городе рыцарями (на юге), либо с братствами (*confraternitates*) и цехами ремесленников (на севере страны).

7. Братства германского севера

Не будучи тождественны *conjuratio*, эти братства играли при своем возникновении большую роль в других объединениях, особенно на севере. Вследствие слабого развития рыцарства братства соприсяжников германского севера отличаются особенно архаическими чертами, отсутствующими в странах Южной Европы. Такие братства могли создаваться с нуля в целях образования политической корпорации и узурпации власти у сеньора города, могли возникать из защитных гильдий, существовавших в большом количестве на севере и в Англии. Первоначально такие защитные гильдии создавались не для того, чтобы оказывать влияние на политические события: они заменяли своим членам то, чего те в раннесредневековом городе особенно часто бывали лишены, — опору в виде рода и предоставляемую родом безопасность. Подобно роду, они помогали своим членам в случае травмы или угрожающей ситуации, а часто и при экономических трудностях, не допускали споров и усобиц между входящими в братство, видя свою задачу в мирном разрешении конфликтов между ними, брали на себя выплату денежных компенсаций за непреднамеренное убийство (как это было в одном случае в Англии) и заботились об удовлетворении потребности в общении, устраивая сохранившиеся еще с языческих времен периодические пиршества (первоначально они были культовыми актами); заботились, наконец, о похоронах членов при участии всего братства, гарантировали умершему спасение души благодаря добрым делам, приобретали для него за общий счет индульгенции, покровительство могущественных святых и вообще всячески старались в каждом конкрет-

ном случае защищать общие, в том числе экономические интересы. Если северофранцузские городские объединения возникали преимущественно как коллективы людей, принесших взаимную присягу соблюдения мира, и не имели остальных атрибутов гильдий, то английские и скандинавские городские объединения, как правило, носили характер гильдий. В Англии типичной формой городского объединения была торговая гильдия, обладавшая монополией на розничную торговлю внутри города. Немецкие торговые гильдии большей частью делились по специальностям (обычно очень сильная гильдия торговцев сукном, гильдия мелочных торговцев и др.). Гильдия как организационная форма перешла отсюда и в дальнюю торговлю — но это нас здесь не интересует.

Города не «возникли», как часто думают, «из гильдий» — напротив, гильдии, как правило, возникали в городах. К тому же гильдии получали власть в городе лишь в немногих случаях (особенно на Севере, в частности в Англии, — в качестве *summa convivia**). Как правило, власть в городах захватывали отнюдь не тождественные гильдиям «роды». Ибо гильдии не были идентичны и *conjuratio*, городскому объединению.

И наконец, гильдии никогда не были единственными видами объединения в городах. Наряду с ними существовали, с одной стороны, различные по своему профессиональному составу религиозные объединения, с другой — чисто экономические, разделенные по профессиям объединения — цехи. Религиозное движение, связанное с созданием подобных объединений, *confraternitates*, существовало на протяжении всего Средне-

* Объединение гильдий (лат.).

вековья наряду с политическими, гильдейскими и профессиональными объединениями в разнообразном взаимопересечении с ними. Значительную, меняющуюся в разное время роль они играли, в частности, среди ремесленников. Само по себе то, что случайно наиболее раннее упоминание в источниках подлинной *fraternitas** ремесленников в Германии — ткачей чехлов для перин в Кёльне (1180) — относится к более позднему времени, чем соответствующее ей объединение, не доказывает, что профессиональное объединение, вернее, его специфическая профессиональная цель была повсюду более ранней и исконной. Однако в профессиональных цехах это было, по-видимому, правилом, что объясняется, вероятно, тем, что первым образцом для объединений свободных ремесленников, во всяком случае вне Италии, служило совершаемое сеньориальным управлением деление тяглых ремесленников на группы во главе с мастерами. Но в ряде случаев и *fraternitas* послужила отправным пунктом будущего профессионального объединения. Подобно тому как еще недавно возникновение в России еврейских рабочих профсоюзов начиналось обычно с приобретения самого необходимого для полноценной религиозной жизни иудея предмета — свитка Торы, — так и многочисленные, по существу профессиональные, ассоциации обычно ставили на первое место интересы общения и религии или, если они были сугубо профессиональными объединениями, они обычно добивались религиозного признания, как это было свойственно большинству гильдий и вообще всем объединениям в Средние века. И это отнюдь

не было лишь маскировкой важных материальных интересов. То обстоятельство, например, что самые ранние конфликты между будущими ассоциациями подмастерьев возникали не из-за условий труда, а по вопросам религиозного этикета (кто за кем идет в религиозных процессиях и т.п.), показывает, как сильно и тогда социальная оценка стоящего вне рода бюргера была обусловлена религиозными факторами. Однако при этом сразу же обнаруживается и то, что для нас здесь имеет наиболее важное значение, — полная противоположность любого рода табуистической кастовой замкнутости, которая исключала бы сплочение горожан через братство в общину.

В целом эти братства, как религиозные, так и светские по своему характеру, независимо от времени их возникновения в каждом отдельном случае, фактически часто находились в личной унии с официальными профессиональными ассоциациями — с купеческими гильдиями и цехами ремесленников, о которых речь еще будет идти ниже. Те же, в свою очередь, не всегда были, как часто предполагают, ответвлениями первоначально единой гильдии бюргеров, хотя это случалось, но, например, объединения ремесленников сложились в некоторых случаях гораздо раньше, чем старейшие *conjuraciones*. Не были они и их предтечами, ибо существовали по всему миру, даже там, где никогда не возникала бюргерская община. Все эти объединения оказывали преимущественно косвенное воздействие: за счет того, что бюргерам становилось легче действовать совместно в силу привычки отстаивать общие интересы с помощью свободных объединений; за счет примера и совмещения руководящих функций в личной унии лицами, приобретшими опыт в руководстве такими

ассоциациями соприсяжников и пользовавшимися благодаря этому влиянием. Во всяком случае, вполне естественно было — и это подтверждается также дальнейшим развитием, — что и на Севере именно богатые бюргеры, заинтересованные в независимости торговых сношений, принимали наряду со знатными родами активное участие в создании *conjuratio*, давали на это деньги, следили за ходом движения и вместе со знатными родами принимали клятву и обязательства от всей массы населения; пережитком именно этого являлось, очевидно, право цеха богатых в Кёльне предоставлять гражданское право. Там, где в этом движении бюргеров, помимо знатных родов, участвовали и занимающиеся промыслами бюргеры, известную роль в образовании городского объединения играли, впрочем, почти исключительно купеческие гильдии. В Англии еще при Эдуарде II восставшие против купцов мелкие бюргеры жаловались на то, что потентаты (*potentes*) требуют от самых бедных бюргеров, в особенности от цехов, клятвы в повиновении и вводят на основе этой узурпированной власти налоги. Сходным был, несомненно, этот процесс и в большинстве городских братств, возникших посредством узурпации. После того как в ряде больших городов узурпации увенчались успехом, те политические сеньоры, которые основывали новые города или предоставляли старым городам привилегии, поспешили из «соображений конкуренции» добровольно предоставить бюргерам часть, в каждом случае различную, требуемых ими прав, не дожидаясь возникновения формального объединения, вследствие чего успех этих объединений становился по своей тенденции повсеместным. Этому способствовало, в частности, и то, что лица, желавшие

создать новое поселение или предполагавшие поселиться в нем, в случае когда благодаря богатству и социальному престижу они обладали необходимым весом в переговорах с основателем города, добивались предоставления им в готовом виде уже существующего права какого-либо определенного города; так, например, жители Фрейбурга желали получить кёльнское право, многочисленные южногерманские объединения бюргеров — фрейбургское право, восточные города — магдебургское право; при возникновении конфликтов компетентным толкователем правовых норм считался тот город, чье было право. Чем богаче были поселенцы, на которых рассчитывал основатель города, тем больше были уступки, на которые ему приходилось идти. Так, двадцать четыре *conjuratores fori** во Фрейбурге, которым герцог Бертольд Церингенский торжественно пообещал сохранение свобод граждан в новом городе, играли здесь роль, напоминающую роль «цеха богатых» в Кёльне: они получили большие личные привилегии и в качестве *consules* общины стали первыми правителями города.

К числу привилегий, пожалованных князьями и аристократами-землевладельцами городам при их основании, относится повсюду прежде всего то, что бюргерство конституировалось как «община» с собственными органами управления; в Германии во главе ее стоял «совет». Наличие «совета» считалось в Германии необходимым выражением свободы города, и бюргеры притязали на автономное право определять его состав. Это удавалось им не без борьбы. Еще Фридрих II запретил в 1232 году деятельность всех

* Должностные лица, давшие присягу (лат.).

советов и бургомистров, выбранных бюргерами без согласия епископов; в Вормсе епископу удалось добиться для себя и своего представителя права председательствовать в совете и назначать его членов. В Страсбурге в конце XII века управление министриалов епископа было заменено советом, состоящим из представителей бюргерства и пяти министриалов. В Базеле епископ добился того, что император устранил совет бюргеров, создание которого, как предполагает Гегель*, он прежде сам разрешил. Во многих южногерманских городах долгое время фактическим главой города оставался назначаемый или, во всяком случае, утверждаемый сеньором шультгейс, и бюргерство могло избавиться от этого контроля, лишь купив эту должность. Однако почти повсюду там в городских грамотах мы обнаруживаем, что наряду с шультгейсом все большее значение обретает «бургомистр», который в конце концов получает преимущество. Как правило, он был, в отличие от шультгейса, представителем объединения бюргеров, то есть должностным лицом, возникшим в результате узурпации, а не назначенным от сеньора. Впрочем, в соответствии с изменившимся социальным составом очень многих немецких городов бургомистр, получавший в XIV веке все большее значение, часто переставал быть представителем «родов», подобно *consules* в Италии, — им скорее соответствовали не принесшие клятву шеффены (*scabini non jurati*), консулы и подобные им представители бюргерства больших городов в раннее время, — а становился доверенным лицом профессиональных объедине-

* Карл Гегель — в работе «Возникновение немецкой городской жизни» (1898).

ний, то есть относился уже к более поздней стадии развития.

Активное членство в ассоциации бюргеров сначала повсюду обуславливалось владением землей в городе. Собственность эта должна была быть наследственной, отчуждаемой, свободной от барщины и оброка либо обремененной лишь твердо установленным оброком и обязанностью платить поземельный налог в городскую казну — эта обязанность стала в Германии едва ли не главным признаком городского землевладения. Позже стала облагаться городским налогом и другая собственность, прежде всего деньги и ценные металлы. В ранний период городской житель, не обладавший такого рода земельным владением, был повсюду лишь клиентом города, то есть его подданным, платившим подати, но не имевшим гражданских прав, каким бы ни было в остальном его сословное положение.

8. Значение военной самостоятельности городов Запада

Право занимать городские должности и участвовать в совете менялось, причем в различном смысле. К этому мы теперь и перейдем.

Но сначала надо еще поставить — пока в самом общем плане — вопрос, что послужило причиной того, что, в отличие от Азии, в Средиземноморском бассейне, а затем в Европе началось развитие городов. Отчасти ответ на это был уже дан указанием на то, что возникновению городского братства, то есть городской общины, препятствовала магическая замкнутость родов, а в Индии — каст. В Китае роды были носителями важнейших религиозных функций — культа предков, и по-

этому были нерушимы. В Индии касты определяли специфический образ жизни, от соблюдения которого зависело благополучное перерождение души, поэтому касты ритуально не смешивались друг с другом. Но если в Индии это препятствие было действительно абсолютным, то привязка к роду в Китае и особенно в Передней Азии может рассматриваться только как относительное препятствие. И в самом деле, именно в этих регионах появляется нечто совершенно иное: различие в военной организации, прежде всего в ее экономической и социологической основе. Необходимость регулирования течения рек и орошения привела в Передней Азии (включая Египет) и (в меньшей, но все же определяющей степени) в Китае к созданию царской бюрократии. Вначале это была только бюрократия, связанная со строительными работами, но затем она привела к полной бюрократизации управления, которая давала царю возможность с помощью персонала и доставляемых им доходов взять управление армии в свои руки, осуществляя его посредством своих бюрократических хозяйственных органов. «Офицер» и «солдат», составленная из призывников, снаряженная и снабженная необходимым из государственных складов армия стала здесь основой военной силы. Следствием этого было отделение солдат от средств военных действий и безоружность подданных. На этой почве не могла возникнуть политическая, независимая по отношению к царской власти бюргерская община, так как бюргер не был воином. Совершенно иначе обстояло дело на Западе. Здесь вплоть до периода императорской власти сохранился принцип самоэкипировки войска, независимо от того, состояло ли оно из несущих военную повинность крестьян, ры-

царей или бюргерского ополчения. А это означало военную самостоятельность военнообязанных индивидов. В самоэкипирующей армии действует принцип, согласно которому сеньор в значительной степени зависит от доброй воли войскового состава, на повиновении которого полностью основана его политическая власть; об этом свидетельствуют уже отношения между Хлодвигом и его войском. В сравнении с каждым отдельным лицом, даже в сравнении с небольшими группами правитель сильнее, но перед всеми или большими объединениями, если таковые возникают, он бессилен. В таких случаях сеньор лишен бюрократического, слепо ему повинующегося, ибо полностью от него зависящего, аппарата принуждения, с помощью которого он, не вступая в переговоры с независимыми в военном и экономическом отношении аристократическими родами, из чьих рядов он вынужден рекрутировать органы своего управления, — своих сановников и должностных лиц на местах, — мог бы проводить свою волю и тогда, когда эти слои сплачиваются против него. Между тем такие ассоциации возникали всегда, как только сеньор предъявлял военнообязанным самостоятельно вооружающимся людям новые требования экономического характера, в частности требования денег. Этим объясняется возникновение на Западе, и только там, «сословий», а также возникновение корпоративных и автономных городских общин. Финансовая мощь горожан вынуждала сеньора обращаться к ним в случае необходимости и заключать с ними договор. Но финансовой мощью обладали также гильдии в Китае и Индии, «денежные люди» Вавилона, что заставляло царей, дабы не спугнуть их, и там в известной мере с ними считаться. Но это еще не давало

возможности городским жителям, какими бы богатыми они ни были, сплотиться и сопротивляться сеньору города как военная сила. В отличие от них все *conjuraciones* и объединения Запада начиная с раннего периода Античности были объединениями вооруженных слоев городского населения. И это было решающим.

§ 3. Город под властью родовой знати в Средние века и в Античности

1. Истоки прав знати

Поскольку в *conjuratio* входили не только ведущие аристократические роды, а вообще все землевладельцы города, то официально высшим суверенным органом коммуны считалось обычно собрание бюргеров, называемое в Италии *parlamentum*. И формально такое его значение часто сохранялось. Фактически же именно в первое время власть, естественно, полностью находилась в руках аристократических родов. Очень скоро право занимать административные должности и заседать в городском совете стало и формально привилегией ограниченного числа «родов». Нередко они с самого начала считались единственно обладающими правом заседать в совете, хотя такого формального установления еще не было. Там, где преимущественное право знати не существовало с самого начала, оно, как мы отчетливо видим на примере Англии, совершенно естественно возникало как следствие хорошо известного правила, согласно которому только те, кому экономическое положение позволяло отвлекаться от зарабатывания на жизнь, постоянно участвовали в собраниях граждан города и обстоятельно обсуждали текущие дела. Ибо вначале участие в делах управления воспринималось повсюду как бремя, которое брали на себя только в том случае, если к этому принуждала официально установленная обязанность. В раннее Средневековье гражданин города обязан был являться на три ежегодных очередных «собрания». В необязательных собраниях участво-

вал только тот, кто был непосредственно политически заинтересован в обсуждаемых на них вопросах. В особенности руководство ходом дел оказывалось самым естественным образом в ведении тех, кто пользовался уважением вследствие своего имущественного положения и — что не следует забывать — вследствие основанной на этом способности отстаивать свои экономические интересы, а также своей военной силы. Поэтому, как показывают более поздние источники о ходе заседаний в итальянских *parlamenta*, массы граждан города, присутствовавшие на этих собраниях, лишь в исключительных случаях оказывались не просто публикой, которая криками одобрения принимала предложения знатных лиц или выражала свое неодобрение с помощью протестующих возгласов, но никогда, насколько мы осведомлены о событиях этой ранней стадии, не оказывали реального, длительного и действительно определяющего влияния на выборы или на мероприятия городского управления. Большинство часто составляли экономически зависимые от представителей родовой знати люди. Соответственно, позже захват власти стоящим вне аристократических родов *popolo** повсюду шел посредством устранения общих хаотических собраний бюргеров и замены их собранием представителей или — параллельно — посредством учреждения более узкого собрания, в которое входил постепенно закреплявшийся круг граждан, отвечавших определенным критериям; и наоборот, установление тирании и поражение *popolo* ознаменовались созывом старых *parlamenta*, от которых еще Савонарола предостерегал флорентийцев.

Во всяком случае фактически, если и не формально-юридически, город возникал как сословная ассоциация, управляемая различным по своей численности кругом родовой знати (о своеобразии которой речь пойдет ниже) — или вскоре становился таковым. В одних случаях это фактическое господство родовой знати переходило в твердо регламентированную правовую монополизацию власти над городом, в других — наоборот, знать теряла в результате ряда новых революций свою силу или вообще устранялась. Тех аристократов, которые монополизировали управление городом, обычно называют «знатными родами», а период их преобладающего влияния — «господством знатных родов». Эти «роды» не были единообразны по своему характеру; общим для них было то, что их могущественное социальное положение основывалось на землевладении и на доходах от промыслов, которыми сами они непосредственно не занимались. Но в остальном они могли очень отличаться друг от друга. В Средние века сословная принадлежность определялась одним специфическим признаком — рыцарским образом жизни. Он давал право на участие в турнирах, на получение ленов и на все атрибуты сословного статуса, равного внегородскому рыцарству. По крайней мере в Италии, но в большинстве случаев и на Севере к «знатным родам» причисляли лишь те слои городского населения, которые обладали этим признаком. Поэтому в тех случаях, где прямо не сказано иное, мы в дальнейшем — признавая, конечно, текучесть переходов — *a priori** всегда будем иметь в виду этот признак, когда речь пойдет о «родах». Господство родовой зна-

* Прежде всего (лат.).

ти привело в некоторых исключительных случаях к образованию специфической городской аристократии, особенно там, где, как в Античности, развитие определялось заморской политикой торговых городов. Классическим примером может служить Венеция.

2. Монополизация власти знатными родами в Венеции

Развитие Венеции определялось изначально все более локальным характером набора рекрутов: эта тенденция началась еще со времен Адриана и усиливалась вместе с усилением литургийного* характера позднеримского и византийского государственного хозяйства. Солдаты гарнизонов все больше рекрутировались из местного населения, практически их поставляли посессоры из числа своих колонов. Под началом *dux*** находились командиры отрядов, трибуны. Предоставление кандидатов на эту должность формально тоже было литургийной повинностью, фактически же одновременно и правом местных посессорских родов, из рядов которых они происходили; как и повсюду, в определенных родах эта должность стала фактически наследственной, тогда как до VIII века *dux* назначался Византией. Эти роды трибунов, то есть военная аристократия, были ядром старейших родов города. С ослаблением денежного хозяйства и ростом милитаризации в Византийской империи власть знатных трибунов полностью заменила римские курии и защитников (*defensores*). Революция, которая привела в 726 году в Венеции к началу образования города,

* То есть связанного с общими повинностями.

** Здесь: начальник гарнизона (*лат.*).

была направлена, как и во всей Италии, против тогдашнего иконоборческого правительства и его чиновников и на долгое время завоевала право выборов *dux* знатными трибунами и клиром. Вскоре после этого, однако, началась длившаяся три столетия борьба дожа, стремившегося превратить свою должность в наследственную патримонильную монаршую власть над городом-государством, со своими противниками — знатью и патриархом, который был, в свою очередь, заинтересован в том, чтобы остановить притязания дожа на создание «частной церкви»*. Дожа поддерживали дворы императоров Востока и Запада. Византия благосклонно отнеслась к назначению сына дожа соправителем, что в соответствии с античной традицией было скрытой попыткой учредить наследственность престола. Приданое Вальдрады, дочери германского императора, позволило последнему кандианцу** еще раз увеличить иноземную свиту, и прежде всего отряд телохранителей, на который с 811 года опиралась власть дождей. В то время патримониально-монархический характер власти дожа над городом рельефно выступает во всех деталях: дож был крупным землевладельцем и купцом, он монополизировал (отчасти по политическим причинам) почтовое сообщение между Востоком и Западом, которое шло через Венецию, а с 960 года и работоторговлю вследствие запретов ее церковью. Невзирая на протесты церкви, он назначал и смещал патриархов, аббатов, священников. Дожд был решающей судебной инстанцией — правда, в пределах дей-

* В Средние века светские лица имели право основывать и приобретать церкви (и монастыри) и пользоваться их владениями и доходами.

** Венецианский дож Витале Кандиано.

ствия принципа судебного собрания, проникшего и сюда под франкским влиянием, — назначал судью и отменял спорные приговоры. Управление он осуществлял частично через должностных лиц своего двора и вассалов, частично с помощью церкви. Последнее — особенно в тех случаях, когда речь шла об иноземных поселениях венецианцев. Его отношение к подвластному городу как к собственности своей семьи, не отделенной от общественного имущества, проявлялось не только в назначении соправителя — в одном случае это выразилось даже в завещании. Дож снаряжал флот преимущественно на собственные средства, держал наемников и распоряжался трудовыми повинностями ремесленников в пользу дворца, подчас произвольно их увеличивая. Одно такое увеличение, вызванное, вероятно, ростом расходов на внешнюю политику, и послужило в 1032 году внешним поводом к завершившемуся победой восстанию, а это, в свою очередь, было использовано постоянно находившейся в оппозиции знатью для того, чтобы постепенно сломить власть дожа. Как это всегда бывает в условиях военной самоэкипировки, дож был гораздо сильнее всех отдельно взятых родов (или их групп), но уступал им, если все они объединялись в союз. А такой союз тогда, как и в наши дни, приобретал решающий вес, как только дож предъявлял родам финансовые требования. Господство живших в квартале вокруг рынка Риальто родов городской знати началось в сравнительно демократических правовых формах. Так называемым первым основным законом республики было запрещение назначать соправителя, что должно было предотвратить наследственность власти (как это было в Риме).

После «сословно-государственного» промежуточ-

ного периода, когда права и обязанности распределялись между дожем и коммуной, как в других местах между властителем территории и выборными представителями, избирательные капитуляции* завершили этот процесс — они формально низвели дожа до уровня строго контролируемого, связанного ограничивающим его церемониалом, оплачиваемого чиновника и, следовательно, в социальном смысле превратили его в *primus inter pares* в корпорации знати. Справедливо указывалось (Ленелем**), что господствующее положение дожа, основанное на его иноземных связях, было ограничено и в области внешней политики, которая перешла к совету *sapientes* (его существование документально подтверждается с 1141 года). Необходимо особо подчеркнуть, что здесь, как и повсюду, привлечение патрициата к управлению стало неизбежным прежде всего в силу финансовых потребностей, связанных с воинственной колониальной и торговой политикой, подобно тому как впоследствии на континенте основой растущей власти сословий стали финансовые потребности, связанные с войнами государей, ведение которых подчинялось законам денежной экономики. Хрисовул*** императора Алексея означал конец торгового господства греков и возникновение торговой монополии Венеции на Востоке в обмен на предоставление Восточной Римской империи охраны на морях и, нередко, финансовой поддержки. Значительная часть государственного, церковного и частного капитала венецианцев была с выгодой вложена в греческой империи

* Обязательство, которое берет на себя кандидат на выборный пост.

** В работе «Возвышение Венеции на Адриатике» (1897).

*** Императорская грамота.

в торговлю, в эргастерии* разного рода, в государственную аренду и земельную собственность. Выросшая для охраны этих прав военная мощь Венеции привела к ее участию в завоевательной войне латинян и к приобретению знаменитых «трех восьмых» (*quarta pars et dimidia*) Латинской империи. По распоряжениям дожа Дандоло все колониальные приобретения юридически рассматривались строго как сделанные в пользу коммуны и ее должностных лиц, а не в пользу дожа, что подтвердило его бессилие. Естественным следствием такой внешней политики были государственные долги и постоянные расходы коммуны. Эти финансовые потребности могли быть удовлетворены только патрициатом, то есть той частью старого сословия землевладельцев из среды трибунов (несомненно, усиленного новой знатью), которая, живя в городе, имела возможность извлекать доходы типичным способом — посредством предоставления капитала в виде комменды и других форм участия в торговле и иных выгодных предприятиях. В руках этого патрициата находилась как концентрация капитала посредством денежно-хозяйственных операций, так и политическая власть. Поэтому параллельно с ослаблением имущественного могущества дожа шла монополизация всей политической власти в Венецианской республике городом, находящимся под господством патрициата, в противоположность все более теряющей свои политические права сельской местности. В *placita*** дожа номинально до XII века посылались представители аристократических родов (потомков трибунов) со всего герцогства.

* Мастерские и торговые лавки.

** Заседания, в том числе судебные (*ит.*).

Но с возникновением Венецианской коммуны (*commune Venetiarum*), впервые упоминаемой в источниках в 1143 году, это фактически прекратилось; теперь совет и *sapientes*, которых избирали граждане (*cives*) и которым присягал дож, состояли, по-видимому, только из проживавших в Риальто крупных землевладельцев, экономически заинтересованных в заморских вложениях капитала. В 1187 году в Венеции, как и почти во всех городах, где господствовала родовая знать, уже существовало деление на Большой совет, выносящий решения, и Малый совет, осуществлявший управление городом. Дальнейшее, не интересующее нас в подробностях развитие вело к фактическому уничтожению собрания всех горожан-землевладельцев, хотя необходимость их одобрения официально сохранялась до XIV века, к выдвижению кандидатуры дожа узкой выборной коллегией, состоящей из нобилей, к фактическому ограничению выбора должностных лиц кругом фамилий, обладавших правом заседать в совете, и, наконец, к формальному закрытию списка таких семейств, осуществленному в 1297–1315 годах (список этот получил впоследствии название «Золотая книга»). Значительное экономическое превосходство участвовавших в заморских политических и торговых предприятиях родов ускорило этот процесс монополизации власти в их руках. Государственное устройство и техника управления Венеции знамениты установлением патримониально-государственной тирании городской знати, распространявшейся на большую сухопутную и морскую территорию, при строгом взаимном контроле друг друга аристократическими фамилиями. Их дисциплина не ослабевала, потому что они, подобно спартиатам, держали в своих руках

все средства господства, храня служебные тайны так строго, как нигде более. Возможность этого была обусловлена прежде всего тем, что каждый член заинтересованной в громадных монопольных прибылях ассоциации ежедневно имел возможность убеждаться в единстве интересов во внешних и внутренних делах, а оно требовало участия каждого в коллективной тирании. Технически же это осуществлялось так: 1) посредством разделения власти между конкурирующими должностями в центральных органах; различные коллегии, ведавшие разными отраслями управления, почти все облеченные одновременно судебной и административной властью, конкурировали друг с другом по вопросам своей компетенции; 2) посредством разделения сфер власти как разделения труда между всегда происходившими из кругов знати должностными лицами в подвластной Венецианской республике области; судебное, военное и финансовое управление всегда находилось в руках различных должностных лиц; 3) посредством краткосрочности всех должностей и системы выездных контролеров; 4) с XIV века посредством политического инквизиционного суда, Совета десяти, который сначала был следственной комиссией по одному заговору*, затем превратился в постоянное учреждение по расследованию политических дел и, наконец, стал следить вообще за поведением нобилей в политической и личной сферах. Этот орган нередко кассировал постановления Большого совета, короче говоря — обладал своего рода трибунской властью, быстрое и тайное пользование которой позволило ему завоевать высший авторитет в общине. Страшен он

* Заговор Байамонте Тьеполо (1310).

был только знати, а среди не допускавшихся к политической власти подданных, напротив, был наиболее популярным учреждением, предоставлявшим им единственное, но очень действенное средство для успешного удовлетворения жалоб на аристократических должностных лиц, — значительно более действенное, чем давал римский репетундный процесс*.

Параллельно этой монополизации, представляющей особенно ясно и резко выраженный пример развития родовой знати города, монополизации в пользу коммуны (а внутри ее в пользу патрициата) всей власти над большой сферой господства, постепенно распространявшейся на континентальную Италию и удерживавшейся чем дальше, тем больше за счет наемного войска, возникало с самого начала и другое явление. Растущие расходы общины, которые обуславливали ее зависимость от кредитовавшего ее патрициата, были связаны, помимо затрат на плату наемникам, снаряжение флота и оружие, также и с глубоким изменением системы управления. Дело в том, что, как это было специфично для Запада, помощником патрициата в его борьбе с дожем стала набирающая силу церковная бюрократия. Ослабление власти дожа неслучайно совпало с разделением государства и церкви вследствие борьбы за инвеституру; все итальянские города извлекли выгоду из уничтожения одной из самых прочных, идущей от права на частную церковь опоры патрициальной и феодальной власти. Исключение из сферы управления церковей и монастырей, ко-

* Процесс против чиновников — вымогателей взяток; в качестве наказания предполагал возврат денег, штраф, изгнание или запрет на занятие государственных должностей.

торые до XII века заменяли светский аппарат власти, беря на откуп управление колониями, и тем самым обеспечивали экономию средств, стало необходимым следствием отделения церкви от политической власти и привело к необходимости создать оплачиваемое светское чиновничество, в первую очередь в колониях. Этот процесс также был временно завершен в правление Дандоло. Система краткосрочных должностей, обусловленная, с одной стороны, политическими соображениями, но, с другой стороны, также и желанием предоставлять попеременно эти должности по возможности многим, ограничение кругом родовой знати, небюрократическое, строго коллегиальное управление самой правящей столицей — все это служило препятствием созданию профессионального чиновничества, неизбежно возникавшим вследствие господства знатных родов.

3. Власть патрициата в других итальянских коммунах: отсутствие замкнутости и институт *podestà*

В этом отношении развитие остальных итальянских коммун уже в период господства знатных родов шло совершенно иным путем. В Венеции корпорация городской знати стала полностью замкнутой: прием новых семейств в число имеющих право участвовать в заседаниях Большого совета происходил только по решению самой корпорации в силу политических заслуг, а впоследствии вообще прекратился. В связи с этим удалось полностью подавить все усобицы между членами городской знати, что было необходимо в силу постоянно грозившей всему городу опасности. В других коммунах в период господства знатных родов

об этом не было и речи. Ориентация на монополию в заморской торговле нигде не была столь очевидной и непререкаемой основой всего существования знати, как это было в Венеции в решающий период ее развития. Вследствие бушевавших повсюду раздоров среди городского патрициата знати приходилось даже во время своего полного господства считаться с другими, пользующимися влиянием слоями аристократии. К тому же вражда родов и их глубокое недоверие друг к другу исключали создание рационального управления типа венецианского. Почти повсюду несколько семей, обладавших особенно большой земельной собственностью и многочисленными клиентами, в течение ряда веков противостояли друг другу; каждая из них в союзе с многочисленными менее богатыми домами стремилась вытеснить другие семьи и их союзников с занимаемых должностей и отстранить от связанных с городским управлением экономических возможностей, а если удастся, то и вообще изгнать. Так же как в Мекке, почти все время какая-нибудь часть знати объявлялась неспособной занимать государственные должности, изгонялась и, в противоположность арабской галантности нравов, объявлялась вне закона, а на ее имущество накладывался секвестр; это продолжалось до тех пор, пока при перемене политических условий господствующую знать не постигала та же участь. Интерлокальные группировки, объединенные общими интересами, возникали сами собой. Правда, образование партий гвельфов и гибеллинов было отчасти обусловлено имперскими политическими условиями и социальными факторами: в подавляющем большинстве случаев гибеллины принадлежали к старым фамилиям вассалов королевского

дома или действовали под их руководством. Однако в значительной своей части эти партии возникли вследствие конфликта интересов конкурировавших городов и, прежде всего, вследствие конкуренции внутри городов между интерлокально организованными аристократическими группировками. Эти организации, особенно организации гвельфов, представляли собой прочные ассоциации со статутами и военными матрикулами, которые в случае необходимости созыва ополчения требовали от рыцарства отдельных городов предоставления определенных воинских контингентов, подобно немецким матрикулам в походах против Рима. Но если в военном отношении обученное рыцарство было решающей силой, то уже в период господства родов при финансировании военных действий нельзя было обойтись без привлечения бюргеров нерыцарского происхождения. Их заинтересованность в рационально действующем судопроизводстве, с одной стороны, и соперничество партий знати — с другой, привели в Италии и в нескольких граничащих с ней областях к появлению своеобразной должности как бы переезжающего с места на место знатного профессионального чиновника, *podestà*, который заменил прежнего «консула», формально избранного из среды местной знати, фактически же занимавшего должность, монополизированную несколькими борющимися за эту привилегию фамилиями.

Этот институт возник именно во время интенсивной борьбы коммун с императорами династии Штауфенов, что требовало от городов внутреннего единения и усиливало давление на их финансовые ресурсы. Расцвет института подеста относится к первой половине XIII века. Подеста призывался обычно из чужой общины и на короткое

время службы облакался высшей судебной властью; он был обладателем установленного и потому, в сравнении с консулами, высокого оклада, был выборным должностным лицом, как правило, знатного происхождения и большей частью с юридическим университетским образованием. Выбирался он либо советами, либо, что типично для всех выборов в Италии, определенной для того комиссией, состоящей из знатных лиц города. При приглашении на должность велись переговоры с общиной, откуда он был родом, а иногда к ней прямо обращались с просьбой назвать подходящее лицо. Согласие общины рассматривалось как дружественный, отказ — как недружественный политический акт. Подчас совершался даже обмен подеста. Приглашенные нередко требовали предоставления заложников как гарантии хорошего обращения, торговались об условиях, как нынешние профессора, а если условия их не привлекали, отказывались от предложенной должности. Приглашенный должен был привести с собой и сам содержать подобающую рыцарскому достоинству свиту, а также необходимый персонал, состоящий не только из мелких чиновников, но часто и из ученых юристов, помощников и представителей, которые нередко составляли целый штаб. Главной обязанностью подеста было, в соответствии с целью его приглашения, следить за общественной безопасностью и порядком, прежде всего за сохранением мира в городе, наряду с этим часто осуществлять и военное командование и всегда — правосудие. Все это под контролем совета. Его влияние на законодательство было повсюду довольно ограничено. Как правило, сменялся не только подеста, менялось, по-видимому преднамеренно, и место, откуда его приглашали.

Вместе с тем коммуну, кажется, придавали большое значение тому, чтобы их граждане занимали по возможности больше должностей в других городах — отчасти, как правильно предполагает Ганауэр*, из политических, отчасти из экономических соображений; высокие оклады на чужбине составляли желанный источник дохода местной знати. Важнейшие следствия института подеста заключаются в самом появлении профессионального чиновничества от знати и во влиянии подестата на дальнейшее развитие права. Мы начнем с первого. Ганауэр указывает, что в четвертом десятилетии XIII века только для 16 из 60 городов выявлено 70 человек, которые занимали должность подеста два раза, и 20 лиц, занимавших эту должность шесть и более раз; нередко это становилось делом всей жизни. За сто лет расцвета этого института Ганауэр насчитывает 5400 подеста в 60 коммунах. Существовали знатные фамилии, все время представлявшие кандидатов на эту должность. К этому надо еще присоединить значительное число необходимых, имеющих юридическое образование помощников. К этой подготовке части знати для участия в строго деловом, контролируемом местным общественным мнением управлении присоединялся еще один важный аспект. Для того чтобы юрисдикция подеста родом из чужой общины была осуществимой, действующее право необходимо было кодифицировать, рационализировать и унифицировать для разных областей. Таким образом, если в других местах рациональной кодификации законов и особенно распространению римского права способствовала заинтересованность князей и должностных

лиц в возможности интерлокального применения юридических норм, то здесь этому способствовал институт подеста.

Подеста в его типическом выражении был явлением, ограничивающимся по преимуществу областью Средиземноморья. Отдельные аналогии встречаются и на Севере. Так, в Регенсбурге (в 1334 году) местные жители не были допущены к занятию должности бургомистра, приглашен был рыцарь из другого места, и после него эту должность в течение 100 лет все время занимали чужеземцы: это было время почти полного внутреннего мира после раздиравших город междоусобиц родов и борьбы с изгнанными представителями знати.

4. Олигархия английского города и давление на нее королевской власти

Если в Венеции городская знать формировалась на основе ярко выраженного господства родов без существенных нарушений этого процесса и во главе остальных коммун Италии также стояла родовая знать, то на Севере развитие замкнутого городского патрициата происходило отчасти на иной основе, отчасти под действием противоположных мотивов. Типичным примером ярко выраженного отличия может служить развитие олигархии английского города. Здесь решающей в установлении строя была королевская власть. Правда, она отнюдь не с самого начала так твердо, как впоследствии, противостояла городам. Не было этого еще даже после норманнского завоевания. Вильгельм Завоеватель не пытался после битвы при Гастингсе завоевать Лондон, но, зная, что обладание этим городом с давних пор означа-

ло обладание английской короной, достиг своего признания лондонскими бюргерами посредством договора. Ибо хотя во времена англосаксов легитимной властью в городе обладали епископ и назначенный королем *portreeve** — к ним и обращается в своей хартии Вильгельм Завоеватель, — но голос лондонского патрициата имел решающий вес едва ли не при каждом избрании англосаксонского короля. В представлении бюргеров королевское достоинство не означало без их свободно выраженного согласия господства над их городом, и еще в правление Стефана их согласие было в самом деле решающим. Однако вскоре после признания его лондонцами Вильгельм Завоеватель построил в Лондоне свой Тауэр. С тех пор Лондон, как и другие английские города, облагался податью по усмотрению короля.

Военное значение городов упало в норманнский период в результате объединения государства, прекращения угрозы извне и роста значения крупных, живущих в своих владениях баронов. Феодалы строили теперь свои укрепленные замки вне городов. С этого здесь начинается, как мы впоследствии увидим, характерное для Запада вне пределов Италии разделение между феодальной военной властью и бюргерством. Английские города в противоположность итальянским почти полностью утратили в это время господство над сельской местностью, которым они раньше, по-видимому, обладали, когда каждому городу принадлежала обширная округа, обозначенная межевыми камнями с его знаками. Города Англии превратились в экономически ориентированные

* Управляющий (*англ.*), здесь: глава городского магистрата.

корпорации. Здесь, как и везде, бароны стали основывать города, предоставляя им привилегии очень различного объема. Однако нет никаких следов ни вооруженной борьбы городского бюргерства с королем или с другими сеньорами города, ни каких-либо узурпаций, которые привели бы к уничтожению бурга короля или других городских сеньоров или к необходимости перемещать бурги за пределы города, как в Италии. Нет никаких сведений и о том, что в борьбе против короля было создано войско бюргеров, что насильственно было введено собственное судопроизводство с выборными лицами вместо назначенных королевских судей и создано собственное кодифицированное право.

Конечно, в силу королевского пожалования и в Англии возникали особые городские суды, которым предоставлялась привилегия заменять судебный поединок ведением рационального процесса и которые вместе с тем могли отклонять нововведения в королевском процессе, а именно *jury**. Но правотворчество оставалось исключительной прерогативой короля и королевских судов. Король предоставлял городу особое судебное положение, чтобы иметь его на своей стороне в противостоянии феодальной знати; тем самым города извлекали выгоду из типичной для феодализма борьбы. Но важнее судебных привилегий была — и это свидетельствует о высоком положении короля — автономия городов в области фискального управления, которой они постепенно сумели достигнуть. С точки зрения короля, город — кроме эпохи правления Тюдоров — был прежде всего объектом налогообложения. Кор-

* Суд присяжных (англ.).

релятом бюргерских привилегий, *gratia emendi et vendendi** и торговых монополий служила особая налоговая повинность бюргеров. Налоги отдавались на откуп, и главными претендентами наряду с богатыми гражданами городов были, естественно, наиболее состоятельные королевские чиновники. Постепенно бюргерам удалось устранить конкурентов и взять у короля на откуп право взимания налогов за взнос общей суммы (*firma burghi*), а затем с помощью отдельных взносов и подарков обеспечить себе и другие привилегии, в первую очередь право самим выбирать шерифа. Несмотря на то что, как мы увидим, среди бюргерства было много лиц с ярко выраженными сеньориальными интересами, решающими для конституирования города были экономические и финансовые соображения. Правда, *conjuratio* бюргеров, распространенная на континенте, встречается и в английских городах. Но здесь она принимала типичную форму монопольной гильдии. Впрочем, не повсюду. В Лондоне, например, ее не было, но во многих других городах гильдия в качестве гаранта фискальной повинности была решающим объединением в городе. Часто она, так же как цех богатых в Кёльне, предоставляла право гражданства. В медиатизированных городах** ей большей частью удавалось добиться особой юрисдикции над членами гильдии, но именно как таковыми, а не как гражданами города. Почти везде эта ассоциация фактически, если и не юридически правила городом. Ибо бюргером был по-прежнему тот, кто участвовал вместе с другими бюргерами в несении повинностей (по обороне, страже, судопро-

* Дарование права покупать и продавать (*лат.*).

** Города, подчиненные князьям и другим крупным феодалам, и только через них подчиненные королю.

изводству) и уплате податей, которыми город был обязан королю. Гражданами города были отнюдь не только те, кто жил в нем: наоборот, в ассоциацию бюргеров входили, как правило, и соседние землевладельцы — джентри (gentry). Членами лондонской общины были в XII веке почти все крупные епископы и должностные лица страны знатного происхождения, так как у всех них были дома в Лондоне — резиденции короля и местопребывания административных учреждений; явление, характерное как параллель к ситуации в Римской республике, но еще больше как рельефное отклонение от нее.

Те, кто не был в состоянии участвовать в обеспечении гарантированной уплаты налогов городской корпорацией, а платил подати королю от случая к случаю, то есть главным образом люди неимущие, тем самым исключались из числа активных бюргеров. Все привилегии города были пожалованиями короля или сеньоров, которые, правда, толковались им по-своему. В Италии, впрочем, это происходило также часто. Но развитие в Англии полностью отличалось от развития в Италии тем, что английские города — после того как понятие корпорации вообще было реципировано английским правом, — стали привилегированными корпорациями внутри сословного государства, органы которых имели определенные отдельные права, полученные в силу особых правовых норм, — совершенно так же, как отдельные права апроприировались баронами или торговыми корпорациями. Переход от привилегированной *comraun* к гильдии и городской корпорации был текучим. Особое правовое положение сословия бюргеров складывалось, таким образом, из совокупности привилегий, которые они при-

обретали внутри сословной, полуфеодальной, полупатримониальной ассоциации — государства. Но эти привилегии проистекали не из принадлежности к обладающей политической властью корпоративной, вовне политически независимой ассоциации. В общих чертах развитие шло следующим образом: сначала города были принудительными ассоциациями, которые король облагал литургийными повинностями, отличавшимися, правда, от повинностей деревень; затем в многочисленных основываемых королем и крупными землевладельцами городах, получавших экономические и сословные привилегии на основе особых пожалований, устанавливалось принципиальное равенство прав всех обладающих в городе земельной собственностью бюргеров и ограниченная автономия; вслед за тем частные вначале гильдии признавались в качестве гарантов финансовых повинностей королевскими привилегиями, и, наконец, городу жаловалось право корпорации. Коммуной в континентальном понимании был Лондон. Генрих I предоставил ему право самому выбирать шерифа, с конца XII века король Иоанн признал город коммуной, ассоциацией бюргеров с выборными, как и шериф, мэром и *scivini* (шеффенами); с начала XIII века последние вместе с таким же числом выборных советников (*councillors*) объединены в совет. Откуп коммуной должности шерифа в Мидлсексе дал ей господство над всей округой. С XIV века бургомистр Лондона носит титул лорда. Большинство же других городов были или, вернее, стали после недолгих попыток образовывать политические общины простыми принудительными ассоциациями с определенными специфическими привилегиями и твердо установленными корпоративными правами автономии.

Формирование цеховой организации будет рассмотрено ниже, но уже здесь можно сказать, что и она не изменила основной характер английских городов. Споры по вопросам городского устройства, возникавшие между цехами и знатными родами, разрешал король. Города были обязаны платить ему подати до тех пор, пока сословное представительство в парламенте не установило коллективные гарантии против введения произвольного обложения, чего не могли добиться собственными силами ни отдельные города, ни города в их совокупности. Активное право городского гражданства оставалось наследственным правом членов корпорации и приобреталось посредством уплаты вступительного взноса в определенные ассоциации. Отличие от развития на континенте имело вследствие особенностей английского корпоративного права очень большое значение, хотя иногда и сводилось только к степени: в Англии не возникло понятия территориальной корпоративной общины.

Причина этого своеобразного развития заключалась в никогда не нарушавшейся и с начала царствования Тюдоров постоянно усиливавшейся власти королевской администрации, которая служила основой политического единства страны и единства правового устройства. Хотя королевская администрация строго контролировалась сословиями и зависела от содействия знати, именно это вело к тому, что экономические и политические интересы связывались не с интересами отдельных замкнутых городских общин, а были ориентированы на центральную администрацию; от нее ждали предоставления шансов на получение экономических выгод и социальных преимуществ, гарантий монополии и помощи

при нарушении привилегий. Короли, полностью зависевшие в финансовом отношении и в деле управления от привилегированных сословий, боялись их. Однако в своей политике они также ориентировались на власть парламента как центрального учреждения. Они пытались проводить свою политику при парламентских выборах, влияя на характер городского устройства и на личный состав городских советов, и поэтому поддерживали олигархию знати. Представители знати, в свою очередь, могли получить гарантию защиты своего монопольного положения от посягательств непривилегированных слоев от центральной администрации, и только от нее. Вследствие отсутствия собственного бюрократического аппарата короли именно в своей политике централизации нуждались в содействии знати. В Англии причина, которая привела бюргеров к власти, носила чисто негативный характер; она заключалась не в их военной мощи, а в неспособности феодальной администрации, несмотря на ее относительно высокий технический уровень, осуществить действительное господство над страной без постоянной поддержки экономически могущественной знати. Военная сила большинства английских городов была в Средние века сравнительно незначительной, но значительной была финансовая сила бюргеров. При этом реализовывалась она коллективно — в сословном объединении представителей *commons** в парламенте в качестве представителей интересов привилегированного городского сословия, и поэтому с парламентом были связаны все интересы, выходящие за пределы хозяйственных преимуществ локальных моно-

полий. Здесь, следовательно, впервые выступит межрегиональное, национальное городское сословие. Растущая власть бюргерства как в системе королевского управления — в сфере деятельности мировых судей, — так и в парламенте, следовательно, его сила в сословном аристократическом государстве, препятствовала возникновению мощного политического движения отдельных коммун как таковых — основой политического объединения бюргеров стали не местные, а межрегиональные интересы — и способствовала формированию бюргерско-торгового характера английской городской олигархии. Поэтому примерно до XIII века развитие английских городов сходно с развитием немецких городов, но затем, в отличие от сравнительно демократического строя городов континента, в них растет господство джентри, сломить которое уже больше не удастся. Должности, прежде всего должность олдермена, первоначально выбираемого ежегодно, стали в своей значительной части пожизненными и очень часто фактически занимались посредством кооптации или под влиянием соседних сеньоров. Королевское правительство поддерживало по указанным причинам это развитие, подобно тому как римское правительство поддерживало олигархию земельной аристократии в зависимых городах.

5. Развитие власти в Северной Европе: патрициат в советах и цехи ремесленников

Иными, чем в Англии, с одной стороны, и в Италии — с другой, были условия развития на севере Европейского континента. Здесь развитие патрициата отчасти продолжало уже су-

ществовавшие при возникновении ассоциации бюргеров сословные и экономические различия. Так же обстояло дело и при основании городов. Двадцать четыре *conjuratores fori* во Фрейбурге имели с самого начала налоговые привилегии и были призваны занимать должность консулов. Но в большинстве основываемых городов, в том числе и во многих приморских городах Севера, по своей природе имевших тенденцию к плутократии купцов, формальное ограничение права заседать в совете складывалось лишь постепенно, обычно следующим образом: очень часто встречающееся право действующего совета предлагать кандидатов или фактическая привычка следовать мнению членов совета о тех, кто будет заседать после них, или, наконец, социальный вес в сочетании с фактической необходимостью иметь в совете опытных деловых людей вели к пополнению совета путем кооптации и тем самым передавали бразды правления городом твердо ограниченному кругу привилегированных фамилий. Мы помним, насколько легко подобное может происходить и в современных условиях: пополнение гамбургского сената, несмотря на избирательное право его жителей, в последнее время неоднократно оказывалось на сходном пути. На отдельных сторонах этого процесса мы здесь останавливаться не можем. Во всяком случае, такие тенденции проявлялись везде, различной была только степень их формального выражения в праве.

Роды, монополизировавшие право заседать в совете, могли с легкостью сохранять это право до тех пор, пока не существовало резкой противоположности интересов между ними и не допускаемыми к избранию горожанами. Но как только между ними стали возникать конфликты и вме-

сте с богатством и образованием самосознание исключенных из органов управления бюргеров, а также их способность оставлять дела ради участия в управлении настолько возросли, что они идейно не могли уже выносить свою отстраненность от власти, возможность новых революций стала близкой. Эти революции опять осуществляли связанные клятвой объединения бюргеров, а за ними стояли или действовали вместе с ними цехи. При этом выражение «цех» не следует преимущественно или исключительно понимать как «цех ремесленников». Сначала движение против знатных родов отнюдь не было в первую очередь движением ремесленников. Лишь в ходе дальнейшего развития ремесленники стали, как будет показано ниже, выступать самостоятельно, вначале же ими почти повсюду руководили неремесленные цехи. Весьма различный успех революций цехов мог, как мы в дальнейшем увидим, в исключительных случаях приводить к тому, что в совет входили только представители цехов и полноправным горожанином мог быть только член цеха.

Подобный рост значения цехов означал практически (как правило) полное или частичное завоевание власти «бюргерскими» классами в экономическом смысле слова. Там, где цехи в той или иной степени добивались власти, время, когда это происходило, всегда совпадало со временем наивысшего могущества города вовне и наибольшей политической независимости города внутри страны.

Бросается в глаза сходство этого «демократического» развития с судьбой античных городов, большинство которых пережило подъем в период господства знати, начавшийся примерно с VII века до н.э., и быстрый рост политической и экономической власти, связанный с развитием демокра-

тии или, во всяком случае, с тенденцией к этому. Это сходство несомненно, хотя античный полис возник на иной основе. Нам следует теперь сравнить античный город в период господства аристократических родов со средневековым.

6. Харизматически-родовая царская власть в эпоху Античности

В Греции в период микенской культуры, во всяком случае в Тиринфе и в самих Микенах, существовало основанное на барщинном труде патримониальное государственное образование восточного типа, хотя и значительно меньших размеров. Без использования изнурительного барщинного труда немислимо создание этих поразительных построек, ни с чем не сравнимых вплоть до классического времени. На восточных границах тогдашней эллинской культуры (на Кипре) существовала, очевидно, даже администрация, применявшая в расчетах и списках своеобразную письменность, напоминавшую египетскую, то есть управление запасами патримониально-бюрократического типа, тогда как позже, даже в классическое время, управление в Афинах велось почти целиком устно, без записей. Бесследно исчезла как эта письменность, так и эта культура трудовых повинностей. В «Илиаде» при перечислении кораблей говорится о наследственных царях, господствовавших над большими территориями, в которые входят несколько, иногда много населенных пунктов, известных впоследствии как города; они мыслятся как крепости, ряд которых властитель, в данном случае Агамемнон, готов дать Ахиллу в ленное пользование. В Трое при царе были советники — старцы из знатных родов,

вследствие преклонного возраста освобожденные от военной службы. Царем-военачальником был Гектор, а при заключении договоров обращались к Приаму. О письменном документе — и то, быть может, содержащем лишь символы, — упоминается всего один раз. В остальном все отношения исключают управление, связанное с барщиной и с патримониальной властью. Царская власть носит здесь харизматически-родовой характер. Но даже чужеземцу в городе, Энею, может быть приписана надежда заменить Приама, если он убьет Ахилла. Ибо царская власть рассматривается как «сан», подобный должности, а не как владение. Царь — военачальник, он участвует в суде вместе со знатными людьми. Он — представитель народа перед богами и людьми, владеет полагающейся ему землей, но власть его, как особенно отчетливо это показано в «Одиссее», подобна власти вождя, основанной на личном влиянии, а не на регламентированных полномочиях. Военные походы, большей частью морские, также носят для знатных родов скорее характер рыцарских походов, в которых они участвуют в качестве дружины царя, а не ополчения. Спутники Одиссея называются так же, как впоследствии свита македонских царей, — *hetairoi*. Долголетнее отсутствие царя не считается причиной возможных беспорядков, в Итаке царь долгое время вообще отсутствует, и Одиссей поручает свой дом заботам Ментора, которому ни в коей степени не присуще царское достоинство. Войско состоит из рыцарей, успех битв определяется поединками. Пехота не играет никакой роли. В гомеровском эпосе несколько раз идет речь о политическом рынке города; и если Исмар назван «полисом», то под этим может иметься в виду и «бург», но, несомненно,

не отдельного лица, а киконов. На щите Ахилла изображены сидящие на рыночной площади старейшины выдающихся богатством и военной силой родов, которые творят суд; окружающий их народ принимает участие в суде и встречает выступления сторон одобрением. Жалоба Телемаха рассматривается на рыночной площади в ходе регулируемой герольдом дискуссии, в которой участвуют способные носить оружие представители знатных родов. Знать, присутствующая там вместе с царями, — землевладельцы и судовладельцы, сражающиеся на колесницах. Но к власти причастны лишь те, кто живет в полисе. То, что царь Лаэрт удалился в свои загородные владения, показывает, что он отошел от дел, передав их сыну. Как и у германцев, сыновья из знатных родов участвуют в качестве дружины (*hetairoi*) в рыцарских похождениях героя, в «Одиссее» — царского сына. У феаков знать считает своим правом привлекать народ к участию в затратах на подарки гостям. Нигде не сказано, что все сельские жители были зависимыми или рабами знатных землевладельцев, живших в городе, но нет никаких упоминаний и о свободных крестьянах. Судьба такого персонажа, как Терсит, доказывает, во всяком случае, что и рядовой, то есть не сражающийся на колеснице, воин иногда решается противоречить знатым господам, однако это считается дерзостью. Но царь тоже выполняет работы по дому, мастерит себе кровать, возделывает сад. Его спутники в военных походах сами сидят на веслах. Вместе с тем купленные рабы могут надеяться получить *kleros**. Следовательно, здесь

* Земельная собственность за пределами государства (клерухия) (*греч.*).

еще не было столь резкой разницы между рабами и наделенными землей клиентами, как позже в Риме. Отношения патриархальны, все обычные потребности удовлетворяются собственным хозяйством. Пиратские набеги осуществляются на собственных кораблях, торговля носит пассивный характер, активно ею занимаются в то время еще финикийцы. Помимо «рынка» и жительства знати, в городе есть еще два важных явления: во-первых, *agon*^{*}, господствующий впоследствии во всей жизни знатного человека; он естественно возник из рыцарского понятия чести и, как следствие, военного обучения юношества на отведенных для этого местах. Внешне он проявляется прежде всего в организации культа умерших героев-воинов (Патрокл). Агон уже в то время определял образ жизни знати. Во-вторых, вольное, несмотря на дейсидемонию^{**}, отношение к богам, отражение чего в поэзии впоследствии так неприятно поражало Платона. Подобное неуважение общества героев к богам могло возникнуть только в ходе странствий, в особенности заморских, там, где жизнь проходила вдали от древних храмов и отеческих могил. В творениях Гомера нет упоминания о коннице знати, известной истории родового полиса, вместе с тем поразительным образом говорится о более поздней по своему происхождению дисциплинированной битве выступающих сомкнутыми рядами гоплитов^{***} — доказательство того, сколь различные эпохи нашли свое отражение в эпосе.

В историческое время, вплоть до возникновения тирании, харизматически-родовая царская

* Состязание (*греч.*).

** Суеверие, богобоязнь (*греч.*).

*** Тяжеловооруженный пеший воин.

власть, за исключением Спарты и немногих других мест (Кирена), существует лишь в остаточных проявлениях или в воспоминаниях (во многих городах Эллады, а также в Этрурии, в Лациуме и Риме), причем всегда как царская власть над одним полисом, власть и в то время харизматически родовая, обладающая сакральными правами; но нигде, за исключением Спарты и Рима, царь ничем, кроме почетных прав первенства, не отличался от других знатных, которых также подчас называли «царями». На примере Килены мы видим, что источник власти царя — его клад — добыт с помощью транзитной торговли, будь то осуществляемой лично или путем предоставления за плату контроля и защиты. По-видимому, рыцарский способ ведения боя с его военной самостоятельностью привел к тому, что знать, обладавшая колесницами, дружинами и кораблями, разрушила монополию царя; это произошло, когда пали крупные восточные государства — египетское и хеттское, — с которыми Микены были связаны определенными отношениями, а другие большие царства, такие как Лидийское, еще не возникли; когда уничтожены были, следовательно, монополия торговля и основанные на принудительном труде государства восточных царей, структуру которых в меньшем масштабе повторяла микенская культура. Это крушение экономической основы царской власти сделало, по-видимому, возможным и так называемое дорийское вторжение. Начинаются пиратские набеги рыцарей на побережье Малой Азии, где во времена Гомера еще не было эллинских поселений и еще отсутствовали сильные политические ассоциации. Тем самым греки перешли к активной торговле.

7. Античный город с родовым строем как приморское поселение воинов

Появляющиеся исторические свидетельства рисуют типичный античный город с родовым строем. Это всегда был приморский город; до времени Александра и самнитских войн не существовало полиса, который был бы расположен дальше чем на расстоянии дневного перехода от моря. Вне полиса жили только в деревнях ($\chi\omega\mu\alpha\iota$) при лабильных политических связях «племен» ($\epsilon\theta\nu\eta$). Добровольно или насильственным путем прекративший свое существование полис «диоикизировался»* на деревни, напротив, реальной или фиктивной основой государства считался процесс «синойкизма» — «совместное поселение» родов, по приказу царя или по договоренности, в укрепленной крепости или вблизи от нее. Этот процесс был известен и в Средние века: например, синойкизм в Л'Аквиле, описанный Готейном**, или при основании Алессандрии. Но его сущность проявлялась в Античности более специфическим образом, чем в Средние века. Длительное реальное совместное поселение не было здесь всегда существенным и необходимым признаком: как средневековые, так и античные знатные фамилии либо продолжали жить в своих загородных бургах (например, в Элиде), либо, как правило, сохраняли наряду со своими городскими домами владения вне города. Так, родовым бургом была Декелея, по названию родовых бургов именовались многие аттические деревни и часть римских триб.

* То есть фрагментировался в хозяйственном отношении.

** В работе «Культурное развитие Южной Италии в деталях» (1886).

Область Теос была разделена на «башни». Правда, центром власти знатных родов оставался все-таки город. Политические и экономические господа страны — аристократы-землевладельцы, кредиторы торговцев и заимодавцы крестьян — принадлежали к *astoi*, к проживающим в городе представителям знатных родов, и процесс переселения сельской знати в города все время возрастал. В классическую эпоху родовые бурги вне города были уничтожены. Родовые некрополи искони находились в городах. Существенным же в конституировании полиса принято считать объединение родов в культовое сообщество, замену пританеев отдельных родов общим пританеем города, где пританы совершали общие трапезы. Это означало в древности не только, что *conjuratio* бюргеров, превратившись в коммуну, обзаводилось собственным городским святым, как в Средние века, но нечто большее — возникновение нового местного сообщества трапезы и культа. Не хватало еще общей церкви, к которой в Средние века уже принадлежали все люди. Правда, с давних пор наряду с местными богами были и повсеместно чтимые боги. Но в Античности братскому единению препятствовала отсутствовавшая в Средние века прочно укоренившаяся и важнейшая в повседневной жизни форма замкнутого от внешних влияний культа, совершавшегося отдельным родом. Участие в таком культе было так же строго ограничено его членами, как и в Индии. Лишь отсутствие магических границ табу могло создать возможность братского единения. Здесь же непререкаемым было то, что духи, которым поклонялся род, принимают жертвы только от членов данного рода. И это правило распространялось на все остальные ассоциации. Среди этих связанных

культовыми узлами полиса объединенных религиозных ассоциаций рано выделились продолжавшие затем существовать до гораздо более позднего времени филы и фратрии, к которым должен был принадлежать каждый, кто желал считаться членом городского сообщества. Можно с уверенностью предположить, что фратрии возникли раньше, чем город. Позже они стали по преимуществу культовыми ассоциациями, но сверх этого осуществляли, например в Афинах, и контроль над способностью детей носить оружие и связанной с этим их пригодностью быть наследниками в роде. Первоначально эти организации были, вероятно, военными ассоциациями типа известного нам «мужского дома», название которого (*andreion*) сохранилось в дорических военизированных государствах и в Риме (*curia = coviria*) для обозначения подразделений объединенной в полис военной общины. Общая трапеза (*syssitia*) спартиатов, уход способных носить оружие мужчин из семей на время выполнения ими военной обязанности и совместное аскетическое военное воспитание мальчиков полностью соответствуют общему характеру воспитания юношей в ранних военных ассоциациях. Однако вне нескольких дорических ассоциаций этот радикальный милитаристский полукommунизм военных ассоциаций в историческое время нигде не утвердился, и даже в Спарте его позднейшая строгость была связана с военной экспансией спартанского демоса после уничтожения знати и вызвана необходимостью сохранить дисциплину и сословное равенство всех воинов. В обычных фратриях других городов, напротив, властью обладали только знатные роды (*genh, oikoi*), о чем свидетельствуют акты Демотионидов — древнего, живущего в Де-

келее рода; еще по законам Драконта для выполнения смертных приговоров назначались «десять лучших», то есть выдающихся по своему богатству членов фратрии.

В более позднем городском устройстве фратрии считались подразделениями фил (в Риме трех древних личных «триб»), на которые делился обычный эллинский город. Название «фила» технически связано с полисом, для не организованного в городской союз «племени» принято выражение «этнос», а не «фила». В историческое время филы — повсюду искусственно созданные подразделения полиса, образованные для ротации при исполнении общественных повинностей, для голосования и занятия должностей, для деления войска, распределения доходов с государственного имущества, добычи, завоеванных земель (так происходило при разделении Родоса), но одновременно филы были, как и чисто рационально созданные повсюду подразделения раннего времени, и культовыми ассоциациями. Искусственно образованы были и три типичные филы дорян, о чем свидетельствует уже название третьей филы — «памфильцы», — полностью соответствующее римской традиции в названии трибы «*luceres*». Возможно, что филы часто возникали на основе компромисса между местным населением и вторгшимися воинами-завоевателями; этим может объясняться и наличие в Спарте двух царских родов неодинакового ранга, соответствующее и римской традиции, повествующей о первоначальном существовании двух царей. Во всяком случае, в историческое время филы были не локальными, а чисто личными ассоциациями, возглавляемыми большей частью харизматически-родовыми, первоначально наследственными,

позже выбираемыми «царями фил». В филы и фратрии, трибы и курии входили в качестве активных и пассивных граждан все жители полиса, являвшиеся членами его войска. Активными гражданами, то есть занимавшими должности в городском управлении, были, однако, только члены знатных родов. Поэтому слово, обозначавшее «гражданин города», иногда прямо тождественно значению «сородич». Причисление к знатым родам первоначально, несомненно, было связано с харизматически-родовым достоинством правителя округа, а со времен возникновения сражений на колесницах и возведения замков — очевидно, с владением последними. В полисе в период власти царей новая знать возникала, вероятно, с такой же легкостью, как в Средние века происходило возвышение ведущих рыцарский образ жизни лиц до уровня владетелей ленов. Но в историческое время твердо установлено, что только член знатного рода (патриций, эвпатрид) мог в качестве жреца или должностного лица обращаться к богам полиса, принося жертвы или толкуя знаки выражения их воли (*auspicia*). А сам род в соответствии со своим догородским происхождением имел, как правило, своих богов, отличавшихся от богов полиса, и свой локальный культ по месту происхождения рода. Вместе с тем, помимо харизматически-родового, монополизированного определенными родами жречества, существовало и сословие должностных жрецов. Однако здесь не было, как почти повсеместно в Азии, общей монополии жрецов на общение с богами, этим правом обладало должностное лицо города. Не было также, за исключением нескольких больших интерлокальных святилищ, таких как Дельфы, независимого от полиса жрече-

ства. Жрецы назначались полисом, и даже над дельфийским жречеством первоначально стояла не независимо организованная иерократия, а соседний полис, после разрушения которого в священной войне дельфийское жречество было подчинено ряду соседних общин, объединившихся в амфикионию* и осуществлявших над ним весьма ощутимый контроль. Не составляли исключения и большие храмы, несмотря на их политическую и экономическую мощь, — они были крупными землевладельцами, имели эргастерии, кредитовали частных лиц и в первую очередь государства, военную добычу которых они хранили и которым служили депозитными кассами, но, как мы уже видели, в метрополии, а особенно в колониях, полис оставался или, вернее, все больше становился фактическим хозяином имущества богов и доходов жрецов. В результате способом назначения греческих жрецов стала продажа их должностей на аукционах. Решающим в этом процессе, завершённом потом демократией, было господство военной знати. С этих пор жречество, священное право и магические нормы всех видов стали средствами господства знати. Знать полиса не обязательно была замкнутой. Известен прием в число знатных лиц переселяющихся в город владельцев замков и их клиентов (*gens Claudia*) и посвящение в благородное звание, как это происходило в Риме (*gentes minores*) или в Венеции, — вероятно, в раннее время чаще, чем впоследствии. Знать не была чисто местным, территориально ограниченным сообществом, и эвпатриды Аттики, например Мильтиад, имели еще и в классическое

* Племенной союз, объединенный вокруг одного святилища.

время большие владения за пределами города; повсюду, как и в Средние века, представители этих слоев поддерживали между собой интерлокальные связи. Владения знати составляла прежде всего земля. Потребности удовлетворялись в первую очередь повинностями рабов, зависимых и клиентов — о них еще будет сказано ниже. После исчезновения прежних форм зависимости и клиентелы имуществом оставались недвижимостью и сельскохозяйственные угодья. Это очень сходно с положением вавилонского патрициата; при разделе имущества вавилонского торгового дома (Egibi), наиболее часто в течение ряда поколений упоминавшегося в грамотах, в качестве главных статей имущества перечисляются земельные владения в городе и в сельской местности, рабы и скот. Тем не менее в Голландии в Средние века, так же как в Вавилоне, источником экономической мощи типичной городской знати считалось ее прямое или косвенное участие в торговле и торговом судоходстве, и еще в позднее время это считалось подобающим высокому сословному статусу, и только в Риме эти занятия были запрещены сенаторам. Ради возможности такого рода наживы на Западе, как и на Востоке, город становился желанным местом жительства. Нажитое таким образом имущество предоставлялось за ростовщические проценты как средство создания задолженности не обладающим политической властью крестьянам в сельской местности. Во власти знати (astoi) оказываются масса долговых рабов и лучшие, приносящие наибольшие доходы земли («*pedia*» в Аттике), а земли на склонах гор, не приносящие доходов (местопребывание «*диакриев*»), предоставляются крестьянам. Таким образом, сеньориальная власть городской знати в значительной

степени основана на городских возможностях получения дохода. Задолжавшие крестьяне используются в качестве частично зависимых от сеньора крестьян или (непосредственно) несут барщину вместе с поземельно и лично зависимыми людьми господина. Постепенно развивается и торговля рабами. Впрочем, нигде, даже в Риме в период патрицианского государства, свободные крестьяне полностью не исчезли, как и в Средние века, а может быть, даже в меньшей степени. В особенности предания о борьбе сословий в Риме показывают, что в основе ее лежало не то обстоятельство, что вся земля принадлежала крупным собственникам; причины ее были совсем иными, не связанными с этим. Кто не принадлежал к связанному родством и обученному воинству города — то есть прежде всего свободный деревенский житель, *agroicos, perioicos, plebejus*, — вследствие отсутствия у него какой-либо политической власти и прежде всего вследствие невозможности участвовать в лишенном твердых правил судопроизводстве, был вынужден, добиваясь признания своих прав, делать подношения или вступать в отношение клиентелы к какому-либо знатному человеку и в силу жестких законов по долговым обязательствам оказывался в экономической зависимости от займодавца-горожанина. Вместе с тем свобода выбора другого места жительства, в том числе за счет приобретения там недвижимости, была для крестьян родового города, очевидно, сравнительно велика, в отличие от условий более позднего города гоэлитов и особенно от радикальной демократии, что явствует, например, из сообщений о семье Гесиода. Что касается городских свободных ремесленников и купцов незнатного происхождения, то они находились, по-видимому,

в положении, напоминающем положение средневековых *muntmannen**. Пока царь в Риме еще сохранял свою власть, он защищал их как своих клиентов, подобно тому как позже это делал раннесредневековый сеньор города. Иногда обнаруживаются следы литургических ремесленных организаций, возможно, что из них произошли римские военные центурии ремесленников.

Были ли ремесленники организованы как пришедшие племена, подобно тому как это обычно было в Азии и в Израиле до пленения, нам неизвестно, но здесь, во всяком случае, нет никаких следов ритуальной замкнутости наподобие индийских каст.

8. Родовые города Античности и Средневековья: сходства и различия

Специфическим, чисто внешним отличием античного родового города от города средневекового было прежде всего деление на стереотипное число фил, фратрий, родов. В этом находит свое выражение прежде всего их военный и сакральный характер. Это деление, так же как деление германцев на «сотни», объясняется тем, что античный город был первоначально поселением сообщества воинов. Названными причинами объясняется, как мы вскоре увидим, и отличие структуры родового города Античности от средневекового города. Значение имело, конечно, и окружение, в котором они возникли: в Средние века — внутри крупных патримониальных государств континента и в борьбе с их политической властью, в древности — на морском побережье в окружении крестьян и варваров; во втором слу-

* Находящиеся под мундиумом (см. примеч. на с. 229).

чае — из городов-государств, в первом — в столкновениях со светскими и духовными феодалами. Но, несмотря на эти различия, там, где политические условия были сходны, формально был сходен и процесс. Мы видели, как в Венеции изменилась некогда династически и патримониально обоснованная власть дожа, сначала формально вследствие запрета назначать соправителя, а затем посредством превращения дожа в главу корпорации знатных, то есть просто в должностное лицо. В древности этому соответствует переход от города-государства к ежегодно избираемой магистратуре. Если мы вспомним о роли, которую играл в Риме *interrex**, и прежде всего о следах некогда существовавших назначений преемников и соправителей, что превращало назначение консулом диктатора, выставление кандидатур и даже назначение новых должностных лиц старыми в условие легитимности занятия ими должностей; если вспомним об ограничении участия в этом римской общины правом аккламации**, затем о выборе только между предложенными или (позже) допущенными магистратом кандидатами, то нам станет ясно первоначальное значение права на назначение соправителей, на которое указывал Моммзен***. Правда, переход от греческого царствования в городе к ежегодно избираемой под контролем знати магистратуре формально отличается от развития в Венеции больше, чем процесс, происходивший в Риме; с другой стороны, возникновение в Средние века городского устрой-

* «Междуцарь» (*лат.*), временная должность, необходимая для организации выборов нового царя (или консула).

** Процедура принятия государственных постановлений с помощью возгласов одобрения или неодобрения.

*** В книге «Римское государственное право» (т. 3; 1887).

ства вне Венеции сильно отличается от развития самой Венеции.

Установившееся господство знати привело к замене совета времен Гомера, состоявшего из неспособных уже участвовать в сражениях старейшин, советом аристократических родов. Это либо совет, состоящий из глав родов, — патрицианский сенат в ранний период римской истории, спартанский совет « $\gamma\epsilon\rho\tilde{\omega}\chi\omicron\iota$ », то есть людей, получавших почетные дары (от своих клиентов), древний аттический совет пританов, избираемый родами по «навкрайям» (то есть по территориальным подразделениям, обязанным поставлять корабли), — близкие этому условия известны и в Средние века, только не в этой, обусловленной сакральным значением родов, последовательно схематизированной форме; либо совет бывших должностных лиц, как позднейший аттический ареопаг и римский сенат исторического времени, — явления, параллели к которым в Средние века очень незначительны, к ним можно отнести разве что привлечение бывших бургомистров и ратманов* к заседаниям действующего совета. Военный и сакральный характер должностей магистров в древности придавал факту их занятия значительно более долгосрочную значимость, чем та, которую могли обеспечить должности средневекового города. В сущности, как в древности, так и в Средние века власть принадлежала лишь нескольким соперничавшим между собой родам (иногда, как в Коринфе, лишь одному — роду Бакхиадов), которые попеременно замещали должности в городе, не упуская власть из своих рук. Совершенно так же, как это было в Средние века и вообще во всех государствах, где

* Выборный член городского совета.

господствовала родовая знать, число должностных лиц в родовом полисе было незначительно. Там, где, как в Риме, господство знати было продолжительным, положение в управлении длительно оставалось без изменения.

Раз возникнув, господство знатных родов в Античности и в Средневековье обнаруживает и иные черты сходства: тут и там усобицы между родами, изгнания и насильственное возвращение, а также войны между рыцарскими объединениями разных городов (в древности, например, «лелантская» война). Как в древности, так и в Средние века бесправие сельских жителей было бесспорно. Античные и средневековые города пытались, где только могли, подчинить себе другие города в качестве клиентов: города перизков, позже управляемые гармостами поселения спартиатов, многочисленные подвластные Афинам и Риму общины сходны с венецианской *terra ferma** и с городами, подчиненными Флоренцией, Генуей и другими городами и управляемыми их должностными лицами.

9. Экономическая структура родовых городов Античности и Средневековья

Что же касается экономической структуры самих родов, то их члены были, как мы видели, в древности и в Средние века прежде всего получателями рент. И в древности, и в Средние века принадлежность к знатным родам определялась благородным, рыцарским образом жизни, а не только происхождением. В знатные роды

* Материк (*ит.*); здесь: венецианские владения на материке.

Средневековья входили прежние фамилии министералов и, в частности в Италии, свободные вассалы и рыцари и такие свободные землевладельцы, которые, достигнув значительного состояния, стали вести рыцарский образ жизни. В Германии и в Италии некоторые знатные роды имели бургы вне города, куда они отправлялись во время борьбы с цехами, долгое время ведя оттуда войны с городами, из которых были изгнаны. Самый известный пример такого рода в Германии — род Ауэров в Регенсбурге. Эти ведущие рыцарский образ жизни, состоящие в ленных отношениях и входящие в число министералов слои были подлинными «магнатами» и «нобилями», по итальянской терминологии. Рыцарские роды, не имевшие своих бургов, составляли, естественно, преимущественно контингент тех, кто позже, после захвата городского управления цехами, был вынужден оставаться в городе, подчиниться новому управлению и предоставить ему свои военные силы в борьбе с магнатами. Дальнейший процесс развития мог пойти по двум направлениям. Либо фамилии нерыцарского происхождения входили в круг знати посредством покупки рыцарских владений, часто бургов, и переселялись в них из города, либо знатные фамилии города, время от времени занимавшиеся торговлей, вкладывая в нее капитал, переходили к подлинному торговому промыслу и переставали быть получателями ренты. То и другое случалось. В целом, однако, преобладала первая тенденция, так как она вела к социальному возвышению рода. При основании городов аристократами-землевладельцами и политическими сеньорами в Средние века бывало, что в новых поселениях совсем не было рыцарских родов; таким образом, они, как мы еще увидим, совершенно исключают

лись из населения этих городов. Происходило это преимущественно после того, как началась борьба цехов со знатными родами; чем дальше к северу и востоку, тем чаще это встречается — на «новых землях»*. В Швеции в основании городов и управлении ими принимают участие чужеземные немецкие купцы. То же происходит и в Новгороде, и очень часто на Востоке. Здесь, по крайней мере на ранней стадии развития города, «патрициат» и купечество тождественны. На важном значении этого мы остановимся ниже.

В старых же городах положение было иным. Но повсюду проявляется тенденция к развитию слоя, существовавшего на ренту, в качестве слоя подлинно знатного, возглавлявшего патрицианские клубы. В древности подлинно торговый по своему характеру патрициат также встречается преимущественно в колониях, например в таких городах, как Эпидамн. Следовательно, экономический характер патрициата менялся, и установить можно только центр тяжести, к которому он тяготел. А это — получение ренты. Необходимо подчеркнуть, что экономической причиной поселения знатных родов в городе была возможность получения специфически городских доходов, что в любом случае именно они были источником, из которого проистекало экономическое могущество городских родов. Ни античный эвпатрид, или патриций, ни средневековый патриций не были «купцами» или крупными коммерсантами в современном представлении о купце как о предпринимателе, управляющем своей конторой. Они, конечно, нередко участвовали в предприя-

* Земли к востоку от Эльбы, колонизированные в XII-XIII веках.

тиях, но обычно в качестве владельцев кораблей или участников комменды, которые, вкладывая в предприятие свой капитал, рисковали им в морской торговле, но само путешествие и подготовку всего предприятия предоставляли другим; они делили с ними лишь риск и выгоду предприятия, быть может, иногда время от времени участвуя в его планировании. Все важные предприятия раннего периода Античности и Средневековья — прежде всего комменда и ссуды на морские экспедиции — рассчитаны на участие таких кредиторов, вкладывавших свое имущество в отдельные конкретные операции, а для уменьшения риска — во многие; расчеты по ним производились по отдельности. Это, конечно, не исключает того, что между патрициатом и подлинным личным торговым предпринимательством существовали самые разнообразные переходы. Странствующий торговец, получивший от владельца капитала деньги на условиях комменды, мог превратиться в главу большого торгового дома, вкладывающего эти деньги в различные операции и поручающего своим иностранным агентам работать на него. Обмен денег и банковские дела, а также судоходство и крупные торговые предприятия часто могли вестись на средства патриция, который сам вел рыцарский образ жизни, и переход от помещившего в комменду свой, раньше лежавший без движения капитал к действующему как постоянный предприниматель владельцу капитала текуч. Это, конечно, очень важный и характерный момент развития, но это лишь результат развития. Особенно часто в период господства цехов, когда и роды, если желали участвовать в управлении городом, должны были записываться в цехи, а с другой стороны, в цехе оставался и уже не за-

нимавшийся больше предпринимательством бюргер, граница между различными типами деятелей исчезала. Об этом свидетельствует наименование в Италии крупных торговых цехов *scioperati**. Особенно типичным это было для больших английских городов, в частности для Лондона. Борьба организованных в цехи сословий бюргеров, занятых ремеслами и промыслами, за господство над городом выражалась здесь в противоположности требования выбирать представителей общин и должностных лиц местными городскими кварталами (*wards*) и их представителями, где господствующее положение занимали обладавшие земельной собственностью знатные роды, или цехами (*liveries*). Растущее могущество цехов находило свое выражение в увеличивающейся зависимости всех прав граждан города от принадлежности к профессиональной ассоциации. Уже Эдуард II установил это для Лондона в виде закона, и, хотя вплоть до 1351 года выборы коммунального совета (*council*) по городским кварталам еще многократно насильственно восстанавливались (1383), с 1463 года они окончательно были заменены выборами по цехам. Внутри же цехов, к которым теперь должен был принадлежать каждый гражданин (даже король Эдуард III стал членом цеха *linen armourers*, на современном языке — *merchant tailors***), действительно активные торговцы и промышленники все больше вытесняются получателями рент. Теоретически принадлежность к цеху достигалась после длительного обучения и церемонии приема, фактически же передавалась

* Праздные (*ит.*).

** Ткачи холста для военных нужд (*староангл.*); купцы-ткачи (*англ.*).

по наследству или покупалась, и цехи, за редким исключением (например, цехи ювелиров), имели все меньшее, а под конец и вовсе рудиментарное отношение к своему номинальному промыслу. С одной стороны, в цехах возникали экономические и социальные противоречия, с другой — они большей частью превращались просто в выборные ассоциации джентльменов для занятия должностей в городской общине.

Итак, повсюду переходы между типами были в действительности зачастую текучи. Однако это характерно для всех социологических явлений и не должно препятствовать установлению преимущественно типического. Очевидно, что типичный патриций не был по своим основным чертам профессиональным предпринимателем; как в древности, так и в Средние века он был получателем ренты, время от времени участвовавшим в торговых предприятиях. В статутах верхнерейнских городов встречается выражение «почтенный бездельник» как официальное обозначение членов патрицианских клубов в отличие от представителей цехов. Во Флоренции крупные торговцы *arti di Calimala** и банкиры принадлежали к цехам, а не к знатным родам.

В Античности недопустимость предпринимательства в среде знатных родов разумелась сама собой. Это не значит, что в числе римских сенаторов, например, не было «капиталистов», противоположность заключалась совсем не в этом. Как представители старого патрициата, особенно римского, по отношению к крестьянам, так и впоследствии фамилии сенаторов по отношению к своим политическим подданным выступали,

* Цех суконщиков, получивший имя по названию улицы.

как мы увидим, в качестве «капиталистов», то есть предоставляющих капитал в очень большом масштабе. Сословным этикетом запрещалось истинно знатным родам городов Античности и Средних веков только предпринимательство; иногда этот запрет даже фиксировался в правовых нормах, строгость которых бывала различной. Способы вложения средств у типичных патрициев были, как мы увидим позже, очень различны в зависимости от объектов, но граница оставалась той же. Тот, кто слишком ощутимо нарушал границу между обеими формами экономического поведения — традиционным вкладыванием средств и стремлением к росту капитала, — считался в древности «ремесленником» (*βάναισος* — от *βαῦνος*, печь для обжига), а в Средние века — человеком нерыцарского образа жизни. В позднее Средневековье рыцарское сельское дворянство отказывалось признать равными себе старые рыцарские роды, ибо они заседали в совете рядом с членами цехов, то есть предпринимателями. Презрение вызывала, если рассматривать практику, не «жажда наживы» как психологический мотив — римская должностная знать и средневековые знатные роды крупных приморских городов были обычно не менее одержимы *auri sacra fames**, чем любой другой класс, известный в истории. Презрение вызывала рациональная, постоянная, в этом специальном смысле «бюргерская» форма деятельности, направленная на получение дохода, систематическая работа ради дохода. Если обратиться к флорентийским «*Ordinamenti della giustizia*»** — их целью было сломить господство родов — с вопросом, по ка-

* «К злату проклятая страсть» (лат.; Вергилий, «Энеида», III, 57).

** «Установления справедливости (правосудия)» (ит.).

кому признаку определялась принадлежность фамилии к числу нобилей, которые подлежали лишению политических прав, то ответ был бы: по признаку принадлежности к рыцарским фамилиям, то есть по типично рыцарскому образу жизни. Образ жизни был и в древности решающим для исключения лиц, занятых предпринимательской деятельностью, из числа кандидатов на занятие должностей. Выводом из флорентийских «*Ordinamenti*» было, по мнению Макиавелли*, то, что член знатной фамилии, который хотел остаться в городе, должен был следовать в своем образе жизни обычаям бюргеров. Таковы, следовательно, как мы видим, основные «сословные» признаки патрициата. К ним относился также типичный для харизматического формирования аристократии во всем мире политический признак — происхождение из фамилии, члены которой уже некогда занимали должности различного рода и тем самым доказали свою способность занимать такие должности. Это относится как к шарифским родам Мекки, так и к римскому нобилитету, и к родам трибунов Венеции. Степень жесткости барьера была повсюду различна: в Венеции это правило соблюдалось строже, чем в Риме, где *homo novus*** формально не исключался из кандидатов на замещение должностей. Однако при установлении права занимать место в совете или какую-либо должность как таковую каждая фамилия повсюду подвергалась проверке, чтобы выяснить, заседал ли раньше ее член в совете, занимал ли он должность в городе, или, как во флорентийских «*Ordinamenti*», были ли среди его предков рыца-

* «История Флоренции» (опубл. 1532).

** «Новый человек» (лат.), впервые в истории своей семьи становившийся членом сената или консулом.

ри. Принцип сословной замкнутости приобретал все бóльшую силу с ростом населения и значения монополизированных должностей.

Несколькими замечаниями в предыдущей главе мы уже коснулись того времени, когда старая харизматически родовая знать частично или полностью утратила свое особое правовое положение в городе и вынуждена была делить власть с греческим демосом, римским плебсом, итальянским *popolo*, английскими *liveries*, немецкими цехами и, следовательно, занять равное им сословное положение. К рассмотрению этого процесса мы теперь и перейдем.

§ 4. Плебейский город

1. Роль цеховых братств, скрепленных присягой, в падении господства родовой знати

Внешне падение господства родовой знати в Средние века и в Античности представляется очень сходным, особенно если для Средневековья положить в основу нашего сравнения большие, в первую очередь итальянские, города, развитие которых, так же как и развитие античных городов, происходило, в сущности, по своим законам, то есть без вмешательства *внешних* по отношению к городу сил. В развитии итальянских городов следующим решающим этапом после появления института подеста было становление слоя *popolo*. Экономически *popolo*, как и немецкие цехи, состоял из самых различных элементов, прежде всего из предпринимателей, с одной стороны, и ремесленников — с другой. Ведущими в борьбе против знатных родов были вначале, безусловно, предприниматели. Они создали и финансировали скрепленное клятвой братство цехов, противостоящее родам, а цехи ремесленников поставляли необходимую массу людей для борьбы. Клятвенный союз цехов часто ставил во главе движения одного человека, чтобы гарантировать успех в борьбе со знатными родами. Так, Цюрихом после изгнания из города в 1335 году непокорных родов управлял рыцарь Рудольф Брун вместе с советом, в котором поровну были представлены оставшиеся в городе рыцари и *constaffeln*, предпринимательские цехи купцов, торговцев сукном, солью, ювелиров, с одной стороны, и цехи мелких ремесленников — с другой; и город выдержал осаду имперского войска. В Германии клятвенные

объединения цехового бюргерства как особые ассоциации существовали недолго и по особым поводам. Они исчезли вследствие преобразования городского устройства — либо посредством введения представителей цехов в совет, либо после вхождения всех бюргеров, в том числе и представителей знатных родов, в цехи. В качестве постоянной формы организации — единой гильдии — братство осталось лишь в нескольких городах Северной Германии и прибалтийской области. Его вторичный характер по сравнению с профессиональными ассоциациями явствует из состава его правления, в которое входили мастера отдельных гильдий. В Мюнстере в XV веке никто не мог быть посажен в тюрьму без санкции гильдий: следовательно, единые гильдии действовали как союз, охраняющий от судопроизводства совета; в него при рассмотрении дел по управлению городом или других важных дел вводились представители гильдий, без участия которых решения не могли быть приняты. Значительно большую роль играла ассоциация охраны бюргеров от знатных родов в Италии.

2. *Popolo* как иллегитимный революционный политический союз

В Италии понятие *popolo* было не только экономическим, но и политическим; являясь особой политической общиной внутри коммуны со своими должностными лицами, собственными финансами и военными силами, она была в подлинном смысле слова государством в государстве, первым совершенно сознательно иллегитимным и революционным политическим союзом. Причиной этого явления в Италии было большее развитие

экономических и политических средств господства городской знати и усиление вследствие этого притока в город родов, ведущих рыцарский образ жизни, о последствиях чего нам еще придется говорить в дальнейшем. Противостоящая им ассоциация *popolo* основывалась на братском объединении профессиональных ассоциаций (*arti* или *paratici*), и организованная таким образом особая община официально называлась при первом ее появлении (в Милане в 1108 году, в Лукке в 1203-м, в Лоди в 1206-м, в Павии в 1208-м, в Сиене в 1210-м, в Вероне в 1227-м, в Болонье в 1228-м) *societas*, *credenza*, *mercadanza*, *comunanza* или просто *popolo*. Высшее должностное лицо такой особой общины называлось в Италии большей частью *capitanus popoli*: он избирался на короткий срок, обычно на год, состоял на оплачиваемой должности и очень часто, так же как подеста общины, призывался извне и в этом случае должен был привести с собой штаб своих чиновников. *Popolo* предоставлял в его распоряжение ополчение, набранное из представителей кварталов города или цехов. Резиденцией его, как и подеста общины, был часто особый народный дом с башней, крепость *popolo*. При нем в качестве особых органов, в частности в деле управления финансами, находились представители цехов (*anziani* или *priori*), избранные на короткий срок по кварталам города. Они притязали на право защищать пополанов в суде, опротестовывать решения коммунальных властей, обращаться к ним с запросами, а часто и на прямое участие в законодательстве. Но прежде всего они принимали участие в решениях *popolo*, у которого были собственные статуты и собственная налоговая система. Подчас *popolo* достигал того, что решения коммуны

вступали в законную силу лишь после его одобрения, так что законы коммуну надлежало заносить в оба статута. Свои же собственные постановления он всячески стремился по возможности вносить в статуты коммуну, а в отдельных случаях ему удавалось достигнуть того, что решения *popolo* имели приоритет перед всеми остальными, следовательно, и перед статутами коммуну («*abrogent statutis omnibus et semper ultima intelligantur*»* в Брешии). Наряду с судом подеста стал действовать суд *mercanzia*, или *domus mercatorum*, который захватил рассмотрение всех дел, связанных с рынком и промыслами, то есть представлял собой специальный суд по делам купцов и ремесленников. Нередко этот суд обретал и значение универсального суда пополанов. В XIV веке подеста Пизы должен был приносить клятву, что он и его судьи не будут вмешиваться в споры между пополанами, а иногда *capitan* получал общую, конкурирующую с судом подеста судебную власть, в отдельных случаях он даже становился кассационной инстанцией по приговорам подеста. Очень часто капитан получал право участвовать в заседаниях коммунальных органов, контролируя их деятельность, прерывать их, а иногда мог и созывать членов коммуну на собрания всех граждан, исполнять решения совета, если этого не делал подеста; он обладал также правом налагать и снимать банн, контролировать и участвовать в управлении коммунальными финансами, прежде всего имуществом изгнанных из города. Официально он был по своему рангу ниже подеста, но в ряде случаев (например, в только что упомянутом) стано-

* «Они упраздняли все статуты, и их решения были окончательными» (*лат.*); цитата из брешианского статута (ок. 1250).

вился должностным лицом коммуны, *capitaneus populi et communis*, по римской терминологии — *collega minor*^{*}, и фактически зачастую оказывался сильнее подеста. Капитан часто ведал и военной силой коммуны, особенно по мере того как она все больше формировалась из наемников, средства для оплаты которых могли дать только налоги богатых пополанов.

3. Распределение власти в средневековом итальянском городе

Таким образом, после полной победы пополанов привилегии знати в чисто формальном рассмотрении носили негативный характер. Должности коммуны были доступны пополанам, а должности пополанов были закрыты для знати. В процессах против знати по делам об оскорблениях пополаны имели преимущества, капитан и *anziani* контролировали управление, осуществляемое коммуной, тогда как деятельность *popolo* контролю не подлежала. Постановления, принятые одними пополанами, иногда претендовали на статус решений всех граждан города. Во многих случаях знать временно или навсегда исключалась из участия в управлении коммуной. Наиболее известны из постановлений такого рода уже упомянутые «*Ordinamenti della giustizia*», составленные Джано делла Беллой в 1293 году. Наряду с капитаном, возглавлявшим во Флоренции городское ополчение цехов, на очень короткий срок в качестве экстраординарного, чисто политического должностного лица

* «Капитан народа и коммуны» (*ит.*); «младший коллега» (*лат.*) консула, претор.

избирался *gonfaloniere della giustizia**, в распоряжении которого находилась особая, всегда готовая к действиям народная милиция, состоявшая из тысячи человек, выбранных жребием; в ее функции входили защита пополанов, проведение процессов против знати, исполнение приговоров и контроль за соблюдением «*Ordinamenti*». Политическая юстиция, основанная на официальной системе шпионажа и поощрении анонимных доносов, на ускоренной процедуре расследования по обвинениям против магнатов при весьма упрощенном доказательстве преступления (посредством ссылки на «очевидность и общеизвестность»), была демократической разновидностью венецианского процесса в Совете десяти. Наиболее резкими постановлениями против магнатов были лишение всех ведущих рыцарский образ жизни фамилий права занимать должности в городе, обязательство предоставлять ручательство за свою благонадежность, юридическая ответственность всего рода за каждого его члена, особые карательные законы, предусматривающие политические проступки магнатов, в частности оскорбление чести пополана, запрет приобретать недвижимость, граничащую с землями пополана, без его согласия.

Гарантию господства пополанов интерлокально взяла на себя партия гвельфов, статут которой рассматривался как часть городских статут-тов. Не состоящий в этой партии человек не мог быть избран на какую-либо должность. О средствах, с помощью которых осуществлялась власть этой партии, уже было сказано. Уже то,

* Знаменосец (гонфалоньер) справедливости (правосудия) (*ит.*).

что ее организация, призванная гарантировать «*Ordinamenti*», опиралась преимущественно на силы рыцарей, позволяет предположить, что в действительности «*Ordinamenti*» полностью не уничтожили социальное и экономическое могущество знатных родов. В самом деле, уже через десять лет после опубликования этих принятых многими тосканскими городами флорентийских классовых законов вновь разгорелась междоусобная борьба между родами и власть постоянно захватывали мелкие плутократические группы. Даже должности пополанов почти всегда замещались представителями знати, ибо знатные роды разрешалось принимать в ряды пополанов. Действительный отказ от рыцарского образа жизни осуществлялся далеко не всегда. В сущности, важно было только гарантировать политическую благонадежность и записаться в какой-либо цех. Социальным следствием этого было известное слияние знатных городских родов с так называемым жирным народом (*popolo grasso*), в состав которого входили люди с университетским образованием или владельцы капиталов; так назывались семь цехов — судей, нотариусов, менял, торговцев чужеземными сукнами, флорентийскими шерстяными тканями и шелками, врачей, торговцев пряностями и торговцев мехами. Из этих высших цехов, в которые вступала и знать, вначале избирались все должностные лица города. Лишь после ряда восстаний формальное право участвовать в управлении получили также 14 «младших цехов», *arti minori, popolo minuto*, то есть мелкие предприниматели и ремесленники. Не принадлежавшие к этим 14 цехам слои ремесленников добились участия в управлении и вообще самостоятельной цеховой орга-

низации лишь на короткое время после восстания чомпи* в 1378 году. Лишь в некоторых городах, например в Перудже в 1378-м, низшим слоям бюргерства удалось на короткое время исключить из совета приоров не только нобилей, но и *popolo grasso*. Характерно, что эти низшие, неимущие слои бюргеров-ремесленников в своей борьбе против господства *popolo grasso* постоянно получали поддержку нобилей, подобно тому как позже тирания устанавливалась с помощью масс и как уже в XIII веке часто возникали альянсы знати и низших слоев населения, направленные против натиска бюргерства. Удавалось ли это и в какой степени, зависело от экономической ситуации. Интересы мелких ремесленников могли при развитой раздаточной системе прийти в резкое противоречие с интересами цехов предпринимателей. В Перудже, например (как сообщает граф Брольо д'Айяно**), развитие раздаточной системы шло так быстро, что в 1437 году отдельный предприниматель давал работу не только 28 *filatori*, но и 176 *filatrici****, которые обрабатывали шелк-сырец. Положение мелких ремесленников-надомников было часто трудным и неустойчивым. Предприниматели иногда нанимали работников из других мест и поденно; цехи предпринимателей пытались односторонне регламентировать условия надомной работы, а цехи надомников (например, стригальщики, *cimatori*, в Перудже) запрещали снижать оплату их труда. Совершенно очевидно, что эти слои ничего не ждали от правительства высших цехов. Но длительного по-

* Работники сукнодельческих мануфактур.

** В работе «Общественная борьба в Перудже XIV века» (1910).

*** Прядильщики и прядильщицы (ит.).

литического господства они нигде не достигли. И наконец, совершенно вне всякой связи с городским управлением находился пролетарский слой странствующих подмастерьев. Лишь со времени участия низших цехов в управлении в советы городов проник хотя бы сравнительно демократический элемент. Однако их фактическое влияние оставалось обычно незначительным. Принятое во всех итальянских коммунах создание особых комитетов для выбора должностных лиц служило для того, чтобы исключить политическую ответственность руководителей выборов (которые в современных демократических государствах Европы тоже безответственны и часто анонимны) и демагогию. Это позволяло совершать планомерный отбор и обеспечивать единый состав действующих советов и должностных лиц, но могло быть осуществлено только на основе компромисса с социально влиятельными домами и заставляло прежде всего не игнорировать решающие в финансовом отношении слои. Только в периоды борьбы за власть между равными по своему могуществу домами или во времена религиозных волнений «общественное мнение» оказывало известное влияние на состав учреждений города. Господство Медичи над городом было достигнуто не как следствие служебного положения, которого у них не было, а исключительно благодаря влиянию и систематическому воздействию на выборы.

Успех пополанов был достигнут не без упорной, часто кровавой и длительной борьбы. Знать удалась из городов и продолжала борьбу против них, засев в своих бургах. Войска бюргеров разрушали их, а городское законодательство уничтожало традиционный аристократически-земле-владельческий строй, иногда посредством плано-

мерного освобождения крестьян. Необходимые средства для победы над знатью пополаны получали от признанных цеховых организаций. Цехи искони привлекались коммунами к делам управления. Ремесленников призывали в ополчение для сторожевой службы в крепостях, но постепенно все больше и для участия в сражениях в качестве пехотинцев, построенных по цехам. С развитием военной техники становилась все более необходимой финансовая поддержка со стороны предпринимательских цехов. Интеллектуальную и административно-техническую помощь предоставляли юристы, в первую очередь нотариусы, а также судьи и близкие им профессиональные врачи и аптекари. Эти организованные в цехи интеллектуальные слои коммун повсюду входили в качестве руководителей в партию пополанов, играя роль, напоминающую роль адвокатов и других юристов в третьем сословии, *tiers état*, во Франции; первые народные капитаны были до занятия этой должности, как правило, главами цехов или их объединений. Обычно предварительной ступенью политической организации *popolo* была *mercadanza*, вначале представлявшая собой неполитическую ассоциацию купцов и ремесленников (ибо *mercatores* и здесь означает, как справедливо указал Э. Зальцер*, совокупность городских ремесленников и торговцев). Возглавлявший ее *podestá mercatorum* был часто первым народным капитаном. Все развитие движения *popolo* шло прежде всего в сторону организованной защиты интересов пополанов в суде, коммунальных органах и учреждениях. Отправным

* В работе «О началах синьории в Северной Италии» (1900).

пунктом движения был часто очень осязаемый фактический отказ незнатным горожанам в их правах. Не только в Германии (известный пример — Страсбург) часто случалось, что поставщики товаров и ремесленники получали вместо требуемой оплаты побои и затем не могли добиться в суде признания своих прав. Но еще более сильное возмущение вызывали, по-видимому, личные оскорбления и угрозы в адрес пополанов со стороны превосходящей их в военном отношении знати, постоянно повторяющиеся даже через сто лет после образования особой ассоциации. Социальное чувство рыцарского сословия сталкивалось с естественно возникающей обидой бюргеров. Поэтому институт народных капитанов складывался как продолжение своего рода трибунского права помощи и контроля над учреждениями коммуны, развился затем в кассационную инстанцию и, наконец, в координированный универсальный орган власти. Подъему пополанов способствовали распри между родами, ущемлявшие экономические интересы бюргеров и часто служившие первым поводом для вмешательства их должностных лиц. К этому присоединилось честолюбивое стремление некоторых представителей знати установить с помощью *popolo* тиранию. Знать повсюду испытывала озабоченность, опасаясь такого развития событий. Раскол знати давал *popolo* возможность поставить себе на службу часть воинских сил рыцарства. В чисто военном отношении растет значение пехоты, и она впервые начинает в это время вытеснять рыцарскую конницу. В XIV веке в войсках Флоренции в связи с развитием рациональной военной техники впервые появляются «бомбарды», предшественники современной артиллерии.

4. Античные параллели: трибуны и плебс в Риме

Внешне очень похожим на утверждение *popolo* в итальянских городах было развитие в Античности демоса и плебса. Прежде всего в Риме, где особой общине *popolo* соответствовала особая община плебса со своими должностными лицами. Трибуны были первоначально выборными старейшинами незнатных граждан четырех городских кварталов, а эдилы, как полагает Э. Мейер*, — хранителями культового святилища общины и одновременно казначеями незнатных граждан, а тем самым и плебса. Сам плебс конституировался как братство, связанное клятвой убивать каждого, кто воспрепятствует его трибунам защищать интересы плебеев; с этим было связано то, что трибун назывался *sacrosanctus***, в отличие от легитимных должностных лиц римской общины, — совершенно так же, как народный капитан в Италии не имел права на добавление к своему наименованию слов *Dei gratia* (милостью Божией), в отличие от должностных лиц, обладавших легитимной властью, — консулов, которые еще присоединяли обычно эти слова к своим именам.

Трибун не обладал и легитимной административной властью, признаком которой служило общение с богами общины, ауспиции, а также важнейшим атрибутом законной власти — легитимной властью вынесения уголовных наказаний; вместо этого он в качестве главы плебса мог предать каждого, кто явно препятствовал ему в исполнении его должностных обязанностей, свое-

* В работе «Происхождение трибуната» (1895).

** Священный (лат.).

го рода суду Линча, и велеть сбросить его без судебного разбирательства и вынесения приговора с Тарпейской скалы. Должностное положение трибуна, так же как капитана и *anciani**, развилось из права вступаться за плебеев перед магистратами и приостанавливать действие принятых ими решений. Это право интерцессии, общий негативный атрибут римских должностных лиц по отношению к каждой равной или низшей власти, входило в основные полномочия трибуна. Совершенно так же, как капитан, он постепенно фактически стал всеобщей кассационной инстанцией и тем самым высшей властью внутри защищенного внутригородским «миром» округа города. В военных действиях трибун не имел никакого значения, здесь все решалось командой военачальника. Ограничение компетенции трибуна сферой города, отличающее его от должностных лиц более раннего периода, характерно для специфически бюргерского происхождения этой должности. Благодаря одной лишь своей кассационной власти трибуны сумели провести все политические требования плебса: право апеллировать к народу при приговорах по уголовным делам, смягчение долговых законов, судопроизводство в интересах сельских жителей в базарные дни, равное участие в занятии должностей, позже также жреческих должностей и должностей в совете, и, наконец, так же как в некоторых итальянских коммунах, решение гортензианского плебисцита** в Риме, принятое благодаря последней сецессии плебса и устанавливавшее обязательность постановлений плебса для всей общины. Результатом было здесь,

* Старейшины (лат.).

** Закон диктатора Квинта Гортензия (Lex Hortensia; 287 год до н.э.).

как и в средневековой Италии, формальное вытеснение родовой знати. После этих успехов в сословной борьбе политическое значение трибунов стало падать. Как впоследствии капитан, трибун стал должностным лицом общины, его должность даже была встроена в формирующуюся карьерную лестницу; но избирался он только плебеями, историческое обособление которых от патрициев практически потеряло почти всякое значение, уступив место развитию должностной и имущественной знати (нобилей и всадников). В возникшей теперь борьбе классов вопрос о старых политических полномочиях еще раз был выдвинут на первый план лишь после Гракхов — как важное средство в руках политических реформаторов и орудие экономической классовой борьбы в руках политически деклассированной общины граждан, враждебной по отношению к должностной знати. Это возрождение прежних трибунских полномочий привело к тому, что в конце концов власть трибуна стала наряду с военным командованием пожизненным должностным атрибутом принцепса*. Обнаруживается сходство между развитием средневековых городов Италии и Древним Римом, несмотря на громадные политические, социальные и экономические различия, о которых вскоре пойдет речь. Все дело в том, что не существует бесконечного количества административно-технических форм для регулирования сословных компромиссов внутри города, и одинаковые формы политического управления не надо рассматривать как одинаковые надстройки над одинаковыми экономическими основами, а исходить следует из того, что они развиваются по собствен-

ным законам. Возникает вопрос, не существует ли параллели развитию Рима в самой Античности.

5. Античные параллели: демос и эфоры в Спарте

Насколько нам известно, особой ассоциации типа плебса или итальянского *popolo* больше нигде в Античности не было. Но внутренне родственные по своему характеру явления существовали. Уже в древности (Цицерон) таковым считали институт спартанских эфоров. Но это надо понимать правильно.

Эфоры (наблюдатели) были, в отличие от легитимных царей, должностными лицами, избираемыми на год, и избирались они, как и трибуны, пятью местными филами спартиатов, а не тремя родовыми филами. Они созывали собрания граждан, имели право юрисдикции по гражданским и (быть может, с некоторыми ограничениями) уголовным делам, призывали к ответу даже царей, требовали отчетности от должностных лиц, смещали их, держали в своих руках все управление и фактически вместе с выборным советом герусии располагали высшей политической властью в спартанском государстве. В мирное время в пределах города цари обладали только почетными привилегиями и личным влиянием; во время войны они располагали полной, в Спарте очень строгой, дисциплинарной властью. Вероятно, только в более позднее время эфоры стали и во время походов сопровождать царей. То, что эфоров, быть может, первоначально, даже еще после Первой Мессенской войны, назначали цари, не меняет характера их власти в качестве трибунов. Вполне возможно, что это относилось первоначально

и к старейшинам триб. Не меняет свойств их власти и тот более важный факт, что они не обладали характерной для трибунов и общей им и средневековым капитанам функцией интерцессии. Из предания известно, что изначально эфоры должны были по своей должности защищать граждан от царей, но более позднее отсутствие этой функции объясняется безусловной победой спартанского демоса над своими противниками и тем, что первоначально он сам превратился в господствующий класс, изначально плебейский, а затем — фактически в класс настоящей олигархии. Знати в Спарте в историческое время не было. Сколько безусловно полис отстаивал свое господствующее положение над илотами, которым он ежегодно торжественно «объявлял войну», религиозным образом мотивируя этим их бесправие, сколько сохранял он свое политическое господствующее положение над стоящими вне военного объединения перизэками, все равно внутри полиса между полноправными гражданами сохранялось, по крайней мере в принципе, социальное равенство. Господство вовне и равенство внутри полиса контролировалось с помощью системы шпионажа (*krypteia*), напоминавшей венецианскую. По преданию, лакедемоняне первыми отказались от атрибутов знатного образа жизни, в частности в одежде, отличие в которой, следовательно, раньше существовало. Что это обстоятельство, а также строгое ограничение власти царя явилось результатом борьбы и компромисса, доказывается приносимой ежегодно взаимной клятвой царя и эфоров, своего рода периодически возобновляемым конституционным договором. Сомнение вызывает только то, что эфоры могли выполнять отдельные религиозные функции. Однако они в еще большей

степени, чем трибуны, стали легитимными должностными лицами общины. Основные черты спартанского полиса производят настолько сильное впечатление рационально созданных учреждений, что их невозможно считать остатком древних институтов.

6. Этапы демократического развития в Греции и его результаты

В остальных греческих общинах аналоги этому отсутствуют. Повсюду мы, правда, обнаруживаем демократическое движение незнатных граждан, направленное против знатных родов и большей частью на время или надолго устраняющее их господство. Однако, как и в Средние века, это не означало ни равенства всех граждан в праве занимать должности и заседать в совете, ни одинакового права голоса, ни вообще приема всех лично свободных и по праву живущих в городе фамилий в ассоциацию граждан (*Bürgerverband*). В отличие от Рима здесь вольноотпущенники вообще не входили в ассоциацию граждан. Равное же положение граждан нарушалось различными степенями в праве голоса и занятии должностей, вначале в зависимости от земельной ренты и способности носить оружие, а впоследствии от имущественного статуса. Эта иерархия и в Афинах юридически никогда не была полностью уничтожена, так же как в средневековых городах неимущие слои никогда не достигали надолго равных прав со средним сословием.

Право голоса в народном собрании предоставлялось либо всем принадлежавшим к *демои* землевладельцам, приписанным к военной ассоциации (*Wehrverband*) фратрии, — это было первой

стадией «демократии», — либо также лицам, владеющим другим имуществом. Решающей была способность вооружиться необходимым образом для участия в качестве пехотинца в войске голплитов, с ростом значения которого было связано это преобразование. Мы вскоре увидим, что установление различных степеней в праве голоса было отнюдь не главным средством для достижения этого результата. Как и в Средние века, независимо от того или иного формально установленного состава собрания граждан, от определения его формальных компетенций, сколь бы широки они ни были, господствующее социальное положение имущих слоев общества этим никогда не уничтожалось окончательно. Движение демоса приводило в ходе своего развития к самым разным результатам. Ближайшим и в некоторых случаях длительным достижением было возникновение демократии, внешне похожей на строй многих итальянских коммун. Наиболее имущий слой незнатных граждан, соответствующий установленному цензу, большей частью владельцы денег и рабов, эргастерий, судов, торгового и ростовщического капитала, получал наряду с располагавшими земельной собственностью родами доступ в совет и право занимать должности в городе. Масса же мелких ремесленников, мелких торговцев и вообще малоимущих была лишена права занимать какие-нибудь должности либо юридически, либо фактически вследствие невозможности отвлечься от зарабатывания на жизнь ради исполнения должностных обязанностей (*Unabkömmllichkeit*); иногда демократизация продолжалась и завершалась тем, что власть переходила именно к этим отвергаемым раньше слоям общества. Для того чтобы это могло произойти,

необходимо было находить средства, обеспечивающие этим слоям экономическую возможность заниматься управлением, а не заработком. Такое средство было найдено в форме ежедневных денежных пособий, а также снижения имущественного ценза на занятие должностей. Подобная практика и фактическое игнорирование классового деления демоса были, однако, лишь конечным пунктом развития, достигнутым аттической демократией только в IV веке, когда отпало военное значение гоплитов.

Действительно важное следствие полной или частичной победы незнатных слоев общества для структуры политической ассоциации и ее управления в Античности заключалось в следующем:

1. В прогрессирующем установлении институционального характера (*Anstalts charakter*) политической ассоциации. Прежде всего в проведении принципа территориальной общины. Подобно тому как в Средние века уже при господстве родов масса граждан города разделялась на территориальные округа, а *popolo*, по крайней мере частично, избирал своих должностных лиц по кварталам города, так и в Античности в городе, где господствовали знатные роды, плебеи подразделялись, в частности для распределения барщины и повинностей, на территориальные округа. В Риме наряду с тремя старыми личными трибами, составленными из родов и курий, под тем же названием были созданы четыре чисто территориальных городских округа, к которым после победы плебеев присоединились сельские трибы, а в Спарте наряду с тремя старыми личными филлами возникли четыре, а позже пять территориальных филл. Победа подлинной демократии означала переход управления к «демосу», к территориальному

округу в качестве подразделения всей территории и основы всех прав и обязанностей в полисе. На практическом значении этого преобразования мы вскоре остановимся. Следствием его было превращение полиса из братства военных и родовых ассоциаций (*Wehr- und Geschlechterverbände*) в территориальную институциональную корпорацию (*anstaltsmäßige Gebietskörperschaft*). Институциональной единицей полис стал и вследствие изменения в понимании природы права. Оно стало для граждан и жителей городского округа как таковых институциональным — с какими оговорками, мы видели раньше, — и одновременно рационально установленным правом. Место иррационального харизматического судопроизводства занял закон. Параллельно уничтожению господства родов складывалось законодательство. Вначале оно еще имело форму харизматических установлений эсимнетов*. Затем начался процесс постоянного, непрерывно происходящего создания нового права, разрабатываемого *ecclesia*** , и сложилось чисто светское, основанное на законах — или в Риме на магистратских инструкциях — судопроизводство. В Афинах, наконец, народу ежегодно предлагался вопрос, следует ли сохранить действующие законы или их необходимо изменить, — настолько теперь стало само собой разумеющимся, что действующее право есть нечто создаваемое искусственно, и должно быть таким, и основано на одобрении тех, для кого оно существует. Правда, в период классической демократии, например в Афинах в V–IV веках до н.э.,

* Выборный чиновник с чрезвычайными судебными полномочиями, необходимыми для разрешения внутригородских конфликтов.

** Народное собрание (греч.).

такая установка еще не была безусловно господствующей. Не каждое решение (psephisma) демоса становилось законом (nomos), даже в том случае, если оно устанавливало общие правила. Демосом принимались и противоречащие законам постановления, которые могли быть опротестованы перед судом присяжных (heliaia) каждым гражданином. Закон возникал (по крайней мере, тогда) не как постановление демоса; на основе законодательного предложения гражданина перед особой коллегией присяжных (номотетов) проводилась правовая дискуссия о том, следует ли сохранить старое право или принять предложенное изменение. Это было своеобразным остатком прежнего, впоследствии исчезнувшего понимания сущности права. Но первым решающим шагом к пониманию права как продукта рационального творчества было в Афинах упразднение законом Эфиальта религиозной и аристократической кассационной инстанции — ареопага.

2. Развитие демократии привело к преобразованию системы управления. Господствующих в силу харизмы рода или должности представителей знатных родов сменили избранные на короткий срок, иногда посредством жеребьевки, ответственные, подчас смещаемые функционеры демоса или непосредственно его группы. Эти функционеры были должностными лицами, но не чиновниками в современном смысле слова. Они получали умеренное возмещение расходов или, как избранные посредством жеребьевки присяжные заседатели, поденную оплату. Такой принцип оплаты, краткосрочность занятия должности и очень часто встречающийся запрет на повторное избрание исключали возможность возникновения профессионального чиновничества в современ-

ном понимании. Возможность карьеры и сословная честь отсутствовали. Исполнение обязанностей было побочным занятием. У большинства чиновников оно не требовало полной затраты сил, а доходы даже для несостоятельных людей являлись несущественным, хотя и желательным подспорьем. Правда, высшие политические должности, особенно военные, требовали затраты всех сил, но именно поэтому их и могли исполнять только состоятельные люди, а для того чтобы занимать должности в области финансов, в Афинах требовался высокий ценз, заменявший современный принцип внесения залога. Эти должности исполнялись, в сущности, на общественных началах. Подлинно руководящая политическая фигура, созданная демократией, доведенной до конца, — демагог — был в Афинах в правление Перикла, как правило, формально и высшим военным должностным лицом. Однако в действительности его власть основывалась не на законе или должности, а исключительно на его личном влиянии и доверии демоса. Она не являлась, следовательно, не только легитимной, но даже и легальной, хотя все государственное устройство демократии было так же ориентировано на ее наличие, как, например, современное государственное устройство Англии — на существование кабинета, который тоже правит не в силу законодательно закрепленных компетенций. Вотуму недоверия английского парламента, также не установленному никаким законом, соответствовало в других формах обвинение демагога в том, что он ведет народ по неправильному пути. Назначенный по жеребьевке совет превратился теперь также в обыкновенный управляющий комитет демоса, утратил юрисдикцию, получив, однако, пра-

во предварительных обсуждениях решений народа (*probuleuma*) и контроль над финансами.

В средневековых городах установление господства *popolo* привело к сходным результатам: множество редакций городских законов, кодификация гражданского и процессуального права, поток статутов разного рода, с одной стороны, столь же невероятное число должностных лиц — с другой; даже в небольших городках Германии иногда насчитывалось четыре-пять дюжин их категорий. Причем наряду с персоналом канцелярии и судебными исполнителями, с одной стороны, и бургомистрами — с другой, действовало множество специализированных функционеров, привлекавшихся лишь от случая к случаю, для которых доходы с этих должностей — в основном сборы за осуществление должностных действий — были весьма желанным, но дополнительным заработком. Общим для античных и средневековых городов, во всяком случае больших, было, далее, то, что многое из рассматриваемого в наши дни в выборных представительных собраниях решалось в специальных избранных или составленных с помощью жеребьевки коллегиях. Так, в античной Греции принимались законы и рассматривался ряд политических вопросов; в Афинах, например, в таких коллегиях приносилась клятва при заключении союзных договоров и при распределении дани между союзниками. В Средние века таким же образом происходили выборы должностных лиц, причем наиболее важных, а также иногда избирался состав наиболее ответственных, принимающих решения коллегий. Это в известной мере заменяло несуществовавшую тогда систему представительства в ее современном виде. Поскольку все политические права традиционно носили

характер сословных привилегий, «представители» выдвигались только от ассоциаций: в период античной демократии — от культовых или государственных сообществ, иногда от союзов государств, в Средние века — от цехов или других корпораций. «Представлены» были лишь особые права ассоциаций, а не меняющийся «электорат» какого-либо округа, как в случае избирательного права пролетариата в наши дни.

7. Иллегитимное правление: античная тирания

Общим для античных и средневековых городов были, наконец, и возникновение городской тирании или, по крайней мере, попытки установить ее. Правда, в обоих случаях она была локально ограниченным явлением. В эллинской метрополии она последовательно возникала в VII–VI веках до н.э. в ряде больших городов, в том числе и в Афинах, но существовала лишь на протяжении нескольких поколений. Свобода городов уничтожалась в Греции обычно только вследствие подчинения их превосходящим военным силам. Господство же тирании в колониях, в Малой Азии и особенно на Сицилии, было более длительным и часто оставалось там установившимся типом города-государства до его падения. Тирания была повсюду результатом сословной борьбы. В отдельных случаях, например в Сиракузах, теснимые демосом роды, по всей видимости, способствовали приходу к власти тирана. Обычно же тиран опирался на часть среднего сословия и на тех, кто находился в денежной зависимости от знатных родов; врагами же его были знатные роды, их он изгонял, имущество их конфисковывал, а они стремились его свергнуть. В этом прояв-

лялся типичный классовый антагонизм древних государств: городские, носящие оружие патриции в качестве кредиторов, крестьяне в качестве должников; этот антагонизм существовал и у израильтян, и в Месопотамии, и в греческом и италийском мире. В Вавилоне земля почти полностью принадлежала патрициям, колонами которых становились крестьяне. В Израиле долговое рабство регулировалось в Книге Завета. Все узурпаторы, от Авимелеха до Иуды Маккавея, опирались на беглых долговых рабов; по предсказанию Второзакония, Израиль будет «давать займы» всем, то есть жители Иерусалима будут займодавцами и патрициями, а остальные — их попавшими в рабство должниками и крестьянами. Аналогичным был классовый антагонизм в Элладе и Риме. Раз установившись, тирания находила, как правило, поддержку у мелких крестьян, у политически связанной с ней части знати, надеющейся таким путем добиться своих выгод, и у части городского среднего класса. Как правило, тирания опиралась на телохранителей, предоставление которых горожанами в Античности народному вождю (например, Писистрату) и в Средние века народному капитану было обычно первым шагом тирании, и на наемников. Фактически тирания очень часто проводила компромиссную сословную политику, напоминающую политику эсимнетов (Харонд, Солон). Между преобразованием государства и права их руками и возвышением тирана часто, видимо, был выбор. Социальная и экономическая политика как «эсимнетов», так и тиранов, по крайней мере в метрополии, сводилась к тому, чтобы воспрепятствовать продаже крестьянских земель городской знати и притоку крестьян в города, в некоторых случаях к тому, чтобы ограни-

чить покупку рабов, роскошь, посредническую торговлю, вывоз зерна, — все это меры, характеризующие политику мелких бюргеров, политику «городского хозяйства», соответствующую «хозяйственной политике» средневековых городов, к которой мы еще вернемся.

Тираны повсюду ощущали себя специфически нелегитимными правителями и считались таковыми. В этом заключалось отличие их положения от власти древних правителей города-государства как в религиозном, так и в политическом отношении. Они часто поддерживали создание новых эмоциональных культов, в частности культа Диониса, в противоположность ритуальным культам знати. Как правило, тираны стремились сохранить внешние формы городского строя коммуны, то есть притязание на законность. После падения их власти знатные роды обычно оказывались настолько ослабленными, что вынуждены были предоставлять демосу, с помощью которого только и стало возможным изгнание тиранов, большие уступки. Демократия среднего сословия при Клизфене установилась по изгнании Писистратидов. Кое-где, правда, тиранов сменяла купеческая плутократия. Тирания, установлению которой способствовали экономические классовые противоречия, в конечном итоге — по крайней мере в метрополии — обеспечивала тимократическое* или демократическое уравнение сословий, часто предшествуя ему. Напротив, удачные или неудачные попытки установления тирании в более поздний период истории Греции, являясь следствием завоевательной политики демоса,

* Тимократия — политический режим, в котором право на занимание государственных должностей распределяется сообразно имущественному положению или доходу.

были связаны с его военными интересами, о которых мы скажем позже. К тирании стремились победоносные военачальники, такие как Алкивиад и Лисандр. Вплоть до эллинистической эпохи эти попытки оставались в метрополии безуспешными, распадались также военные государственные образования демоса — по причинам, которые будут указаны ниже. На Сицилии же старая экспансионистская политика в Тирренском море, а позже национальная оборона в борьбе против Карфагена велась тиранами, которые, опираясь на наемные войска и ополчение граждан, с помощью беспощадных мер восточного образца — массового принудительного предоставления наемникам гражданских прав и переселения покоренного населения — создали интерлокальную военную монархию. Наконец, Рим, где в раннереспубликанский период попытки установить тиранию терпели неудачу, в ходе завоевательной политики пришел по социальным и политическим причинам к военной монархии изнутри, на чем мы также еще остановимся.

8. Иллегитимное правление: средневековая синьория

В Средние века тирания существовала главным образом в городах Италии, хотя и не только в них. Общность между итальянской синьорией и античной тиранией, на что указывает Эдуард Мейер*, заключается в том, что синьория возникла как власть одной имущей фамилии, противостоящей членам своего сословия, и что она установила в качестве первой политической вла-

* В книге «История древних народов» (т. 2; 1893).

сти в Западной Европе рациональное управление, все чаще во главе с назначаемыми чиновниками, сохраняя тем не менее при этом ряд форм строя коммуны. В остальном же между античной тиранией и синьорией существуют серьезные различия.

Прежде всего, несмотря на то что синьория часто возникает непосредственно в результате сословной борьбы, случалось также, что она устанавливалась позже, после победы *popolo* или даже значительно позже. Затем, синьория большей частью вырастала из легальных должностей *popolo*, тогда как тирания в эллинских городах представляла собой именно одно из промежуточных явлений между господством знатных родов и тимократией или демократией. Формально развитие синьорий было различным, как хорошо показал Э. Зальцер. Ряд синьорий возник совершенно непосредственно из должностей пополанов в результате восстаний *popolo*. Народный капитан, подеста меркаданцы, а также подеста коммуны стали избираться народом на все более продолжительный срок или даже пожизненно. Такие чиновники, длительно занимавшие высшие должности, обнаруживаются уже к середине XIII века в Пьяченце, Парме, Лоди, Милане. Уже в конце XIII века господство Висконти в Милане, Скалигеров в Вероне и Эсте в Мантуе стало фактически наследственным. Наряду с установлением пожизненности должностей, а затем их фактической и, наконец, юридической наследственностью происходило и расширение полномочий высших должностных лиц. Из произвольной, чисто политической карательной власти они превратились в высшую власть (*arbitrium generale*), которая, конкурируя с советом и общиной, могла принимать любые по-

становления, и, наконец, в *dominium** с правом управлять городом *libero arbitrio*** , назначать должностных лиц, обнародовать указы, обладающие силой закона. В основе этой власти лежали две различные, хотя, по существу, часто идентичные причины. Во-первых, господство партий как таковое, прежде всего — постоянная угроза всему политическому и связанному с ним экономическому положению, в частности земельной собственности, со стороны побежденной партии. Привычка знатных родов к военным действиям и страх перед заговорами способствовали передаче неограниченной власти вождям партии. Второй причиной были внешние войны, угроза подчинения соседним коммунам или иным властителям. Там, где это было главной причиной, источником синьории обычно являлось учреждение чрезвычайного военного командования — должности военного капитана, которая передавалась чужеземному князю или кондотьеру, — а не особое положение народного капитана как вождя партии. При этом передача города под *dominium* какого-либо князя для защиты от внешней опасности могла происходить и таким образом, что полномочия правителя (*dominus*) сильно ограничивались. Внутри города он легче всего завоевывал поддержку широких низших слоев, ремесленников, фактически не допускавшихся до управления городом; поддерживали они его отчасти потому, что передача власти не влекла за собой для них никаких потерь, а возникновение государева двора обещало известные экономические выгоды, отчасти же вследствие эмоциональной падкости масс на эф-

* Власть (лат.).

✓ ** Свободное волеизъявление (лат.).

фект личной силы и власти. Поэтому те, кто стремился установить синьорию, как правило, использовали парламенты в качестве инстанции, в которой осуществлялась передача власти. Однако в некоторых случаях знатные роды и купечество, опасаясь политических или экономических противников, также видели спасение в синьории, которую вначале никто не рассматривал как установление длительной монархии. Некоторые города, как, например, Генуя, неоднократно налагали на могущественных монархов, под *dominium* которых они переходили, весьма ограничительные условия, прежде всего ограничивали их военную силу и жестко ограничивали денежные выплаты, а подчас и лишали их должности. По отношению к иноземным монархам это удавалось, как, например, это удалось Генуе по отношению к королю Франции. Однако по отношению к живущему в городе правителю это было значительно труднее.

9. Замирение бюргеров и легитимизация синьории

Очевидно, что со временем сила и склонность бюргеров к сопротивлению уменьшались. Правители синьорий опирались на отряды наемников, а также все больше на связи с легитимными властями. После насильственного подчинения Флоренции с помощью испанской армии наследственная синьория стала в Италии (за исключением Венеции и Генуи) формой государственности, окончательно легитимированной императором и папой. Ослабевающее же сопротивление бюргеров объясняется рядом отдельных обстоятельств.

Здесь, как и везде, двор правителя создавал в среде знати и бюргерства все увеличивающиеся

и все более долговечные слои социально и экономически заинтересованных в его существовании людей. Все более изысканные потребности и сокращение экономической экспансии при нарастающих опасениях высших слоев бюргерства, что нарушение мирных отношений заденет их экономические интересы, затем постепенная утрата ремесленниками интереса к политической жизни в связи с усилением конкуренции и ростом экономической и социальной стабильности и обращение их вследствие этого к чистой наживе или к мирному существованию на ренту, общая политика князей, поощрявших такое отношение исходя из своей выгоды, — все это привело к быстрой утрате внимания к политической судьбе города. Как великие монархи, например французский король, так и правители отдельных городов могли повсюду рассчитывать на стремление низших слоев к установлению мира в городе и к регламентации хозяйственной деятельности в духе мелкобюргерской политики пропитания для всех. Во Франции короли, ориентируясь на эти интересы низших слоев бюргерства, подчинили себе города; в Италии сходные тенденции служили опорой синьории. Но наиболее важным был политический момент: замирение бюргеров посредством полного вовлечения их в экономическую деятельность, лишение их привычки к военной службе и планомерное их разоружение князем. Правда, последнее не всегда с самого начала составляло политику правителей: некоторые из них, напротив, первыми создали рациональные системы воинской повинности. Однако в соответствии с общим типом образования патримониального войска эти системы были или вскоре превратились в набор рекрутов из неимущих слоев общества,

ничего общего не имеющий с республиканским войском бюргеров. Прежде всего, однако, господство князя было подготовлено переходом к наемному войску и к капиталистическому покрытию потребности в военной силе с помощью предпринимателей (кондотьеров), вызванному растущей экономической занятостью бюргеров и растущей потребностью в профессионально обученных военных. Еще в период свободных коммун это в значительной степени подготовило замирение и разоружение бюргеров. К этому присоединились личные и политические связи князей с могущественными династиями, сила которых делала восстания бюргеров совершенно безнадежными. Следовательно, в конечном счете все сводилось к причинам, общее значение которых хорошо нам известно: к росту замкнутости производителей в сфере своих экономических интересов, к росту военной дисквалификации образованных слоев бюргерства и к росту рационализации военной техники, ведущему к созданию профессиональной армии; эти обстоятельства наряду с формированием экономически или социально заинтересованных в наличии двора слоев знати, получателей ренты и обладателей приходов давали синьории шанс перерасти в наследственное патримониальное княжество. Достигнув этого, она вступала в круг легитимных властей.

В том единственном пункте, который нас здесь интересует, политика синьории прежде всего обнаруживает тенденцию, общую с античными тираниями, а именно — уничтожение политического и экономического монопольного положения города по отношению к сельской местности. Сельское население очень часто, как и в Античности, помогало правителю захватить власть в городе

(например, в 1328 году в Павии). Свободные граждане городов после победы над знатными родами подчас в собственных и в политических интересах уничтожали власть аристократических земельных собственников, освобождали крестьян, способствуя таким образом свободному переходу земли к тем, кто мог ее купить. Массовое приобретение горожанами земли феодалов и замена, как, например, в Тоскане, барщинного устройства системой аренды — *mezzadria* — институтом, основанным на отношениях между живущим в городе господином, который связан с сельской местностью только своими летними резиденциями, и сидящими на его земле арендаторами, которые работают исполу, — произошло при господстве *popolo grasso*. От участия в политической власти сельское население, даже свободные крестьяне-собственники, полностью устранялось. *Mezzadria* была ориентирована на частноправовые отношения, городская же политика организационно исходила в своем отношении к сельским местностям из интересов городских жителей как потребителей, а после победы цехов — и как производителей. Политика правителей городов изменила это отнюдь не сразу и вообще далеко не везде. Знаменитая физиократическая политика великого герцога Тосканского Леопольда в XVIII веке сложилась под влиянием определенных естественно-правовых воззрений и не являлась в первую очередь политикой, основанной на аграрных интересах. Однако в целом направленная на баланс интересов и стремящаяся избежать резких коллизий политика князей уже не была политикой городского бюргерства, использовавшего сельские местности только как средство для достижения своих целей.

Господство городских правителей распространилось большей частью, а затем и преимущественно на несколько городов. Однако это отнюдь не означало, что эти независимые до того территории городов составляли под их властью единый в современном смысле слова государственный союз. Наоборот, объединенные под властью одного господина города нередко, как и раньше, имели право при наличии определенного повода посылать друг к другу посольства. Их конституционное устройство далеко не всегда унифицировалось, и они не превратились в общины, которым государство делегировало выполнение части своих задач. Развитие в этом направлении шло постепенно, параллельно аналогичному преобразованию больших патримониальных государств в Новое время. Сословные представительства, существовавшие в Средние века уже в Сицилийском королевстве и в других старых патримониальных монархиях, почти полностью отсутствовали в государственных образованиях, возникших на территориях городов. Здесь главными организационными нововведениями были: 1) появление назначенных правителями на неопределенное время должностных лиц наряду с выборными на короткий срок должностными лицами, обладающими юрисдикцией по уголовным делам; 2) возникновение центральных коллегиальных инстанций, в первую очередь в области финансов и военного дела. Это было, конечно, важным шагом на пути рационализации управления. Особая рациональность техники управления была здесь подготовлена тем, что многие коммуны заложили этому основу статистикой, которую они ради собственных финансовых и военных интересов вели в масштабах, не типичных для других государств, а также

тем, что бухгалтерская отчетность и делопроизводство достигли в банкирских домах городов достаточно высокого технического уровня. В остальном влияние на бесспорную рационализацию управления оказывал, с одной стороны, пример Венеции, с другой — Сицилийского королевства, причем не столько как образец для подражания, сколько как стимул.

10. Независимость городов, капитализм и патримониальная бюрократия: заключение

Циклическое развитие итальянских городов от составных частей патримониальных или феодальных ассоциаций через период революционным путем завоеванной самостоятельности и независимого господства знатных родов, затем через господство цехов к синьории и, наконец, к превращению в составные части относительно рациональных патримониальных государственных образований стоит особняком среди западноевропейских городов. Прежде всего, в них отсутствует синьория, параллель к предварительной стадии которой — должности народного капитана — можно увидеть в деятельности наиболее могущественных бургомистров к северу от Альп. Но в одном отношении круговорот в развитии имел универсальный характер. В Каролингское время города представляли собой едва ли не простые административные округа, обладавшие известным своеобразием сословной структуры, и они снова очень близко подошли к этому положению в период нового патримониального государства, отличаясь лишь особыми корпоративными правами. В промежуточный же период города были повсюду в той или иной степени «коммунами», которые

обладали собственными политическими правами и проводили автономную хозяйственную политику. Подобным же образом шло развитие и в Античности. И все-таки ни современный капитализм, ни современное государство не выросли на почве античных городов, тогда как развитие средневековых городов, не являясь решающей ближайшей предварительной ступенью ни к тому, ни к другому, а тем более их основой, остается одним из важнейших и непрременных факторов их возникновения.

Несмотря на внешнее сходство, необходимо, однако, отметить и серьезные различия в их развитии. Именно к ним мы теперь и обратимся. Их мы легче всего обнаружим, сопоставив оба типа городов в их наиболее характерных формах. Для этого мы должны ясно отдавать себе отчет в том, что между средневековыми городами существуют очень большие, до сих пор лишь в отдельных пунктах отмеченные нами структурные различия. Однако остановимся еще раз на общем положении средневековых городов в период их наибольшей независимости, что позволит нам отчетливо увидеть их специфические черты в их полном развитии.

В период расцвета автономии достижения городов были чрезвычайно разнообразны и шли в следующих направлениях:

1. Политическая самостоятельность и отчасти экспансионистская внешняя политика, вследствие чего городские власти постоянно держали собственные вооруженные силы, заключали военные союзы, вели крупные войны, полностью подчиняли себе большие территории, а иногда и другие города, основывали заморские колонии. Длительное время владеть заморскими колониями

удалось лишь двум итальянским приморским городам, захватить большие территории и обрести международное политическое значение — на короткое время лишь нескольким коммунам Северной и Центральной Италии и Швейцарии, в значительно меньшей степени — городам Фландрии, ряду ганзейских городов Северной Германии и некоторым другим. Что же касается южноитальянских, сицилийских, после короткого промежутка испанских, после более длительного промежутка французских, с самого начала английских городов, городов Германии (за исключением упомянутых северных, фландрских, нескольких швейцарских и южногерманских городов, а после короткого промежутка существования городских союзов и большей части западногерманских городов), то их политическое господство ограничивалось обычно властью над непосредственной сельской округой и несколькими маленькими городками. В очень многих городах были свои отряды солдат (во Франции еще в довольно позднее время) или, как правило, существовало бюргерское ополчение, службу в котором несли военнообязанные горожане; это войско защищало стены города и временами было достаточно сильно, чтобы в союзе с другими городами устанавливать земский мир, срывать разбойничьи замки и становиться на ту или иную сторону в междоусобных войнах внутри страны. Однако эти города нигде не пытались на постоянной основе проводить международную политику, как итальянские и ганзейские города. Обычно они посылали своих представителей в сословные собрания Империи или территориальной области и нередко, несмотря на свое формально подчиненное положение, имели там вследствие своей финансовой мощи решающий

голос. Самым ярким примером этого служат английские *соттопы*, которые, правда, являлись представителями не столько городских коммун, сколько сословных корпораций. Но многие города никогда не осуществляли и такого права (подробности историко-правового характера увели бы нас слишком далеко). Современное патримониально-бюрократическое государство континента впоследствии лишило большинство из них всякой самостоятельной политической деятельности, а также военной силы — кроме полиции. Только там, где государство, как, например, в Германии, развивалось лишь в виде партикулярных образований, ему приходилось допустить существование некоторых городов рядом с собой в качестве особых политических форм. Особым путем пошло развитие в Англии, так как здесь не возникла патримониальная бюрократия. Здесь внутри строгой организации центрального управления отдельные города никогда не имели собственных политических амбиций, ибо в парламенте они выступали заодно. Они заключали торговые картели, но не политические союзы, как на континенте. Английские города представляли собой корпорации привилегированных знатных слоев, и их согласие в финансовых вопросах было совершенно необходимым. В правление Тюдоров короли пытались уничтожить их привилегии, но низложение Стюартов положило этому конец. С этого времени города остаются корпорациями, обладающими правом выбора членов парламента, и как *kingdom of influence**, так и партии знати пользовались в политических целях для обеспечения послушного им парламентского большинства подчас до смеш-

ного маленькими, легко завоевываемыми избира-
тельными округами, каковые представляли собой
многие английские городки.

2. Автономное правотворчество и города как та-
кового, и гильдий и цехов внутри его. В полном
объеме этим правом пользовались политически
самостоятельные итальянские, временами испан-
ские и английские, в своей значительной части
французские и немецкие города, причем пись-
менное подтверждение этого права существовало
не всегда. Вопросы земельного владения, рыноч-
ных и торговых отношений решались в городских
судах, где в качестве шеффенов заседали бюрге-
ры, применявшие равное, общее для всех граждан
именно данного города право, основанное на обы-
чае или автономных постановлениях, на подража-
нии, заимствовании или на предоставлении при
основании города чужого права. В судопроизвод-
стве городов все больше исключались иррацио-
нальные и магические доказательства, такие как
поединок, ордалии* и клятва рода, и заменялись
доказательствами рациональными — впрочем,
этот процесс не следует представлять себе слиш-
ком прямолинейным. Иногда сохранение про-
цессуальных особенностей городского суда вы-
ражалось в консервации старой процедуры, про-
тивопоставляемой рациональным новшествам
королевского суда (в Англии отказ от *jury*), и в кон-
сервации средневекового права в противовес рас-
пространению римского; последнее часто наблю-
далось на континенте, где соответствующие капи-
талистическим интересам правовые институты
сложились именно на основе городского права
как цитадели автономии заинтересованных лиц,

* Испытания огнем и водой.

а не на основе римского (или немецкого) земского права. Городские власти стремились, в свою очередь, к тому, чтобы гильдии и различные ассоциации не издавали без их утверждения никаких статутов или ограничивались лишь теми, которые строго относились к отведенной им области. Как объем автономии во всех городах, которым приходилось считаться со своим политическим господином или аристократом — собственником земли, — то есть во всех городах, кроме итальянских, — так и разделение правотворческих полномочий между советом и цехами были различны и определялись соотношением сил. Возникающее патримониально-бюрократическое государство везде поступательно урезало эту автономию городов. В Англии Тюдоры впервые систематически проводили принцип, согласно которому города и цехи являются корпоративно организованными для определенных целей государственными институтами с правами, не выходящими за установленные привилегиями пределы и обязательными только для входящих в них в качестве бюргеров членов. Каждое нарушение установленных границ служило поводом кассации хартии в процессе *quo warranto** (например, для Лондона при Якове II). Согласно такому пониманию, город, как мы видели, вообще в принципе не считался «территориальной корпорацией», а рассматривался как привилегированная сословная ассоциация, в управление которой постоянно вмешивался, контролируя его, *Privy council*** . Во Франции города в течение XVI века вообще лишились права юрисдикции, кроме рассмо-

* «На каком основании» (*вульг. лат.*) — расследование, «на каком основании» собственник пользуется иммунитетом и другими привилегиями.

** Тайный совет (*англ.*).

трения дел полицейского характера, а для принятия всех важных финансовых актов требовалось утверждение государственных учреждений. В Центральной Европе автономия городских территорий была, как правило, совершенно уничтожена.

3. Автокефалия, то есть исключительно собственные судебные и административные учреждения. Полностью ею обладала только часть итальянских городов, в других странах города имели лишь право низшей юрисдикции, большей частью при допущении апелляции в королевский или высший земский суд. В органах юстиции там, где приговор выносили шеффены из среды бюргеров, должность судьи имела сначала преимущественно фискальный интерес, вследствие чего город не считал нужным добиваться формального признания своей юрисдикции или покупать ее. Для города было наиболее важным представлять собой особый судебный округ с шеффенами из собственных граждан. Это было достигнуто уже на очень ранней стадии полностью в области низшей, частично в области высшей юрисдикции. В значительной степени горожане получили и право выбора шеффенов или кооптации их без какого-либо вмешательства господина. Важной являлась также предоставленная городу привилегия, согласно которой горожанин был подсуден только суду города.

Здесь не может быть рассмотрено развитие собственного административного учреждения города, совета. Но наличие такого совета с широкими административными полномочиями было в период развитого Средневековья отличительным признаком каждой городской общины Западной и Северной Европы. Его состав был самым разнообразным и зависел от соотношения сил

между патрициатом «родов», то есть владельцами земельных рент и владельцами капитала, кредиторами и частично занятыми торговлей горожанами, купцами из бюргеров, часто образующими цехи, в зависимости от того, преобладали ли среди них те, кто был занят дальней торговлей, или (в массе) крупные розничные торговцы, предприниматели в области раздаточной системы ремесленного производства, и подлинными ремесленными цехами. С другой стороны, степень участия политического властителя или владельца земли, на которой город стоял, в назначении совета, то есть то, насколько город оставался гетерокефальным, определялась соотношением экономического могущества бюргеров и сеньора города. Это зависело в первую очередь от того, насколько сеньор города нуждался в деньгах, приобрести которые он мог, продав свои права. Но также, конечно, и от финансовых возможностей города. Однако, если городская касса обладала средствами политической власти, потребность городской кассы в деньгах и денежный рынок города сами по себе не решали вопроса. Во Франции уже в XIII веке при Филиппе Августе королевская власть (иногда и другие властители), находящаяся в союзе с городами, достигла вследствие острой нужды городов в деньгах участия (*partage*) в назначении на административные должности, права контролировать действия магистрата, в частности в области интересовавшего короля финансового управления, права утверждения выборных консулов и вплоть до XV века — председательства в городском собрании королевского прево*.

* Королевский чиновник, обладавший судебной, военной и фискальной властью на вверенной ему территории.

В эпоху Людовиков замещение городских должностей полностью находится во власти королевских «интендантов», а финансовая нужда государства привела к тому, что продаваться стали как городские, так и государственные должности. Патримониально-бюрократическое государство превратило городские органы управления в привилегированные представительства корпораций с сословными привилегиями, действовавшие только в области своих корпоративных интересов и не имевшие значения в деле государственного управления. Английское государство, вынужденное сохранить автокефалию городов, поскольку они выбирали в парламент, беспощадно игнорировало город, когда ему хотелось предоставить решение задач, ныне находящихся в ведении коммунальных общин, местным ассоциациям, поручая их выполнение либо отдельным приходам, к которым принадлежали не только члены привилегированных корпораций, но и все полноправные жители, либо другим, специально для этого созданным объединениям. Но большей частью патримониальный бюрократизм просто превращал магистраты в государственные учреждения наряду с другими.

4. Обязанность бюргеров платить налоги в казну города и свобода их от обязанности платить аренду или налоги кому-либо вне его. Первое проводилось в весьма различной степени и с различной эффективностью, а иногда и в полном отсутствии контроля со стороны сеньора города. Английские города никогда не обладали подлинной налоговой автономией, и для введения новых налогов всегда требовалось согласие короля. Полное освобождение от повинностей и налогов вовне также было достигнуто лишь кое-где. В не обла-

давших политической автономией городам — только в том случае, если они брали на откуп налоговую повинность и вносили господину города сразу общую сумму налогов, чаще же они регулярно выплачивали ее по частям и самостоятельно ведали королевскими налогами (*firma burgi* в Англии). Наиболее полное освобождение от внешнего обременения удавалось, когда речь шла о личных, судебных или крепостных повинностях бюргеров. Патримониально-бюрократическое государство после своей победы, правда чисто технически, различало город и деревню в налоговом отношении, стараясь равномерно обложить своим специфическим городским налогом, акцизом, производство и потребление. Право на налогообложение было им у городов практически отнято. В Англии корпоративное обложение городов не имело большого значения, так как новые задачи управления перешли к другим объединениям. Во Франции, после того как все финансовые операции города и право налогового самообложения были взяты под контроль государства, король присвоил со времен Мазарини половину городских *octroy**. В Центральной Европе городские учреждения и в этом отношении часто превращались просто в государственные органы по взиманию налогов.

5. Рыночное право, автономная полиция в области торговли, ремесел и промыслов и монополистические права наложения банна. Рынок был в каждом средневековом городе, и надзор за рынком повсюду в очень значительной степени переходил от сеньора города к городским советам. Позже полицейский надзор над торговлей и про-

мыслами находился — в зависимости от соотношения сил — в ведении либо городских учреждений, либо профессиональных ассоциаций при значительном лишении этих прав сеньора. В области ремесел и промыслов общий контроль над качеством товаров осуществляла промысловая полиция, отчасти ради доброго имени города, то есть в интересах экспорта товаров, отчасти же в интересах городских потребителей; главным образом в интересах последних осуществлялся контроль над ценами; надзору подлежало и сохранение возможностей пропитания для мелких бюргеров, то есть ограничивалось число учеников и подмастерьев, а иногда и мастеров; а по мере того, как возможности обеспечивать себе пропитание сужались, усиливалась монополизация мест мастеров в пользу жителей данного города, преимущественно сыновей мастеров. С другой стороны, по мере того как цехи сами стали осуществлять функции полиции, они пытались противодействовать возникновению зависимости от крупных предпринимателей и находящихся вне города заказчиков посредством запрещения раздаточной системы, контроля над кредитованием, регулирования и организации поступления сырья, а иногда и формы сбыта. Но прежде всего город стремился подавить конкуренцию со стороны подчиненных ему сельских местностей, то есть пытался остановить там развитие промыслов, заставить крестьян в интересах городских производителей покупать все необходимое в городе, а в интересах городских потребителей принуждал их продавать свои продукты на городском рынке, и только там; кроме того, в интересах потребителей, а также нуждающихся в сырье ремесленников цехи стремились запретить покупку товаров

вне рынка и наконец установить в интересах городских торговцев монополию на перепродажу и посредническую торговлю, а с другой стороны, они пытались получать привилегии на свободную торговлю за границей. Эти основные свойства так называемой хозяйственной политики города, варьирующиеся в ходе бесчисленных компромиссов между различными интересами, встречаются почти повсюду. Направленность этой политики обуславливается в каждом конкретном случае, помимо соотношения сил заинтересованных сторон внутри города, также и сферой доступной ему экономической деятельности. Ее расширение в первый период поселения привело к расширению рынка, сужение в конце Средних веков породило тенденцию к монополизации. В остальном каждый город имел собственные, сталкивающиеся с конкурентами интересы, и особенно между ведущими дальнюю торговлю городами Юга велась борьба не на жизнь, а на смерть.

Подчинив города, патримониально-бюрократическое государство совсем не намеревалось покончить с их «хозяйственной политикой». Совсем наоборот, экономический расцвет городов и их промыслов, а также сохранение количественного уровня населения посредством обеспечения ему возможностей добывать себе пропитание настолько же соответствовали финансовым интересам государства, насколько и стимулирование внешней торговли в духе меркантилистской торговой политики, образцом которой государству могла, во всяком случае отчасти, служить дальняя торговая политика городов. Государство стремилось уравнивать конкурирующие интересы входивших в него городов и групп, в частности — считать заботу об обеспечении всех возможностях

ми заработка с поддержкой инвестиции капиталов. Изменения в традиционной хозяйственной политике государство почти до Французской революции осуществляло лишь в тех случаях, когда местные монополии и привилегии бюргеров стояли на пути проводимой им же самим все более капиталистически ориентированной политики в отношении привилегий и монополий. Правда, уже одно это могло иногда вести к резкому нарушению экономических привилегий бюргеров, однако такие действия лишь в исключительных случаях означали принципиальное изменение привычного пути. Но автономия в регулировании городского хозяйства была утрачена, и это могло косвенным образом иметь большое значение. И все же решающим было то, что города не располагали для защиты своих интересов такими военно-политическими силами, какими обладало патримониально-бюрократическое государство. Лишь в исключительных случаях города могли пытаться, как это делали князья, объединиться в союзы, чтобы воспользоваться открывающимися в результате патримониальной политики новыми возможностями получения доходов. В силу самой природы этой политики такое было доступно только отдельным лицам, причем лицам социально привилегированным; так, в Англии и во Франции в типичных, монополистически привилегированных внутренних и заморских предприятиях периода патримониальной политики наряду с королем участвовали (сравнительно) многие крупные землевладельцы и высокопоставленные чиновники и (относительно) небольшое число бюргеров. Иногда в спекулятивных внешнеторговых предприятиях, причем достаточно крупномасштабных, участвовали за счет собственной казны и горо-

да, например Франкфурт, однако большей частью во вред себе, так как какая-нибудь единственная неудача наносила городу значительно более долговременный ущерб, чем крупному политическому образованию.

Экономический упадок многих городов, особенно начиная с XVI века, только отчасти — поскольку он затронул и английские города — объяснялся изменением прохождения торговых путей и возникновением крупного домашнего производства, основанного на рабочей силе вне города. Он был главным образом вызван другими, общими причинами: прежде всего тем, что традиционные, входящие в городское хозяйство формы предпринимательства уже не давали наибольшей прибыли и что теперь как политически ориентированные, так и торговые, и ремесленно-промысловые капиталистические предприятия, даже если они формально размещались в городе, не имели больше главной опоры именно в хозяйственной политике города и не находились, не могли находиться в ведении объединенных в локальную ассоциацию бюргеров-предпринимателей. Старые формы предпринимательства постигла та же судьба, что некогда феодальную военную технику. Новые капиталистические предприятия основывались в новых, удобных для них местах, и предприниматель теперь обращался за помощью — в той мере, в какой он в ней вообще нуждался, — к другим силам, а не к местному обществу бюргеров. Подобно тому как *dissenters** в Англии, которые играли такую большую роль в капиталистическом развитии, не принадлежали

* Диссентеры — противники официальной англиканской церкви.

вследствие Тест-акта* к господствующей городской корпорации, крупные торговые и ремесленно-промысловые города возникали там вне существующих округов и тем самым вне компетенции местных, обладающих монополией властей, вне старых привилегированных корпораций; поэтому их юридическая структура часто носила очень архаические черты: старые сеньориальные суды, *court farm* и *court leet*, существовали в Ливерпуле и Манчестере вплоть до реформы Нового времени, и только земельная власть сеньора стала именоваться судебной властью.

6. Из политического и экономического своеобразия средневековых городов следовало и их отношение к небюргерским слоям населения. В разных городах оно было очень разным. Общей была противоположность хозяйственной организации городов внегородским, политическим, сословным и сеньориальным структурным формам: противоположность рынка ойкосу. Эту противоположность не следует представлять себе просто как «борьбу» между политическим или земельным сеньором и городом. Такая борьба существовала, конечно, повсюду, где город в интересах распространения своей власти принимал на свою территорию политически или поземельно зависимых людей, которых их господин не хотел отпускать, или включал их в качестве внегородских бюргеров в бюргерскую ассоциацию, даже если они не переселялись в город. В городах Северной Европы последнее стало после короткого промежутка не-

* Тест-акт, или Акт о присяге, — серия законов (1661, 1672, 1678), обязывающих членов корпораций, государственных служащих и членов палаты лордов и палаты общин подтвердить свою принадлежность англиканской церкви.

возможно из-за вмешательства княжеских ассоциаций и королевских запретов. В принципе противодействие было повсюду направлено не против экономического развития городов, а против их политической самостоятельности. Борьба возникла также в тех случаях, когда экономические интересы феодального сеньора сталкивались с интересами города в области политики регулирования товарных потоков и с его монополистическими тенденциями, а это случалось часто. И конечно, величайшие опасения военного феодального союза во главе с королем вызывало появление автономных крепостей в сфере их политических интересов. Германские монархи почти все время — с очень небольшими перерывами — испытывали подобные опасения, тогда как французские и английские короли часто проявляли большую доброжелательность к городам — по политическим причинам, вследствие их борьбы с баронами, а также из-за финансового значения городов.

Надо сказать, что и негативное влияние, которое рыночное хозяйство города как таковое могло оказывать (и с очень неодинаковым успехом действительно оказывало) на сеньориальную систему и косвенно на феодальный строй в целом, совсем не обязательно происходило в форме «борьбы» городов с представителями других интересов. Наоборот, на многих стадиях развития интересы оказывались в значительной степени общими. Политическим властителям и аристократам-землевладельцам были очень нужны денежные повинности зависимых от них людей; только город предоставлял этим людям местный рынок для их продуктов, а тем самым и возможность нести вместо барщины и натуральных повинностей денежные; аристократам-землевла-

дельцам же город давал возможность превращать продукты, получаемые натурой, в деньги, продавая их на местном рынке или — по мере развития капиталистической торговли — вне его, вместо того чтобы потреблять их *in natura**. Политические властители и аристократы-землевладельцы энергично использовали эти возможности, либо требуя от крестьян уплаты денежной ренты, либо основываясь на созданной рынком заинтересованности крестьян в большей продуктивности, возможной при увеличении размера хозяйственных единиц, которые дадут больше натуральных продуктов в виде ренты, и превращали добавочный продукт крестьянских хозяйств в деньги. Наряду с этим политический властитель и аристократ-землевладелец могли по мере развития местных и межрегиональных сношений взимать все больше различных пошлин на торговых путях, как это и происходило уже в Средние века на западе Германии. Поэтому основание городов и связанные с этим последствия были, с точки зрения господина города, чисто деловым предприятием, создающим возможности для извлечения денежных доходов. Исходя из таких экономических интересов, знать еще во время преследования евреев на Востоке, в частности в Польше, основывала множество «городов», что часто оказывалось неудачным; их исчисляемое несколькими сотнями население состояло иногда на 90% из евреев. Следовательно, такой специфически средневековый североевропейский вариант основания городов был фактически доходным «делом» и резко отличался, как мы увидим, от основания военных городов-крепостей, какими были античные полисы.

* «В натуральном виде» (*лат.*), то есть непосредственно.

Преобразование почти всех личных и вещных повинностей, требуемых земельным или судебным сеньором, в рентные требования и вытекающая из этого отчасти правовая, отчасти в достаточной степени фактическая экономическая свобода крестьян — сохранившаяся везде, где развитие городов было слабым, — возникла как следствие того, что доходы политических властителей и аристократов-землевладельцев в областях интенсивного развития городов все больше складывались из сбыта на рынке продуктов крестьянского хозяйства или крестьянских повинностей; их источником могли быть — и были — также другие хозяйственные возможности, связанные с торговыми сношениями, но никак не барщина зависимых крестьян или потребление предоставляемых ими продуктов в домашнем хозяйстве, как это происходило в хозяйстве ойкаса; теперь как сеньор, так и — правда, в меньшей степени — зависимые от него люди в значительной части удовлетворяли свои потребности ведением денежного хозяйства. Перемены в положении крестьянства зависели в значительной степени и от скупки земель сельской знати бюргерами, переходившими к рациональному хозяйствованию на этих землях. Этот процесс наталкивался на препятствия там, где для владения землями знати требовалось право на получение лена, которое городской патрициат к северу от Альп почти нигде не имел. Однако столкновения интересов политических властителей или аристократов-землевладельцев и городов нигде не происходили на почве «денежного хозяйства» как такового, напротив, между ними, несомненно, существовала общность интересов. Чисто экономическая коллизия возникала лишь там, где землевладельцы, стремясь повысить свои доходы,

стремились перейти к собственному неаграрному производству, ориентированному на извлечение прибыли, что, впрочем, было возможно лишь там, где в их распоряжении была соответствующая рабочая сила. В этом случае города начинали бороться с ремесленно-промысловым производством сеньоров, и именно в Новое время в рамках патримониально-бюрократического государства эта борьба часто принимала очень резкие формы. В Средневековье же об этом еще не было и речи; фактический распад старой сеньориальной ассоциации при ослаблении зависимости крестьян часто шел без всякой борьбы, а следствием его бывало дальнейшее распространение денежного хозяйства. Так обстояло дело в Англии. В других местах, правда, города непосредственно и сознательно способствовали такому развитию, например, как мы уже видели, в сфере господства Флоренции.

Патримониально-бюрократическое государство стремилось примирить противоположные интересы знати и городов, но поскольку оно нуждалось в знати в качестве офицеров и чиновников, оно запретило незнатным, следовательно и бюргерам, приобретать земли знати.

В Средние века конфликты такого рода у городов чаще возникали с церковными, особенно монастырскими феодалами, чем со светскими. Ведь духовенство вообще, а особенно после разделения церкви и государства в борьбе за инвеституру, было наряду с евреями главным специфическим чужеродным телом в городе. Владения церкви были в значительной степени освобождены от налогового бремени и обладали иммунитетом, то есть в отношении них не допускались никакие должностные действия, в том числе и со сто-

роны городских органов власти. Духовенство как сословие не несло военных и других повинностей, которые несли бюргеры. При этом число таких свободных от повинностей владений увеличивалось, а с ними, вследствие постоянного основания церковью благочестивыми горожанами, росло и число не вполне подвластных городскому управлению лиц. В своих светских братьях* монастыри имели рабочих, не обремененных заботой о семье и, следовательно, способных выиграть соревнование с любым внемонастырским конкурентом, если монастыри использовали их, что часто случалось, в собственном ремесленно-промысловом предприятии. Кроме того, монастыри и их основатели, совершенно так же, как вакуфы** средневекового ислама, в массовом порядке приобретали именно постоянные источники денежных рент — рыночные помещения, торговые площади, мясные лавки, мельницы и т.п., — которые благодаря этому оказывались изъяты не только из-под налогового обложения, но и из всей хозяйственной политики города. Часто монастыри к тому же пользовались монополиями. Их обнесенные стенами и обладавшие иммунитетом территории могли представлять собой опасность и в военном отношении. А церковный суд, запрещавший ростовщичество, повсюду препятствовал развитию деловых операций бюргеров. Против накопления земельных владений по праву мертвой руки*** горожане пытались бороться запретами, так же как князья и знать —

* Светские члены церковных общин.

** В исламском праве доходное недвижимое или движимое (но нерасходуемое) имущество, переданное на религиозные или благотворительные цели.

*** Право, по которому феодал мог изъять часть имущества крестьянина после его смерти.

посредством законов об амортизации. Но, с другой стороны, церковные праздники и прежде всего владение местами паломничества с продажей индульгенций давали части городских ремесленников и предпринимателей прекрасные возможности для заработка, а монастыри в той мере, в какой они были открыты для светских лиц, служили местами призрения для бюргеров. Поэтому отношения между духовенством и монастырями, с одной стороны, и горожанами — с другой, были в конце Средних веков, несмотря на все столкновения, совсем не всегда настолько плохи, чтобы в них одних можно было видеть «экономическое объяснение» Реформации. Церковные и монастырские учреждения не были, в сущности, столь неприкосновенны для городской общины, как это утверждалось каноническим правом. Справедливо указывалось, что особенно в Германии монастыри, после того как в ходе борьбы за инвеституру королевская власть была значительно ослаблена, лишились своего наиболее заинтересованного защитника от светских властей на местах и что сброшенная ими власть фогтов* могла очень легко возродиться в том или ином виде, если они серьезно займутся экономической деятельностью. Во многих случаях городскому совету удавалось фактически подчинить монастыри своей опеке, очень похожей на прежнюю власть фогта, навязывая им под различными предлогами и наименованиями помощников и управляющих, которые ведали владениями и делами монастыря в интересах города.

Сословное положение клира внутри ассоциации бюргеров было очень различным. Иногда он

* Светские должностные лица в церковных вотчинах, обладавшие судебной властью.

находился в правовом отношении просто вне городской корпорации, но и там, где дело не обстояло таким образом, он выступал в силу своих неистребимых сословных привилегий как неудобная для города, неассимилируемая чужеродная сила. Там, где победила Реформация, она покончила с этим, но городам, подпавшим вскоре под власть патримониально-бюрократического государства, это уже не помогло.

В этом отношении развитие в древности шло совсем иным путем. Чем дальше в глубь веков, тем больше экономическое положение храмов в древности похоже на положение церкви и особенно монастырей в раннее Средневековье, особенно ярко проявившееся в колониях Венеции. Здесь развитие шло не в сторону растущего разединения государства и церкви и роста самостоятельности церковных владений, как в Средние века, а в обратном направлении. Знатные роды городов захватывали жреческие должности, видя в них источник доходов и власти, а демократия полностью превратила их в государственную собственность и распродала места жрецов — обычно с аукциона, уничтожила политическое влияние жрецов и передала управление экономикой общинам. Большие храмы, такие как храм Аполлона в Дельфах и храм Афины в Афинах, были сокровищницами эллинистического государства, депозитными кассами рабов, и некоторые из них остались крупными землевладельцами. Но никакой экономической конкуренции храмов с гражданами в античных городах не возникало. Секуляризация церковного имущества не происходила и не могла происходить. Но фактически, хотя и не по форме, «обмирщение» концентрированных некогда в храмах ремесел проводилось зна-

чительно более радикально, чем в Средние века. Главной причиной этого было отсутствие монастырей и самостоятельной организации церкви как интерлокальной ассоциации.

Конфликты между гражданами городов и аристократами — земельными собственниками известны в Античности так же, как в Средние века и в начале Нового времени. Античный город проводил свою политику по отношению к крестьянам и свою взрывающую феодализм аграрную политику. Но эта политика была настолько шире по своему размаху и настолько отличалась по своему значению для развития городов от политики Средних веков, что различие выступает очень отчетливо. Оно должно быть рассмотрено в общем контексте.

§ 5. Античная и средневековая демократия

Особенность исторического развития средневекового города создавалась не экономической противоположностью бюргерского и небюргерского населения и формами их хозяйственной жизни. Решающим было положение города внутри политических и сословных ассоциаций Средневековья. В этом отношении типичный средневековый город очень отличается от античного; но и сам он делится на два легко переходящих друг в друга, но в своих наиболее чистых выражениях очень различных типа: один из них, преимущественно южноевропейский, в частности итальянский и южнофранцузский, во многом отличаясь от античного полиса, все же значительно более близок к нему, чем другой, преимущественно северофранцузский, немецкий и английский, который при всех различиях в этом отношении однороден. Нам необходимо еще раз обратиться к сравнению средневекового города с античным и, поскольку это будет целесообразно, с другими типами городов вообще, чтобы обозреть в общей связи причины их различия.

Рыцарский патрициат юноевропейских городов имел собственные бурги и земельные владения за пределами города, как, например, в античное время Мильтиад, о чем мы уже несколько раз упоминали. Владения и бурги рода Гримальди далеко распространялись по побережью Прованса. Но чем дальше на север, тем реже встречаются такие владения, а в типичном городе Центральной и Северной Европы более позднего времени они вообще отсутствуют. С другой стороны, демос, который, подобно аттическому, требовал бы, опира-

ясь на чисто политическую силу, предоставления различных выдач и части доходов, средневековому городу неизвестен, хотя в городских общинах Средневековья и даже Нового времени существовало прямое распределение экономических поступлений с общего имущества, напоминающее распределение дохода с соляных копей между афинскими гражданами.

1. Происхождение низших сословий в Античности: должники и рабы

Очень резка разница между положением низшего сословного слоя в античном и в средневековом городе. Главной опасностью экономической дифференциации в античном городе, которую старались, хотя и разными средствами, предотвратить все партии, было возникновение класса полноправных граждан, потомков полноправных фамилий, которые, оказавшись разоренными, в долгах, без собственности, неспособными приобрести необходимое для военной службы вооружение, хотели, чтобы в результате переворота или установления тирании произошли передел земель, прощение долгов или обеспечение из государственных фондов в виде раздачи хлеба, бесплатного посещения празднеств, зрелищ и цирковой борьбы, или просто предоставление государственных средств для участия в празднествах. Такие слои населения существовали и в Средние века. Они встречались и в Новое время в южноамериканских штатах, где неимущее «бедное белое ничтожество» (poor white trash) противостояло рабовладельческой плутократии. В Средние века деклассированные вследствие неуплаты долгов слои знати, например в Венеции, были пред-

метом таких же опасений, как в Риме во времена Катилины. Но в целом это обстоятельство не играло существенной роли в средневековых городах. Особенно в городах демократических. Во всяком случае, оно не служило типичной отправной точкой классовой борьбы, как это, несомненно, было в Античности. Ибо в ранний период Античности классовая борьба происходила между жившими в городах знатными родами, кредиторами, с одной стороны, и крестьянами, должниками, лишенными собственности и обращенными в рабство, — с другой. Типом деклассированного был *civis proletarius*, «потомок» полноправного гражданина. В позднее время имущим слоям противостояли погрязшие в долгах потомки знати, как, например, Катилина, которые становились во главе радикальной революционной партии. Интересы непривилегированных слоев античного полиса были главным образом интересами должников, а также потребителей. В хозяйственной политике античных городов все более исчезают те интересы, которые составили в Средние века основу демократической политики города, а именно интересы ремесленно-промышленной политики. Цеховая «политика обеспечения всем возможности зарабатывать на пропитание» в области городского хозяйства, которая в ранний период подъема демократии осуществлялась и в Античности, в ходе дальнейшего развития все более ослабевала, во всяком случае в том ее аспекте, который касался политики в отношении производителей. Развитой демократии греческих городов, как и достигшей полного господства римской аристократии, известны, поскольку речь идет о городском населении, наряду с торговыми интересами почти только интересы потребительские. Общий для

античной и средневековой политики, а также политики меркантилизма запрет на вывоз зерна оказался в Античности недостаточным. В центре хозяйственной политики стояла непосредственная забота государства о подвозе зерна. Доставка дареного зерна от дружественных правителей служила в Афинах главным поводом для пересмотра гражданских списков, чтобы исключить из них неправомочных. А неурожаи в поставляющих зерно областях Понта заставляли Афины требовать дани от союзников, из чего явствует, насколько цена на хлеб определяла жизнеспособность города. Закупка зерна полисом совершалась и в Элладе. Но громадного масштаба требование от провинций налогов в виде зерна для раздачи хлеба гражданам города достигло в поздний период Римской республики.

Специфической для Средневековья фигурой нуждающегося был бедный ремесленник, то есть безработный в области своего ремесла; специфически античным пролетарием был политически деклассированный вследствие потери земель прежний землевладелец. И в Античности существовала проблема безработицы ремесленников. Главным средством против нее было строительство больших государственных сооружений, как это делал Перикл. Но уже то, что в ремесле использовалось большое число рабов, делало положение ремесленников в то время иным. Конечно, и в ряде средневековых городов всегда были рабы. С одной стороны, в средиземноморских городах даже до конца Средних веков сохранялась настоящая работорговля. С другой — город прямо противоположного, абсолютно континентального типа, такой как Москва до отмены крепостного права, носил характер большого восточного горо-

да, например времени Диоклетиана, ибо там проживались ренты тех, кто владел землей и людьми, и доходы от должностей. В типичных же средневековых городах Запада рабский труд все больше терял свое экономическое значение и, наконец, вообще утратил его. Могущественные цехи нигде не допустили бы возникновения слоя ремесленников из рабов, платящих подушную подать господину, в качестве конкурентов свободных ремесленников. Обратное было в Античности. Там увеличение имущества означало увеличение числа рабов. Каждая война означала множество пленных, которыми затоваривался невольничий рынок. Часть рабов служила владельцу не для производства, а для потребления, то есть для личного обслуживания. В древности наличие рабов было необходимым требованием, чтобы вести образ жизни полноправного гражданина. Гоплит во времена непрерывных войн так же не мог обходиться без рабов в качестве рабочей силы, как средневековый рыцарь без крестьян. Кто совсем не имел рабов, везде считался пролетарием (в античном понимании). В лучших домах римской знати масса рабов использовалась, с одной стороны, для личного обслуживания; с другой стороны, рабы выполняли в большом хозяйстве самые разнообразные функции, между ними существовало очень дробное разделение труда, и своей производительной деятельностью они удовлетворяли если не все, то значительную часть потребностей домохозяйства не за счет рынка, а за счет производства внутри ойкиоса. Однако пища и одежда для рабов главным образом покупались на рынке. В экономике Афин нормой было полностью денежное хозяйство, впоследствии достигшее абсолютного господства на эллинистическом Востоке.

Но еще о Перикле говорили, что, желая приобрести популярность среди ремесленников, он старался удовлетворять свои потребности, совершая покупки на рынке, а не производя необходимое в своем хозяйстве. Вместе с тем значительная часть городского ремесленного производства находилась в руках самостоятельно занимавшихся предпринимательством рабов. Об эргастериях речь уже шла; наряду с ними работали отдельные несвободные ремесленники и мелкие торговцы. Очевидно, что совместный труд рабов и свободных граждан, как это происходило в смешанных группах аккордных работников при постройке Эрехтейона, социально влиял на статус труда как такового и что конкуренция рабов должна была ощущаться и экономически. Однако наибольшее распространение использования рабов относится в Греции именно к расцвету демократии.

2. Конститутивные элементы города: территориальные образования *vs.* ремесленные ассоциации

Это сосуществование рабского и свободно-го труда исключило в Античности и всякую возможность возникновения цехов. В ранний период существования полиса предположительно, хотя и недоказуемо намечались подступы к образованию ремесленных ассоциаций. Но, по-видимому, в виде объединений важных в военном отношении старых ремесленников, таких как *centuria fabrum** в Риме и «демиурги» в Афинах времен сословной борьбы. Однако именно при демократии эти ростки политической организации бес-

* Центурия ремесленников (лат.).

следно исчезли, и при тогдашней социальной структуре ремесла иначе быть и не могло. Мелкий гражданин античного полиса мог входить вместе с рабами в общину мистов (как это было в Греции) или в *collegium* (впоследствии в Риме), но не в такую ассоциацию, которая, как средневековый цех, притязала бы на политические права. В Средние века *popolo* был, в отличие от знатных родов, организован в цехи. А в классический период Античности именно при господстве демоса какие бы то ни было следы цехов отсутствуют (в отличие от существования их зачатков в более ранний период). «Демократический» город делится не на цехи, а на *демои*, или трибы, то есть на территориальные и (формально) преимущественно сельские округа. Таков был его отличительный признак.

Этого совершенно нет в Средние века. Деление внутри города на кварталы существовало, конечно, как в древности и в Средние века, так и в городах Ближнего Востока и Восточной Азии. Однако в средневековых городах и городах за пределами Европы политическая организация никогда не была основана исключительно на локальных объединениях и, главное, не распространялась на всю входящую в политический округ города сельскую местность таким образом, что формально деревня становилась подразделением города. Деление на демы (в основном) совпадало с (историческими или *ad hoc* — для данного случая — созданными) границами деревень. Демы имели альменды и собственные местные власти. Такая основа городского устройства не имеет аналогов в истории, и уже это одно свидетельствует об исключительности именно демократического полиса древности, которую следует особенно

подчеркнуть. А ремесленные ассоциации как конститутивные элементы города встречаются только в ранний период античной истории и лишь наряду с другими сословными корпорациями. Эти ассоциации играли определенную роль при выборах, таковыми в Риме были центурия ремесленников (*fabri*) наряду с центуриями всадников (*equites*) в старом, разделенном на классы войске и, возможно, но недостоверно, демиурги времен досолоновского сословного компромисса в Афинах. Они либо могли восходить к свободным объединениям — как, без сомнения, закрепленное в политическом устройстве очень старое *collegium mercatorum* с богом данной профессии Меркурием в Риме, — либо их источником могли быть ассоциации, образованные как литургийные единицы для нужд войска, ведь первоначально античный город покрывал свои потребности за счет повинностей, исполнявшихся гражданами. Обнаруживаются отдельные образования, напоминающие гильдии. Так, например, культовая ассоциация танцовщиков Аполлона в Милете с ее совершенно официально документированным (эпонимией* года по главе ассоциации) господствующим положением в городе (в деталях неизвестным) больше всего напоминает гильдии средневекового Севера, с одной стороны, и цехи магических танцовщиков у американских племен, магов (брахманов) в Индии и левитов в Израиле — с другой. Ее не следует представлять себе как пришлое племя профессионалов экстатических практик. В историческое время она представляет собой, пожалуй, клуб знатных родов, имеющих право участвовать в процессиях во славу Аполлона, следовательно, сто-

* То есть названием.

ит ближе всего к «цеху богатых» в Кёльне, только с типичной для древности, в отличие от Средних веков, идентификацией особой культовой общины с господствующим политическим гражданским цехом. Если, с другой стороны, в период поздней Античности в Лидии обнаруживаются коллегии ремесленников с наследственными старейшинами, заменявшие здесь, по-видимому, филы, то они, несомненно, происходят от старых пришлых племен ремесленников и представляют собой прямо противоположное западному развитию явление, напоминающее ход развития в Индии.

На Западе деление ремесленников по профессиям встречается вновь в виде позднеримских и раннесредневековых *officia* и *artificia* — организаций ремесленников, работавших на аристократов-землевладельцев. Позже, при переходе от Античности к Средневековью, встречаются ассоциации городских ремесленников, производящих товары на рынок, но лично зависимых от господина и платящих ему оброк; они служили, насколько можно судить, лишь для взимания оброков, но, быть может, первоначально были образованными господином литургийными ассоциациями. Наряду с ними были другие, вероятно столь же древние, впоследствии исчезнувшие объединения свободных ремесленников, созданные ради установления монополии и игравшие решающую роль в борьбе граждан с родовой знатью. В период же классической античной демократии нет и следа этого. Литургийные цехи, которые, быть может, существовали в ранний период развития городов, хотя несомненных указаний на это нет нигде, кроме данных о военных ассоциациях и ассоциациях для проведения голосования в Риме, вновь обнаруживаются в литургийном государстве поздней

античной империи. Несмотря на то что именно в период классической демократии свободные объединения охватывали всевозможные области, они, насколько нам известно, нигде не имели характер цехов и не стремились его иметь. Поэтому для нашего исследования они значения не имеют. Если бы где-то они хотели обрести экономический характер цехов, то, поскольку существовало множество несвободных ремесленников, им пришлось бы, как это делалось в средневековом городе, не проводить различия между свободными и несвободными членами их ассоциации. Но тогда пришлось бы отказаться от политического значения, а это повлекло бы за собой существенные неблагоприятные для них последствия экономического характера, о которых вскоре будет сказано. Античная демократия была «цехом» свободных граждан, и это определяло, как мы увидим, все ее политическое поведение. Свободные цехи или близкие им объединения впервые создаются, насколько до сих пор известно, именно в то время, когда политическая роль античного полиса пришла к концу. Идея же подавлять несвободных или свободных, но неполноправных ремесленников (из вольноотпущенников или метеков), изгонять их или значительно ограничивать в правах, очевидно, не могла быть принята в демократии как неосуществимая. Попытки такого рода, обнаруживаемые, что характерно, во время сословной борьбы, особенно при господстве законодателей и тиранов, позже, а именно после победы демократии, полностью исчезают. Массовое привлечение рабов частных господ наряду с гражданами и метеками к государственному строительству и государственным поставкам именно в период абсолютного господства демоса свидетельствует

со всей очевидностью как о том, что без них невозможно было обойтись, так и о том, что хозяева рабов не хотели отказываться от связанной с этим выгоды и обладали достаточной властью, чтобы предотвратить недопущение их к работам. В противном случае рабы наверняка не привлекались бы хотя бы к таким работам. Следовательно, труда свободных полноправных граждан совершенно не хватало для осуществления важных государственных задач. В этом проявляется коренное различие в структуре вполне развитого античного города и вполне развитого города средневекового при господстве в первом случае демоса, во втором — *popolo*. В раннедемократическом античном городе, находившемся под властью голлитов, живущий в городе ремесленник, который не имел надела (клера) и был экономически [не] способен явиться вооруженным в войско, не играл политической роли. В Средние века ведущими в политической жизни были живущие в городе крупные предприниматели из бюргеров (*popolo grasso*) и ремесленники мелкокапиталистического типа (*popolo minuto*). Внутри античного полиса эти слои, как показывает общая политическая ситуация, не имели (решающей) власти. Так же как античный капитализм был политически ориентирован на государственные поставки, государственное строительство и вооружение, на государственный кредит (в Риме это было политическим фактором уже в период Пунических войн), на государственную экспансию и добычу в виде рабов, земли, дани и привилегий в области покупки или получения в виде пожалований прав на землю, торговлю и поставки в подчиненные города, так в этом была заинтересована и античная демократия. Крестьяне, пока они составляли ядро войска

гоплитов, стремились получить завоеванные земли для поселения. Мелкие горожане были заинтересованы в прямых и косвенных доходах с подчиненных общин: в государственном строительстве, в деньгах для участия в зрелищных предприятиях, в раздаче зерна и других даров государства из кармана его подданных. Состоящее преимущественно из сельских землевладельцев войско гоплитов при своем господстве в период сословных компромиссов Клизфена, а в Риме в период децемвиров, уже исходя из собственной потребительской заинтересованности в дешевом обеспечении никогда не допустило бы ничего подобного цеховой политике средневековых городов. А более поздний, находившийся под влиянием специфически городских интересов эллинский суверенный демос явно не был заинтересован в такой политике, да и не имел возможности ее проводить.

Политические цели и средства античной демократии были диаметрально противоположны целям и средствам средневекового бюргерства. Это находило свое выражение в неоднократно уже упоминавшемся различии в делении городского населения. Если в Средние века знатные роды и не исчезли, а вынуждены были войти в состав цехов как составная часть бюргерства, то это означало, что при голосованиях в цехах среднее сословие обладало по отношению к ним большинством голосов, а значит, они формально теряли часть своего влияния. Часто, правда, происходило и обратное: цехи, как, например, лондонские *liveries*, превращались ими в плутократические корпорации получателей рент. Однако этот процесс всегда означал усиление власти внутригородского, непосредственно занятого или заинтересованного в торговле, ремеслах и промыслах, то есть

в современном смысле «буржуазного» слоя. Напротив, когда в древности вместо старых личных родовых ассоциаций, фил и фратрий или наряду с ними совершалось деление на демы или трибы и к ним или к их представителям переходила вся политическая власть, то это имело двойственное значение. Во-первых, уничтожение влияния родов, ибо их владения, состоявшие из пожалований и земель, приобретенных за неуплату долгов, были в значительной степени рассеяны и, будучи разбросаны по отдельным демам, нигде не могли служить основой действительного влияния. Теперь они подлежали регистрации и налогообложению в демах, а это означало падение политической власти крупного землевладения в большей степени, чем было бы, например, в наши дни введение крупных поместий Восточной Германии в сельские общины. Во-вторых, и это главное, деление всей территории города на демы означало занятие всех должностей в совете и в учреждениях представителями демов, как это было сделано в Греции, или, как в Риме, деление комиций (налоговых комиссий) по трибам (на 31 сельскую и четыре городские). Как минимум по своему изначальному замыслу такое деление должно было предоставить решающее значение не городским, а сельским слоям населения и установить их господство над городом; следовательно, речь должна идти не о росте политического влияния городского, занятого предпринимательством населения, как при господстве *popolo*, а, наоборот, о росте политического влияния крестьянства. Это означает, что в Средние века носителями «демократии» были с самого начала предприниматели, а в Античности, во времена Клизфена, — крестьянство.

3. Экскурс: сравнение афинских и римских конститутивных элементов города

Фактически — и достаточно длительно — это имело место только в Риме. В Афинах принадлежность к демам была постоянной и наследственной, так же как принадлежность к фратрии и роду, и не зависела от места жительства, владения землей и профессии. Так, член пеанского дема, куда входил, например, Демосфен, веками в правовом отношении принадлежал к Пеании, ею привлекался к несению налоговой повинности и избирался по жребию на должности совершенно независимо от того, был ли он еще связан с ней местожительством или владением землей. Это приводило, конечно, к тому, что через несколько поколений в ходе притока переселенцев в Афины демы утратили характер локальных крестьянских ассоциаций. Теперь горожане всевозможных ремесленных профессий считались членами сельских демов. Следовательно, демы стали, в сущности, подобно филам, чисто личными подразделениями городского населения. Это привело к тому, что в Афинах граждане, присутствующие на месте народного собрания, не только пользовались бóльшим влиянием в силу уже самого своего присутствия, но и составляли по мере роста города большинство в формально числившихся сельскими демах. Иначе обстояло дело в Риме. Применительно к четырем старым городским трибам сначала действовал, по-видимому, аналогичный принцип. Но более поздние сельские трибы стали включать в свой состав только тех, кто владел землей и жил на их территории. При передаче земли другому владельцу и приобретении нового земельного владения в другом месте менялась и принад-

лежность к трибе. *Gens Claudia*, например, именем которого называлась триба, позже уже не входил в нее. В результате и здесь, как в Афинах, а из-за громадной территории даже в большей степени, присутствовавшие в комициях, то есть жившие в городе члены триб оказывались в более благоприятных условиях. Но в отличие от Афин это относилось только к тем, кто имел земельные владения в сельских местностях, причем настолько крупные, что мог позволить себе пребывание в городе, осуществляя обработку своих земель чужими силами, иными словами — только к получателям земельных рент. Таким образом, после победы плебеев в комициях Рима господствовали крупные и мелкие сельские землевладельцы, получавшие ренту. Разница между положением в Афинах и в Риме сохранялась благодаря преобладанию в Риме фамилий крупной земельной знати, а в Афинах — городских демагогов. Римский плебс был не *prolo*, не объединением торговых, ремесленных и промысловых цехов, а представлял собой преимущественно сословие сельских, способных нести службу в гоплитских отрядах землевладельцев, среди которых господствующее политическое влияние имели, как правило, только те, кто жил в городе. Плебеи были первоначально не мелкими крестьянами в современном понимании и тем более не классом крестьян в понимании средневековом. Они составляли в экономическом отношении способный к военной службе слой сельских землевладельцев, а в социальном отношении это были, правда, не джентри (*gentry*), но иомены (*yeomanry*), и во время подъема плебса, в зависимости от размера землевладения и образа жизни, они по своему характеру были средним слоем общества, следовательно, своего рода

сельским бюргерством. С ростом экспансии Рима росло и влияние живших в городе землепользователей-узуфруктуариев. Остальное же население города, занимавшееся промыслами, входило в четыре городские трибы, следовательно, не имело никакого влияния. Этого всегда держалась римская знать, и даже реформы Гракхов вовсе не были нацелены на то, чтобы внести какие-либо изменения и установить «демократию» эллинского типа. Этот сельско-бюргерский характер римского войска позволял удерживать господство крупным, живущим в городе домам сенаторов. В отличие от греческой демократии, которая учреждала состав совета по жребию и уничтожила ареопаг как кассационную инстанцию — он состоял преимущественно из бывших должностных лиц и соответствовал римскому сенату, — в Риме сенат оставался руководящим учреждением города, и попытки изменить что-либо в этом никогда не предпринимались. В период наибольшей экспансии командование войсками принадлежало офицерам из знатных фамилий города. Партия реформ Гракхов в позднеереспубликанское время стремилась, подобно всем специфически античным социальным реформаторам, прежде всего к установлению военной силы политической ассоциации, к приостановлению деклассирования и пролетаризации сельских землевладельцев, скупки их земель крупными собственниками, к увеличению их числа, а тем самым к созданию самоэкипирующегося войска граждан. Следовательно, эта партия также была прежде всего сельской — настолько, что Гракхи, чтобы провести хоть какие-то из своих реформаторских планов в жизнь, были вынуждены привлечь в своей борьбе против должностной аристократии капиталистический слой всадников, за-

интересованных в аренде государственной земли и в государственных поставках; из-за своей предпринимательской деятельности всадники не допускались к занятию должностей.

4. Экономическая политика и военные интересы

Политика Перикла в области государственного строительства справедливо рассматривалась и как средство предоставить занятие ремесленникам. Так как строительство оплачивалось из дани союзников, они и служили источником заработков ремесленников, но, как можно установить из надписей об участии в работах метеков и рабов, не только ремесленников, обладавших полноправным гражданством. Подлинным «заработком безработных» из низших слоев населения были во время Перикла матросская служба и военная добыча, прежде всего в морских сражениях. Поэтому именно демос и был так склонен к войне. Этих деклассированных граждан не удерживали дома никакие хозяйственные дела, им нечего было терять. Настоящей же политики поддержки ремесленников-производителей на протяжении всего развития античной демократии в качестве решающего фактора не существовало.

Если политика античного города преследовала в первую очередь интересы городских потребителей, то это, несомненно, относится и к средневековому городу. Однако меры, принимавшиеся в Античности, были значительно более решительными, вероятно потому, что казалось невозможным предоставить снабжение зерном таких городов, как Афины и Рим, одной только частной торговле. Между тем и в Античности иногда поощ-

рялся экспорт особо важных товаров. Однако отнюдь не преимущественно ремесленного производства. Кроме того, политика античных городов никогда не исходила из интересов производителей. Решающими для политики старых приморских городов повсюду были интересы городских патрициев, землевладельцев и всадников, занимавшихся морской торговлей и пиратством, которые служили источником их богатства; затем, в период ранней демократии, интересы живших в сельских местностях землевладельцев, способных нести службу в войске гоплитов, — этот слой встречается только в средиземноморских городах Античности; и наконец, интересы владельцев капиталов и рабов, с одной стороны, и слоя мелких бюргеров — с другой; обе эти группы — крупные и мелкие предприниматели, получатели ренты, воины и матросы — были заинтересованы, хотя и различным образом, в удовлетворении потребностей государства и в добыче.

Политика средневековых городских демократий была принципиально иной. Причины этого различия коренились в самом основании города и проявлялись уже на этой стадии. Они определялись географическими, военными и культурно-историческими условиями. Средиземноморские города *Античности* при своем возникновении вообще не сталкивались со значительной военной силой, сконцентрированной вне города и обладавшей — что особенно важно — высокоразвитым военным искусством. Наоборот, они сами создавали военное искусство высокого уровня, сначала в городах в виде аристократическо-родовой фаланги, затем — и прежде всего — в виде дисциплинированной боевой тактики гоплитов. Там, где в Средние века существовали сходные в военном

отношении условия, как, например, в южноевропейских приморских городах раннего Средневековья и в аристократических городских республиках Италии, развитие во многом напоминает ситуацию в античных городах. В южноевропейском городе-государстве раннего Средневековья аристократическое членение обуславливалось уже самым аристократическим характером военного дела. Меньше всего демократий было среди приморских городов и (относительно) бедных городов внутри страны с политически им подчиненными большими территориями, где господствовал городской патрициат, получающий ренты (как Берн). Напротив, промыслово-ремесленные города внутри страны, особенно континентальные города на севере Европы, противостояли в Средние века военной и административной организации королей и их вассалов, живших в разбросанных по всей территории континента рыцарских бургах. В значительной мере, а на севере и внутри континента в большинстве случаев эти города со времени их основания были обязаны своим существованием концессиям, полученным от политических властителей и аристократов-землевладельцев, входивших в состав феодальной военной и чиновной ассоциации. Их конституирование как «городов» чем дальше, тем больше обуславливалось не политическим или военным интересом военной ассоциации землевладельцев, а прежде всего экономическими мотивами основателя, рассчитывавшего на получение с их помощью таможенных пошлин, налогов и других торговых доходов. Город был для него прежде всего хозяйственным, а не военным предприятием, а где военный интерес и имел некоторое значение, оно становилось все меньше и меньше. Характерная

для средневековых западных городов автономия различной степени достигалась лишь в той мере и в том случае, если находившийся вне города властитель — это было единственным всегда решающим моментом — еще не располагал таким аппаратом обученных должностных лиц, который мог бы настолько обеспечить управление городскими делами, чтобы удовлетворить его связанные с экономическим развитием города интересы. Административный и судебный аппарат сеньоров города еще не располагал в раннее Средневековье ни достаточными знаниями, ни необходимым постоянством состава, ни профессиональной рациональной объективностью, чтобы самостоятельно руководить делами городских торговцев и предпринимателей, далекими от требующих всего их внимания собственных интересов и сословных привычек. Изначально властителя города интересовали только денежные поступления. Если гражданам города удавалось этот интерес удовлетворить, он обычно воздерживался от вмешательства в их дела, чтобы не ослаблять притягательную силу основанных им же самим городов и не терпеть поражение в соперничестве с другими властителями, сокращая этим свои доходы. Соперничество между сеньорами за влияние, особенно между центральной властью и крупными вассалами и иерократической властью церкви, шло на пользу городам, тем более что союз с богатыми бюргерами обещал ряд преимуществ в этой конкурентной борьбе. Поэтому чем более единой была организация политической ассоциации, тем меньшего развития достигала политическая автономия городов. Ибо ее развитие вызывало сильнейшие опасения всех феодальных властей начиная с королей. Только отсутствие бюрократического ап-

парата управления и нужда в деньгах заставляли французских королей, начиная с Филиппа Августа, и английских, начиная с Эдуарда II, опираться на города, подобно тому как немецкие императоры пытались опираться на епископов и на церковное землевладение. После борьбы за инвеституру, в ходе которой немецкие императоры лишились этой опоры, императоры Салической династии также предпринимают немногочисленные попытки поддержать города. Но как только политические и финансовые возможности королевской власти и территориальных патримониальных властей позволили им создать необходимый административный аппарат управления, они стали пытаться уничтожить автономию городов.

Таким образом, исторический промежуточный период автономии в развитии средневековых городов был обусловлен совершенно иными причинами, чем в городах Античности. Типичный античный город, его господствующие слои, его капитализм, интересы его демократии, все это — и чем больше выступает его античный характер, тем больше — ориентировано прежде всего на политику и войну. Падение знатных родов и переход к демократии были следствием изменения в военном деле. Борьба со знатью, вытеснение ее с ведущих позиций в военном и затем в политическом отношении велись самоэкипирующимся дисциплинированным войском гоплитов. Успехи этой борьбы были различны, иногда она, как, например, в Спарте, приводила к полному уничтожению знати, иногда, как в Риме, к формальному уничтожению сословных разграничений, к удовлетворению требований рационального, легкодоступного судопроизводства, к правовой защите личности, к устранению жестких правовых норм для

должников при фактической неизменности положения знати, принимавшего иную форму. Иногда же борьба завершалась, как в Афинах во времена Клисфена, включением знати в демы и тимократическим правлением. До тех пор, пока решающим фактором был слой сельских гоплитов, обычно сохраняются авторитарные институты государства знатных родов. Очень различной была и степень милитаризации институтов. Спартанские гоплиты рассматривали всю принадлежащую воинам землю и сидящих на ней несвободных как общее владение и позволяли каждому воину, участвующему в обороне города, притязать на долю земельной ренты. До этого не доходил ни один другой полис. Широко было распространено сохранившееся отчасти и позже ограничение отчуждения земли, полученной в виде военной добычи, то есть унаследованной членами городских цехов, в отличие от ограниченной только притязаниями рода на наследство, а в остальном свободно отчуждаемой земли. Однако и это ограничение вряд ли существовало повсюду, а позже вообще исчезло. В Спарте накопление земель запрещалось спартиатам, но разрешалось женщинам; это настолько изменило экономическую основу изначально охватывавшего восемь тысяч полноправных граждан воинства, *homoioi*, что в конце концов лишь несколько сотен из них были в состоянии получить полное военное обучение и делать взносы в сисситии*, от чего зависело полноправное гражданство. Напротив, в Афинах свобода движения земельной собственности в соединении с делением на демы благоприятствовала созданию мелких земельных участков, что со-

* Институт коллективных трапез.

ответствовало росту садовой культуры. В Риме же свобода движения земельной собственности, существовавшая в основных чертах со времени Двенадцати таблиц, привела совсем к иным результатам, так как при этом было разрушено деревенское устройство. В Греции демократия, связанная с гоплитами, исчезла повсюду, где центр тяжести военного могущества переместился на морские силы (в Афинах окончательно после поражения при Коронее). С той поры пришла в упадок военная выучка, были устранены остатки старых влиятельных институтов, а в политике и в институтах города стал господствовать городской демос.

Подобные чисто военнообусловленные перипетии не были известны средневековому городу. Победа *povoło* была основана в первую очередь на экономических причинах. И типичный средневековый город, бюргерский промыслово-ремесленный континентальный город был вообще ориентирован в первую очередь на экономику. В Средние века феодальные власти не были прежде всего городскими правителями и аристократами. Они не были, подобно античной знати, заинтересованы в том, чтобы поставить себе на службу специфически городские средства ведения войны, которые мог им дать только город как таковой. Ведь средневековые города, за исключением приморских городов с их военными флотами, не обладали такими специфическими военными средствами. Наоборот: в то время как в Афинах отряды гоплитов и их обучение, то есть военные интересы, все больше становились центром городской организации, большинство городских привилегий в Средние века начинались с того, что военная повинность бюргеров ограничивалась гарнизонной службой. В экономическом отношении сред-

невековые бюргеры были чем дальше, тем больше заинтересованы в доходах посредством мирной торговой и промыслово-ремесленной деятельности, причем низшие слои городского бюргерства в наибольшей степени, о чем свидетельствует противоположность политики *popolo minuto* политике высших сословий в Италии. Политическая ситуация средневекового бюргера превращала его в *homo oeconomicus*, в Античности же полис эпохи расцвета сохранял характер боевой организации, отличающейся максимальным развитием военного дела: античный гражданин был *homo politicus*. В североевропейских городах министриалы и рыцари часто, как мы видели, исключались из состава городского населения. Землевладельцы не рыцарского сословия в качестве простых подданных города или его пассивных, не имеющих прав гражданства обитателей или иногда организованных в цехи садоводов и виноградарей, не имели политического и социального влияния и играли в городской политике очень незначительную роль, вернее, вообще почти никакой роли не играли. Сельская округа оставалась, как правило, лишь объектом городской хозяйственной политики и все больше становилась таковой. Типичный средневековый город никогда и не думал становиться орудием колониальной экспансии.

5. Зависимые, клиенты, вольноотпущенники и их политическая и экономическая роль

Тем самым мы подошли к важному вопросу — к сравнению сословных отношений в городах древности и Средневековья. В античном полисе были, помимо уже обсуждавшихся рабов, сословные слои, известные Средневековью либо только

в ранний период, либо только вне городов, либо вообще неизвестные. К ним относятся: 1) зависимые, 2) обращенные в рабство должники, 3) клиенты, 4) вольноотпущенники. Три первые группы относятся, как правило, лишь к периоду до демократии гоплитов и позже теряют свое значение. Напротив, вольноотпущенники играют именно в поздний период значительную роль.

1. Патримониальная зависимость обнаруживается в античном полисе в историческое время преимущественно в завоеванных областях. В ранний период феодального развития городов она была, по всей вероятности, очень распространена. Повсеместно сходное в ряде основных черт, но во всех деталях очень различное положение зависимых в Античности принципиально не отличается от положения зависимых в Средние века. Они подвергались повсюду преимущественно экономической эксплуатации. Наиболее полно зависимость сохранялась на эллинской территории там, где городская организация не установилась, в частности в Италии и в тех городах, где действовала столь строгая военная организация, что зависимый человек принадлежал государству, а не своему господину. Вне этих областей они во времена господства гоплитов почти повсюду исчезли. Зависимость возникла вновь в эллинистическую эпоху в западных областях Востока вместе с возникновением там городской организации. Большие территории, где сохранялось племенное устройство, передавались отдельным городам, жители которых составляли эллинский (или эллинизированный) гарнизон, подчиненный правителям. Однако эта изначально чисто политическая зависимость неэллинского сельского населения (*εθνη*) носит совершенно иной характер,

чем патримониальная зависимость раннего времени, и выходит за рамки исследования автономных городов.

2. Обращенные в рабство должники играли в качестве рабочей силы очень важную роль. Они были экономически деклассированными гражданами. Их положение составляло специфическую социальную проблему в старой сословной борьбе между городским патрициатом и сельскими гоплитами. В законодательстве эллинов, а также в Двенадцати таблицах, в законах о должниках и в политике тиранов в ряде заключенных компромиссов учитывались интересы этих деклассированных крестьянских слоев сельской местности. Это совершалось различным образом. Обращенные в рабство должники были не лично и поземельно зависимыми людьми, а свободными землевладельцами, которые были приговорены к пребыванию с семьей и землей в длительном рабстве или в частной долговой тюрьме, или сами добровольно перешли в это состояние, чтобы избежать наказания. Большой частью их использовали в хозяйстве в качестве арендаторов предоставленной им земли кредитора. Представляемая ими опасность очевидна из того, что закон Двенадцати таблиц предписывает продавать осужденного должника за пределы страны.

3. Клиентов следует отличать как от обращенных в рабство должников, так и от зависимых. Они не были, подобно вторым, презренными подчиненными, а составляли свиту господина; их отношение к нему было основано на верности, вследствие чего судебная тяжба между господином и клиентом считалась делом религиозно предосудительным. В отличие от обращенных в рабство должников, их эксплуатация в хозяйственных

интересах патрона рассматривалась как нечто неподобающее. Они составляли орудие его личной и политической, но не экономической власти. Их отношение к господину регулировалось *fides**, соблюдение которой обеспечивал не судья, а нравственный кодекс; нарушение *fides* кем-либо из участников таких отношений влекло за собой в Риме сакральные последствия (нарушение *fides* влекло за собой бесславие). Клиенты появились во время сражений всадников и господства знати; первоначально они лично сопровождали господина на войне и были обязаны подносить ему дары, поддерживать в случае необходимости, а иногда и выполнять какую-либо работу; господин же предоставлял им земельные наделы и защищал их в суде. Они были, говоря средневековым языком, его министралами, но не его холопами. От более поздних министралов они отличались своим нерыцарским рангом и образом жизни, они были маленькими людьми, имевшими небольшие крестьянские земельные наделы, слоем плебеев, держателей военных ленов. То есть клиент не был владельцем земли, не входил в местные сообщества и поэтому не являлся участником военной ассоциации; он был человеком, поступившим под патронат (в Риме посредством *applicatio*** как кого-либо главы рода (*pater*) или монарха, от которого он получил вооружение и землю (технический термин в Риме — *adtribuere*). Положение клиента было большей частью унаследованным. Таково старое значение клиентелы. И совершенно так же, как в Средние века, во времена господ-

* Доверие, вера (*лат.*); здесь: обещание, имевшее юридический статус.

** Присоединение (*лат.*).

ства знати возник институт мундиума*; в Античности сходные условия заставляли мелкое свободное крестьянство массами становиться клиентами знатных лиц, хотя бы для того, чтобы те представляли их в суде. Таков был, вероятно, в Риме источник происхождения более поздних и свободных форм клиентелы. Вначале же, по крайней мере в Риме, клиенты находились в полной зависимости от господина. Еще в 134 году до н.э. Сципион в качестве военачальника рекрутировал в армию своих клиентов. В эпоху гражданских войн их заменили колонны (мелкие арендаторы) крупных землевладельцев.

В Риме клиент имел право голоса в военном собрании и, согласно преданию (см. у Ливия), служил существенной опорой знатных родов. Юридически институт клиентелы, вероятно, уничтожен не был. Однако с установлением техники гоплитов его прежнее военное значение было утрачено, и в более позднее время он служил лишь для обеспечения социального влияния господина. Эллинская же демократия полностью уничтожила этот институт. В средневековом городе он существовал только в форме мундиума полноправного бюргера над неполноправным, вступившим под его патронат. С падением господства родов исчезла и защита клиентов патронами в суде.

4. Наконец, в античном городе были вольноотпущенники. Их число, а также их роль были очень значительны. Использовались они экономически. Из тщательно проверенных итальянскими исследователями надписей следует, что около половины вольноотпущенников составляли женщины. В этом случае отпуск на волю, вероятно, совер-

* Институт патроната в древнегерманском праве.

шался ради заключения законного брака и выкуп совершал, очевидно, жених. Судя по надписям, особенно много вольноотпущенников было из числа домашних рабов — следовательно, они были обязаны своей свободой личному расположению хозяина. Дают ли эти данные правильное представление о составе вольноотпущенников, судить трудно, так как естественно, что в надписях упоминается в первую очередь эта категория. Но вполне вероятно, что, как указывает Кальдерини*, число такого рода отпусков на волю растет в периоды политико-экономического упадка и убывает в периоды экономического подъема: сокращение возможностей для получения доходов побуждало владельцев сокращать объем домохозяйства и взваливать в трудные времена риск ведения хозяйства на рабов, которые должны были обеспечивать себя сами и выполнять свои обязанности перед хозяином. Авторы аграрных трактатов упоминают об отпуске на волю в виде награды за успехи в ведении хозяйства. Нередко хозяин отпускал на волю домашнего раба, чтобы, как указывает Штрак**, не нести за него, пусть даже ограниченной, судебной ответственности. Но другие категории этого слоя играли меньшую роль. Так, раб, которому его хозяин предоставил право самостоятельно заниматься предпринимательской деятельностью в обмен на уплату оброка, имел наибольшие возможности накопить деньги для выкупа на волю, как это делали крепостные в России. Очевидно, во всяком случае, что для хозяина наибольшую роль играли услуги и подати, к которым

* В книге «Освобождение от рабства и условия жизни вольноотпущенников в Греции» (1908).

** В работе «Вольноотпущенники и их значение в древних обществах» (1914).

обязывался вольноотпущенник. Отношение вольноотпущенника к семье его хозяина носило чисто патримониальный характер, и эта связь исчезала только через несколько поколений. Он был обязан не только оказывать услуги и исполнять повинности, часто тяжелые, но и наследство его, как и несвободных в Средние века, в значительной степени находилось под контролем хозяина. Долг уважения принуждал вольноотпущенника к послушанию различного рода, что усиливало социальное влияние и даже политическую власть хозяина. Следствием этого было то, что при развитой демократии, например в Афинах, вольноотпущенники были полностью лишены прав гражданства и причислялись к метекам. Напротив, в Риме, где господствующее положение должностной знати никогда не было сломлено, вольноотпущенники входили в число граждан; но по настоянию плебса они могли быть зачислены только в четыре городские трибы: в этом должностная знать уступила плебеям, опасаясь, что в противном случае может быть подготовлена почва для тирании. Попыткой такого рода в Риме сочли предложение цензора Аппия Клавдия дать вольноотпущенникам равное с гражданами право голоса, распределив их по всем трибам. Однако это не следует вслед за Эдуардом Мейером понимать как попытку установить «перикловскую» демагогию. Ибо Перикл опирался не на вольноотпущенников, которые были именно демократией лишены всех гражданских прав, а наоборот — на заинтересованность полноправных граждан в политической экспансии города. Вольноотпущенники Античности являлись в своем большинстве слоем мирных хозяйствующих людей, *homines oeconomici*, которые были значительно ближе, чем какой-либо полно-

правный гражданин античной демократии, к хозяйствующему бюргерству Средних веков и Нового времени. Вопрос заключался, следовательно, в том, будет ли создан в Риме с помощью вольноотпущенников институт народных капитанов; отклонение попытки Аппия Клавдия означало, что определяющими факторами по-прежнему остаются крестьянское войско и господствующая над ним должностная аристократия.

Поясним несколько особое положение вольноотпущенников, этого в известном смысле наиболее современного, близкого к «буржуазии» слоя Античности. Они нигде не получили доступа ни к должностям, ни к жречеству, ни к полному *connubium**, ни к участию в военных учениях (*gymnasion*) — хотя в случае необходимости их и призывали в армию, — ни к судопроизводству; в Риме они не могли войти в состав всадников, и почти повсюду их положение в судебном процессе было менее благоприятным, чем положение свободных. Их особое правовое положение означало для них в экономическом отношении не только то, что они были лишены предоставляемых государством и других политически обусловленных преимуществ статуса полноправного гражданина, но и, главное, невозможность обладания земельной собственностью, а тем самым и правом на ипотеку. Таким образом, земельная рента именно при демократии, что характерно, оставалась особой монополией полноправных граждан. В Риме, где вольноотпущенники были гражданами второго сорта, недопущение их в сословие всадников означало, что для них были закрыты (по крайней мере, в качестве собственных

предприятий) откупы налогов в крупных масштабах и коммерческие операции по поставкам государству, монополизированные всадниками, которым они противостояли как своего рода плебейская буржуазия. Практически же это означало, что данный слой оказался исключенным из сферы античного политически ориентированного капитализма и вынужден был вступить на стезю получения доходов, сравнительно близкого современному. И действительно, вольноотпущенники, резко отличаясь от типичного демоса, состоящего из полноправных граждан греческих городов, монополизировавшего политически обусловленные ренты — государственные, ипотечные, земельные, а также поденные выплаты, — являются важнейшими представителями тех форм дохода, которые ближе всего современным, и соответствуют нашему среднему сословию мелких капиталистов, достигающих тем не менее значительного богатства. Обучение рабов различным формам труда и возможность выкупа служили несвободным в Античности важным стимулом к заработку, так же как это было в Новое время в России. Напротив, интересы античного демоса лежали в области военных действий и политики. Экономические интересы вольноотпущенников влекли их к общине культа Августа как защитника мира. Основанное им почетное звание августалов соответствует нашему званию поставщика двора.

В Средние века вольноотпущенники как особое сословие известны только в ранний период до основания городов. Внутри городов полное или частичное право господина на наследство зависимого стало уже в первый период развития городов ограничиваться принципом «городской воздух делает свободным», а также императорскими при-

вилегиями городам, запрещавшими притязания на наследство бюргеров, а со времени господства цехов это право вообще было уничтожено. Если в Античности цеховая организация, в которую входили бы ремесленники из полноправных граждан, из среды вольноотпущенников и из рабов, совершенно немыслима как политическая основа города, представляющего собой военную ассоциацию, то средневековый цеховой строй исходил, как раз наоборот, из полного игнорирования внегородских сословных различий.

6. Полис как цех воинов *vs.* средневековый торговый континентальный город

Резюмируя, можно сказать, что античный полис был со времени создания дисциплинированного войска гоплитов цехом воинов. Каждый город, который хотел вести активную политику на суше, должен был в большей или меньшей степени следовать примеру жителей Спарты и создавать из граждан обученные отряды гоплитов. Аргос и Фивы также создали в период своей экспансии контингенты виртуозов военного дела, в Фивах они были еще усилены личными узами товарищества. Города, не имевшие подобных отрядов и ограничивавшиеся гоплитами из граждан, как Афины и большинство других городов, были вынуждены довольствоваться на суше обороной. Однако после падения знатных родов гоплиты городов стали господствующим классом полноправных граждан. Аналогии им нет ни в Средние века, ни где-либо еще. И греческие города неспартанского типа также носили в той или иной степени характер постоянного военного лагеря. Поэтому в первый период господства гоплитов в полисе

города, в отличие от большой свободы передвижения во времена Гесиода, ограничивают связь с внешним миром и затрудняют отчуждение предоставленных за участие в военных действиях наделов. Однако в большинстве городов этот институт скоро перестал действовать и оказался вообще ненужным с того момента, как главной силой стали наемные войска, а в приморских городах — флот. Но и тогда военная служба оставалась решающим фактором для политического господства в городе, а город по-прежнему сохранял характер цеха военных. В Афинах именно радикальная демократия проводила фантастическую, если принять во внимание ограниченное число жителей города, политику экспансии, в орбиту которой попали Египет и Сицилия. Внутри полис был в качестве военной ассоциации абсолютно суверенным и полностью распоряжался отдельным гражданином во всех отношениях. Вопреки знаменитому утверждению Перикла в надгробной речи Фукидиду, что в Афинах каждый может жить как хочет, строго карались плохое ведение хозяйства, особенно разбазаривание унаследованного военного надела («*bona paterna avitaque*»*) из римской формулы лишения правоспособности), супружеская неверность, дурное воспитание сына, дурное обращение с родителями, безбожие, гордыня (*hybris*) — вообще любое поведение, представляющее опасность для военного и гражданского порядка и способное вызвать гнев богов, угрожающий полису; в Риме это влекло за собой вмешательство цензора. Таким образом, в принципе о личной свободе в образе жизни не могло быть и речи, а там, где она фактически существовала,

* Имущество отца и деда (*лат.*).

это было куплено ценой меньшей боеспособности гражданского ополчения, как в Афинах. Экономически греческий город также безусловно распоряжался имуществом граждан: при неуплате долга город еще в эллинистическое время отдавал в залог кредитору имущество должника и его самого. Гражданин был прежде всего солдатом. В каждом городе, как указывает Павсаний, наряду с источником воды, рынком, общественными зданиями и театром был гимнасий. Он не мог отсутствовать. Большую часть времени гражданин проводил на рынке и в гимнасии. Он участвовал в экклесии, суде присяжных, занимал в свой черед место в совете и выполнял другие должности, и прежде всего участвовал в походах, десятилетиями из года в год, каждое лето; таким образом, занятость гражданина деятельностью во имя интересов города была в Афинах именно в классическое время так велика, как ни в одной дифференцированной культуре до и после этого времени. На каждое достаточно значительное состояние демократический полис накладывал свою руку. Литургийная обязанность триерархии, то есть снаряжения военных судов и обеспечение их командным составом; иерархия, то есть устройство больших празднеств и представлений; принудительные займы в случае необходимости, аттический институт антидосиса* — все это создавало неустойчивость в образовании состояний граждан. Абсолютно произвольное судопроизводство народных судов (гражданские процессы с участием сотен совершенно не знакомых с правом присяжных) настолько снижало уровень формально-правовой

* Возможность передать повинность более состоятельному лицу или, в случае отказа, обменяться с ним имуществом.

защищенности, что удивление вызывает скорее сохранность имущества граждан, чем сильные потрясения при любой политической неудаче. Каждая такая неудача вела к тем более разорительным последствиям, что рабы, составлявшие одну из важнейших частей имущества, при этом разбегались. Вместе с тем для сдачи на откуп своих поставок, для сооружений и налогов демократия нуждалась в капиталистах. В Элладе отсутствовал национальный класс капиталистов, каким в Риме были всадники. Большинство городов пыталось увеличить конкуренцию между капиталистами, допуская и приглашая заинтересованных лиц извне, но отдельные городские области были слишком малы, чтобы предоставить достаточные шансы на прибыль. Типичными формами вложения капитала граждан были земельная собственность, обычно в небольшом числе рабы, которые платили господину повинности или сдавались внаем в качестве рабочей силы (Никий), затем владение кораблями и финансовое участие в торговле. Для господствующих городов к этому присоединялось помещение капиталов в иноземные ипотеки и владение землей. Последнее стало возможно только после уничтожения местной землевладельческой монополии подчиненных цехов. Поэтому основными целями господства на море было приобретение государством земель, которые затем сдавались в аренду афинянам или раздавались аттическим клерухам, и допуск афинян к владению землей в подчиненных городах. Следовательно, и в период демократии владение землей и людьми играло в экономическом положении городов решающую роль. Война, которая могла разрушить все имущественные отношения, была непрерывной и, в отличие от рыцарского поведения воинов

во время борьбы родов, велась с крайней беспощадностью. Почти за каждой победой следовало массовое убийство пленных, за каждым захватом города — уничтожение или обращение в рабство всего населения. После каждой победы поэтому сразу же увеличивался приток рабов. Такой демос, конечно, не мог ориентироваться прежде всего на развитие мирного экономического приобретения и рационального ведения хозяйства.

В этом отношении средневековое бюргерство уже в первый период развития вело себя по-иному. Сходные с Античностью явления обнаруживаются в Средние века в приморских городах, в Венеции и прежде всего в Генуе, богатство которой было связано с ее заморским колониальным господством. Но главным здесь были плантации или поместья, с одной стороны, и торговые привилегии и ремесленно-промысловые поселения — с другой, а не клерухии*, не плата за военную службу и не подачки из военной дани массе жителей города, как это было в древности. Средневековый ремесленно-промысловый континентальный город полностью отличается от античного города. Правда, после победы *popolo* предприниматели высших цехов были настроены очень воинственно. Решающее значение для них имели устранение препятствующих их деятельности конкурентов, господство над торговыми путями или свобода от пошлин, торговая монополия и складочное право. Конечно, и в средневековом городе происходили сильные преобразования в области землевладения как в результате военных побед, так и при перемене господствующих

* Владения жителей города, находящиеся за его пределами.

партий. Это прежде всего относится к Италии. Земли побежденной или враждебной партии могли быть взяты господствующей партией в аренду после принудительной передачи их под государственное управление или просто куплены, а каждое подчинение чужой общины увеличивало земельный фонд победившего города и тем самым возможность приобретения земли его гражданами. Однако при всей радикальности этих изменений их невозможно сравнивать с теми огромными перемещениями земельной собственности, которые следовали еще в поздний период античных городов за каждой революцией, за каждой победоносной внешней войной или за гражданской войной внутри города. Прежде всего: главный экономический интерес в экспансии средневекового города составляло не землевладение. В отличие от любого античного города в эпоху независимых полисов, средневековый город в период господства цехов был в значительной степени образован, ориентированным на получение доходов посредством рационального ведения хозяйства. Только после уничтожения городской свободы в эпоху эллинизма и поздней Римской империи положение изменилось вследствие исчезновения шансов на экономическую выгоду для граждан посредством военной политики города. Конечно, и в Средние века были города, служившие двигателями прогресса военной техники, например Флоренция, в армии которой впервые была применена артиллерия. И уже сам факт созыва бургерского ополчения в Ломбардии для противостояния Фридриху I представлял собой значительное новшество в военном деле. Однако войска рыцарей, во всяком случае, не уступали отрядам горожан, а иногда, особенно на ровной местности,

имели значительное преимущество. Жителям городов внутри страны военная сила могла служить лишь опорой, а не основой их доходов. Ввиду того что города не являлись местопребыванием высших военных чинов, доходы бюргеров были связаны с использованием рациональных средств ведения хозяйства.

7. Античные города-государства и препятствия для возникновения имперских образований

Античный полис создал четыре великих типа власти: сицилийское государство Дионисия, аттический союз, карфагенское и римско-италийское государства. Пелопоннесский и беотийский союзы можно оставить без внимания ввиду эфемерности их положения в качестве великих держав. Каждое из этих четырех образований имело свою, отличную от других основу. Великая держава Дионисия была чисто военной монархией, опирающейся на наемников и только наряду с ними на войско, составленное из граждан; в качестве нетипичной она не представляет для нас специфического интереса. Аттический союз был созданием демократии, то есть цеха граждан. Это с необходимостью должно было привести к строго ограничительной политике в области прав гражданства и к полному подчинению союзных демократических цехов бюргеров цеху граждан господствующего города. Так как размер дани не был твердо установлен договором, а односторонне утверждался в Афинах, хотя и не самим демосом, а избранной им контрадикторно действующей комиссией, и так как все процессы союзников рассматривались в Афинах, то небольшой цех граждан этого города был неограниченным властителем большого

государства, особенно после того, как постройка собственных кораблей и пополнение их людьми заменялись, за немногими исключениями, денежными взносами союзников, и тем самым вся служба во флоте оказалась в руках населения господствующего города. Поэтому достаточно было одного сокрушительного поражения, нанесенного флоту этого демоса, чтобы с его господством было покончено. Величие города Карфагена, где господствовала плутократия влиятельных родов, которые в типичной для античного города манере соединяли в своих руках торговлю, ведение морских войн и крупное землевладение, представлявшее собой обрабатываемые рабами плантации с применением капиталистических методов, держалось на наемных войсках. (Чеканить монету город начал только в ходе экспансии.) Отношения между военачальниками, войска которых были привержены им лично и связывали получение добычи с их успехами и судьбами, и патрицианскими домами города не могли не быть напряженными — такая напряженность всегда, вплоть до Валленштейна, существовала между полководцем, собравшим наемное войско, и теми, кому он служил. Это никогда не ослабевающее недоверие настолько препятствовало успешному проведению военных операций, что тактическое преимущество профессионального наемного войска по сравнению с ополчением итальянских городов не было постоянным и оказалось утрачено, как только и во главе ополчения были поставлены назначенные на длительный срок полководцы, а военные качества командиров и солдат достигли уровня наемных войск. Недоверие карфагенской плутократии и спартанских эфоров к победоносным военачальникам вполне соответствует поведению

демоса Аттики и применению созданного им института остракизма. Опасение же господствующего слоя, что при образовании военной монархии он разделит участь покоренных народов, парализовало экспансию. Всем античным общинам гоппитов свойственно нежелание (основанное на связанных с экономическими преимуществами монополистических политических интересах) расширять свое эксклюзивное сообщество полноправных граждан, сняв ограничения на получение прав гражданства, в результате чего эта их исключительность растворилась бы в едином праве гражданства державы, состоящей из множества отдельных общин. Эта тенденция никогда полностью не исчезала в формах объединения общин на пути разработки внутригородского права гражданства. Ибо все, чем пользовался человек в качестве гражданина, — право, основания для престижа и идеальной бюргерской гордости, а также его экономические возможности, — было связано с его принадлежностью к военному цеху граждан, а строгая замкнутость культовых сообществ по отношению друг к другу служила дополнительным фактором, сдерживавшим образование унитарного государства. На то, что все эти моменты не были совершенно непреодолимы, указывает беотийское союзное государство, где наряду с автономией отдельных городов существовали общее право гражданства, общие должностные лица, общее принимающее решения собрание, состоящее из представителей граждан всех общин, общая денежная система и общее войско. Однако это едва ли не единственный пример такого рода в греческом мире. Пелопоннесский союз был совершенно иным, а все другие союзы имели противоположную направленность. Совершенно особое

социальные условия заставили проводить в римской общине столь отличную от античного типа политику.

В Риме в значительно большей степени, чем в любом античном полисе, господство сохраняли, вновь захватив его после временного поражения, знатные роды ярко выраженного феодального типа. Это отразилось и на характере римских институтов. Победа плебса не привела к делению на демы, как в Элладе, а формально выразилась в господстве входивших в трибы крестьян, фактически же она привела к господству живущих в городах сельских крупных землевладельцев, получавших ренту: только они постоянно участвовали в политической жизни города. Только они имели экономическую возможность «отлучаться [от хозяйства]», то есть могли исполнять городские должности, а сенат или представительство крупных чиновников формировали ряды должностной знати. К этому присоединяется чрезвычайно большое значение феодальных или полуфеодальных отношений зависимости. В Риме клиента как институт, даже постепенно лишившись своего военного характера, играла большую роль до самого последнего времени. Мы видели, что вольноотпущенники, по сути, были очень близки к рабам в том, что касалось права ведения судебных процессов: Цезарь велел казнить одного из своих вольноотпущенников, не встретив никакого возражения. Должностная знать Рима все больше превращалась в такой слой общества, который по величине его земельных владений можно только в слабой степени уподобить тем представителям раннеэллинической межрегиональной знати, называемым «тиранами», одним из которых был Мильтиад. Во время Катона Старшего земельные

владения были еще не столь велики, хотя и значительно превышали, например, наследственные владения Алкивиада или те, которые считает обычными Ксенофонт. Однако отдельные знатные фамилии, несомненно, уже тогда сосредоточили в своих руках огромные владения и участвовали как прямо в соответствующих их положении, так и косвенно через своих вольноотпущенников и рабов в считавшихся не соответствующими их сословному статусу коммерческих предприятиях по всему миру. Эллинская знать ни в коей мере не могла сравниться по своему экономическому и социальному положению со знатными родами Рима периода поздней республики. В растущих владениях римской знати увеличивалось число мелких арендаторов (*coloni*), которые, получая инвентарь от хозяина и находясь в ведении своего хозяйства под его контролем, впадали после каждого кризиса во все большую задолженность и фактически наследственно прикреплялись к своей земле, оказываясь в полной зависимости от хозяина, и во время гражданских войн вожди партий рекрутировали их в войска в качестве вспомогательных частей (так же как полководцы призывали клиентов еще в Нумантинскую войну).

Однако в положении клиентов оказывались не только отдельные люди. Победоносный полководец брал под свою защиту союзные города и страны, и этот патронат сохранялся за его родом. Так, клиентами рода Клавдиев были Спарта и Пергам, иные фамилии имели клиентами другие города, принимали их послов и представляли в сенате их интересы. Нигде в мире отдельные, формально частные фамилии не обладали таким патронатом. Таким образом, задолго до возникновения монархий частные лица уже облада-

ли властью, которой обычно располагают только монархи.

Демократия не смогла сломить эту основанную на различных отношениях клиентелы власть должностной знати. В Риме даже не возникала мысль о включении знатных родов в демы и о превращении таких ассоциаций в образования, конституирующие политический союз, чтобы сломить таким образом господство родов, как это было сделано в Аттике. Не предпринималась и попытка создать по жеребьевке комитет из демоса в качестве административного органа власти и конституировать судебный орган, состоящий из свободно определенных по жеребьевке присяжных, как это было сделано в Аттике после уничтожения ареопага. В Риме контроль над управлением сохранял наиболее близкий ареопагу орган представителей должностной власти — сенат в качестве постоянной корпорации, противостоящей постоянно меняющимся выборным служащим; даже победившая военная монархия не сразу сделала попытку оттеснить знатные роды от управления, а только обезоружила их и ограничила управлением умиротворенных провинций.

Патримониальная структура господствующего слоя проявлялась и в ведении дел. Сначала канцелярский персонал, вероятно, подбирался повсюду самими должностными лицами. Однако позже они были в значительной степени лишены права в мирное время назначать низших чиновников; полководцу же, несомненно, помогали в выполнении его функций клиенты и вольноотпущенники, а также сопровождавшие его в качестве свиты личные друзья и политические сторонники из союзных родов, ибо в походах передача должностей доверенным лицам была в значительной степе-

ни разрешена. В первое время военной монархии и принцепс, несмотря на последующее ограничение, правил в значительной мере с помощью своих вольноотпущенников; этот слой общества именно в правление обладавшего большим числом клиентов рода Клавдиев достиг апогея своей силы, и император из этого рода мог угрожать сенату даже формально передать все управление тем, кто являлся его личными подданными. И так же как во времена господства родовой знати поздней республики, основой экономической власти принцепса было чрезвычайно выросшее, в особенности в правление Нерона, землевладение, например в таких областях, как Египет, которыми если и не юридически, как иногда утверждалось, то фактически управляли как своими патримониальными владениями. Этот сохранившийся до позднего времени патримониальный и феодальный характер Римской республики с господством знатных родов в управлении искони существовал в своем своеобразии как непрерывно сохраняющаяся традиция, хотя вначале, конечно, сфера этого господства была уже, и служил источником очень важных отличий от эллинства. Характерны были и различия во внешнем образе жизни. В Элладе во времена колесничных боев знатные люди проводили время в местах для гимнастических упражнений. Источником главных черт эллинского воспитания был агон, продукт индивидуального боя и прославления воинского героизма. Главное различие со средневековыми турнирами, хотя колесницы и лошади и тут стояли на первом плане, с самого начала заключалось в том, что определенные официальные праздники справляли всегда только в форме агона. С развитием техники гоплитов круг агона только рас-

ширился. Все, чему учились в гимнасии: метание копья, борьба, кулачный бой и прежде всего состязание в беге, — принимало эту форму и становилось, таким образом, «достойным общественного внимания». Ритуальные песнопения в честь богов дополнялись мусическими агонами. И хотя знатные люди блистали в состязании качеством своего имущества — лошадей и колесниц, которые он выставлял на соревнование от своего имени, — формально равными должны были быть признаны и агоны плебеев. Организация агона предусматривала призы, судей, правила состязаний и пронизывала всю жизнь. Наряду с героическими песнопениями агон был важнейшим национальным связующим звеном эллинства в противоположность варварам.

Уже в древнейших произведениях искусства эллины изображены нагими, держащими в руках только оружие, и это было, как представляется, их специфическим признаком. Из Спарты, средоточия высшей военной тренировки, этот обычай распространился по всему эллинскому миру, не оставив места даже набедренной повязке. Ни в одном обществе мира институт состязания не получил такого значения; он господствовал во всех областях: в искусстве и в беседе, примером чего могут служить состязания в платоновских диалогах. Вплоть до позднего времени византийского господства цирковые партии оставались формой выражения раскола масс и революционных настроений в Константинополе и Александрии. Италийцам институт агона, во всяком случае в виде, принятом в классической Греции, был чужд. В Этрурии городская знать лукумонов господствовала над презираемыми плебеями и развлекалась борьбой оплачиваемых атлетов. В Риме

знать также отказывалась от участия в состязаниях вместе с толпой и перед нею, считая это низким. Ее чувство престижа никогда не допускало такого отсутствия дистанции и чувства собственного достоинства, которые проявлялись, на ее взгляд, в гимнастических празднествах обнаженных *graeculi**, так же как и в культовых танцах и песнопениях, в дионисийской оргиастике или в *alienatio mentis*, безумии, в состоянии экстаза. В политической жизни Рима играли также меньшую роль речи и общение на агоре и в экклесии, исчезли состязания в гимнасии. Речь стали произноситься позже и преимущественно в сенате; соответственно, они носили совсем иной характер, чем политическое ораторское искусство аттических демагогов. Политику определяли традиция и опыт стариков, прежде всего бывших должностных лиц. Не на молодость, а на зрелый возраст были ориентированы правила хорошего тона в общении и характерное для римлянина чувство собственного достоинства; рациональные соображения, а не воспламененная речами жажда добычи у демоса или эмоциональное возбуждение молодежи определяли политику. Рим продолжал руководствоваться опытом, вескими соображениями и оставался под феодальной властью знатных родов.

* Греки (лат.).

От научного редактора

При подготовке настоящего издания перевод М.И. Левиной* был заново сверен с оригиналом. В новой редакции устранен ряд смысловых неточностей и ошибок и изменен перевод целого ряда важных для Вебера понятий. Так, слово *Verband* мы переводим не как «союз», а как «ассоциация», поскольку слово «союз» используется в тексте для перевода слов *Bund* и *Bündnis*. Слово *Bürger* переведено нами как «бюргер» или «гражданин города», поскольку использованное Левиной слово «горожанин» не обозначает ныне жителя города, обладающего всей полнотой гражданских прав и обязанностей. Слово *Fernhandel* переведено в новой редакции как «дальняя», а не «заморская», как в прежнем переводе, торговля, потому что это понятие включает в себя в том числе обмен товарами между регионами, не разделенными морем. Слово *Ortschaft* восстановлено в своем точном значении «населенный пункт» вместо ошибочного перевода «местность». Слова *Gewerbe/gewerblich* переведены в новой редакции как «промыслы»/«промысловый» вместо прежних «ремесло»/«ремесленный» или «промышленность»/«промышленный», так как эти понятия включают в себя и виды деятельности, не связанные с материальным производством, например содержание гостиниц, повивальное дело, музицирование, преподавание, нотариат и т.д.

По возможности минимизирована лексика, традиционная для русскоязычной марксистской историографии, — она слишком тесно связана

* Впервые опубликовано в 1994 году. См. новейшее издание: Вебер М. Избранное: Образ общества. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

со специфически российскими реалиями и не отражает словоупотребления, характерного для Вебера, который в универсальном значении часто использовал термины, имеющие специфически европейские и даже исключительно немецкие коннотации (*Burg, Bürger, Zunft, Zins, Fronarbeit, Ritter* и т.д.). Впрочем, найти удачные решения для перевода всех слов такого рода нам не удалось, поэтому и в отредактированной версии сохраняются, к сожалению, термины с отчетливыми местными коннотациями, например «барщина» и «оброк» — их следует понимать максимально абстрактно, как «трудовую повинность» и «натуральные подати» в самом общем смысле.

Это же касается и других культурно специфических, но употребляемых Вебером в универсальном значении понятий, сохраненных в новой редакции перевода: слово «бург» здесь означает любое укрепленное жилище аристократа без различий с фортификационной точки зрения; слово «князь» (которым переведено немецкое *Fürst*) следует понимать не как дворянский титул, а как обозначение правителя, обладающего значительным, но не полным суверенитетом над сравнительно крупной территорией.